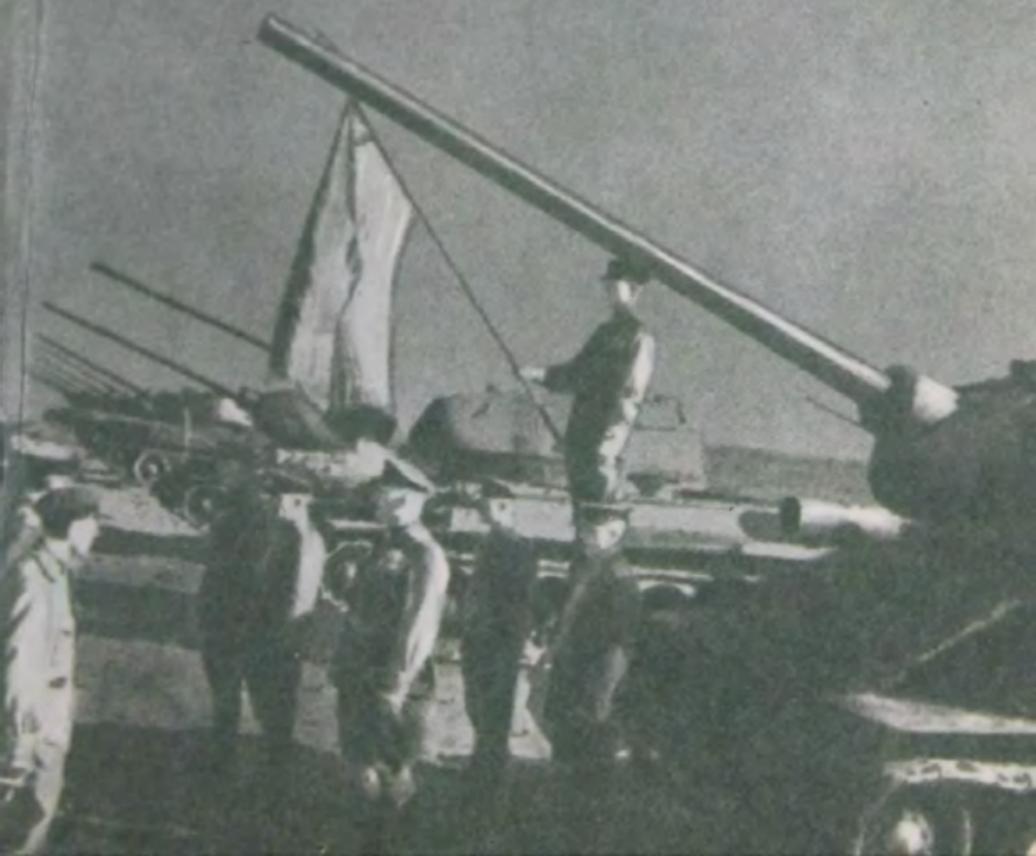

А. М. Кривень

**ЭТО
БЫЛО
НА ХИНГАНЕ**

ПОЛИТИЗДАТ

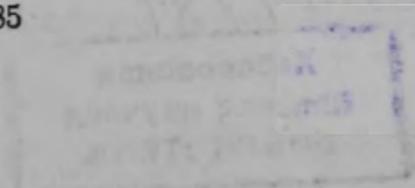

А. М. КРИВЕЛЬ

**ЭТО
БЫЛО
НА ХИНГАНЕ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

1892.7 + 63.3 (2) 722.13

63.3(2)7

к 82

к 82

0505030202-100

✓ К

079(02)-85

143-85

2284781 + 0 ✓

© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

Хабаровская
Красная научная
БИБЛИОТЕКА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В тот день я дежурил в редакции и возвращался домой поздно, в первом часу ночи. Мертво двигавшиеся полупустые вагоны метро убаюкивали. Вот и станция. Вошел на эскалатор, взялся за поручень и задремал.

Вдруг кто-то толкнул меня в бок. Я очнулся. И о чудо! Передо мной стоял не кто иной, как Димка Траханов. Высокий и могучий Димка глядел на меня и улыбался. Вместо гимнастерки он был одет в элегантный серый костюм. Мы обнялись под удивленными взглядами редких пассажиров.

— Куда?— спросил я, будто мы вчера расстались.

— Домой,— ответил он.— Я тут живу неподалеку. А ты?

И сразу нахлынули воспоминания...

Ночь. Темная маньчжурская ночь. Впрочем, не совсем темная. Впереди горит низкий, густой лес. Горит каким-то неестественным синеватым пламенем. Только что его «прочесала» с раздражающим душу греском (как будто рвут гигантский брезент) батарея «катюш». На

опушке леса — противник. Из окопов и дотов с перерывами бьют цветные пульсирующие струи.

Но вот пулеметы японцев затихают, противник поднимается в атаку. Мы еще не знаем, что это их последняя атака...

До нас долетает глухое «банзай». Видим, как в предрассветной мгле будто растворяются в тумане набегающие темные цепи...

Мы с Дмитрием лежим на вершине горки в наскоро отрытом окопчике наблюдательного пункта пехотного полка, занимающего позиции внизу. Мы, артиллерийские разведчики, готовим данные для своих батарей. Расчеты надо делать моментально, в уме. Ведь вся ценность этих данных для закрытых, отстоящих на километры батарей, которые поддерживают огнем лежащую впереди пехоту, — в оперативности. Мы это понимаем, не отрываемся от стереотрубы. Устали оба до крайности. В те минуты, когда смотрю не в окуляры, а, например, вверх, кажется, что по небу ползут красные, синие, зеленые мурашки. Смотрю на измученное, с провалившимися глазами лицо Дмитрия. «Наверное, и у меня такое», — успеваю подумать — и снова к стереотрубе.

...Сереет рассвет. Острые пики Хинганского хребта вырисовываются на фоне начинающего светлеть неба.

— Куда подевались связисты, стервецы, — ворчит Дмитрий. — Нет и нет! — И снова хриплым голосом кричит что-то в телефонную трубку.

В самом деле, где они? Переваливаюсь через бруствер и попадаю под разрывы мин. Вжимаюсь в воронку. Рядом два молодых сол-

дата, убитых взрывом. В мертвых руках одного — размотанная телефонная катушка.

И вдруг японцы замолкли, прекратили стрельбу и наши. Стало тихо-тихо. В ушах бьют молоточки: так, так, так...

В чем дело? Впрочем, мы догадались. Японцы будут сдаваться. Неясные, глухие слухи об этом ходили среди солдат уже несколько дней.

Вот в одном окопе робко поднялся белый лоскут, в другом, и вдруг весь склон Хинганского хребта запестрел белыми флагами.

А потом... Потом невиданная картина. Они шли к нам, построены повзводно, и на повороте бросали оружие, патроны, снаряжение. Росла и росла куча винтовок, пистолетов, подсумков. Полупьяные смертники в новеньком обмундировании тоже выбирались из укрытий и осторожно укладывали на песок мины.

Я глядел на своих товарищей. Как-то непривычно вели они себя. Затих и с любопытством всматривался в бесконечную ленту людей в желто-зеленых мундирах батарейный балагур Валя Никитин. Мрачно стоял на склоне сопки сержант Дмитрий Траханов. Автомат держал в руках вниз стволом. Присев на корточки, снизу вверх с интересом глядел на японцев ефрейтор Василий Елисеев. Мы звали его по имени-отчеству — Василием Никаноровичем, что в армии случается довольно редко. Очень уважали. За житейскую мудрость, за сноровку, за готовность помочь в трудную минуту и даже за то, что умел Елисеев как никто красиво носить пилотку, ремень и сапоги.

— А что они все в очках? — неожиданно спросил он. У Елисеева вопросы всегда были неожиданные.

— Грамотные,— сострил кто-то.

— Грамотные-то грамотные, да не в ту сторону,— пробормотал Елисейев. И снова все молчали, глядели на низкорослых, но отнюдь не хилых кадровых японских солдат и офицеров, молча складывающих оружие. Блестели стекла их очков, а под стеклами прятались черные прищуренные глаза.

Военные удачи агрессивной Империи восходящего солнца кончились. Солнце жгучее, августовское, всходило из-за Хингана не для нее.

И еще помнится, ползли по пыльному хинганскому серпантину в глубь Китая параллельно две колонны: желто-зеленая — рядами военные японцы и серая беспорядочная — живые скелеты — китайцы в лохмотьях, вчерашние заключенные из чжалайнорских подземных катакомб. Они с ненавистью смотрели на японцев. Стоило кому-либо из бывших солдат-окупантов на минутку выйти из колонны, как на него набрасывались сотни китайцев, и зазевавшийся пленный исчезал. И только конвойные автоматчики — советские солдаты — удерживали толпу от готового вот-вот разразиться массового самосуда.

А на самом высоком перевале виднелся зеленый силуэт агитмашины. Оттуда несся вальс «На сопках Маньчжурии»: «Тихо вокруг. Это герои спят...»

Да, погибли десятки тысяч советских солдат и офицеров. Многие из них полегли на нашем участке фронта, штурмуя железобетонные доты Хайлара и оцетинившиеся оружием предгорья Хинганского хребта.

Так мы встретили 17 августа 1945 года. Командующий Квантунской армией отдал в

тот день приказ о повсеместной капитуляции. Кончилась война. Так кончилась, а начиналась...

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ВАЛЬС

Вальс «На сопках Маньчжурии»... Помню его совсем мальчонкой. Играл деревенский гармонист с выжженными в первую мировую войну глазами. Грустные слова. Не о живых, об убитых. Как и другие песни про ту тяжелую, непонятную и далекую войну 1904—1905 года. Ну, например, «Варяг»: «Последний парад наступает...»

Оставляя в стороне причины той войны, скажем только о ее начале. Япония напала на Россию без предупреждения, без объявления войны, во время переговоров. В ночь на 9 февраля 1904 года японский флот вероломно атаковал русскую эскадру, в Порт-Артуре были торпедированы боевые русские корабли. Выведены из строя два броненосца и крейсер. Одновременно в порту Чемульпо подверглись нападению крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец».

В памяти народа остался бессмертный подвиг «Варяга», вступившего вместе с канонерской лодкой «Кореец» в неравный бой с семью неприятельскими крейсерами.

Одно за другим следуют неудачные для России сражения: на реке Ялу, Ляоянское, на реке Шахэ. Все довершает поражение русской армии при Мукдене, флота — при Цусиме. Героическая оборона Порт-Артура не принесла успеха. Крепость сдана японцам. Поражение. Потеря исконно наших территорий — Южного Сахалина и Курильских островов.

Прошли годы. И вновь японская агрессия. Во время интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах японцы оккупировали Приамурье, Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин, заняли Владивосток. На этих направлениях было сосредоточено более половины имевшихся тогда у Японии войск, то есть 11 дивизий из 21. В разбойничье нападение вовлекались также боевые корабли и морская пехота. Советской стране был, как подсчитала специальная комиссия, нанесен ущерб в несколько десятков миллиардов рублей.

1929 год. Японская военщина поддерживает белокулаков при нападении на КВЖД. Конфликт заканчивается полным разгромом белокулаков.

Проходит еще девять лет. Всю страну взволновали события на Хасане. Я учился тогда в шестом классе. И как сегодня помню, приехал к нам в школу рабочего поселка Мишелевка герой Хасана Иван Алферов. Помню новенькую медаль «За боевые заслуги», блестящую у него на груди, синий диагональный военный костюм, молодое, энергичное лицо.

Иван рассказывал о боях на Хасане. Собственно говоря, я уже знал кое-что о них из журналов «Пионер» и «Костер», которые читал тогда регулярно. В подробностях по описаниям было известно о подвигах пограничников на сопке Безымянной. 29 июля 1938 года ее обороняли лейтенант А. Е. Махалин, командир отделения Т. М. Шляхов, красноармейцы С. А. Бигус, Д. А. Ельцов, П. А. Кобляков и другие. Японцы напали ночью. Однако пограничники удержали сопку до утра. А когда наступающие цепи противника поднялись к самой вершине,

оставшиеся в живых советские воины бросились в контратаку. Тут-то и подоспело подкрепление.

Помощь на Безымянную тогда послал с соседней сопки Заозерной земляк Махалина (оба родом из Пензенской области) Петр Федорович Терешкин. За мужество и отвагу, проявленные в боях на Хасане, Терешкину было присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа одна из пограничных застав в Приморском крае.

С помощью подоспевших на подмогу солдат махалинцы отбили еще пять атак противника и трижды поднимались в контратаки.

Иван Алферов рассказал нам об обстановке, сложившейся на дальневосточных границах накануне хасанских боев. Еще в 1931 году, напомнил наш земляк, Япония, вероломно напав на Северный Китай, захватила его северо-восточные провинции и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Отсюда японские милитаристы решили продолжить поход теперь уже на Советский Союз.

Число аэродромов в Маньчжурии с 1931 по 1936 год увеличилось почти в десять раз, численность Квантунской армии — в пять раз. Японцы начали организовывать провокации на дальневосточной границе. Не проходило дня, чтобы на каком-то участке не устраивалось «прощупывания» штыком стойкости наших пограничников. За десять лет, предшествующих событиям у озера Хасан, советские пограничники ликвидировали на Дальнем Востоке 150 бандитских отрядов, организованных и вооруженных японскими милитаристами. Один лишь погранотряд в районе Гродеково за это время

задержал 384 шпиона, 37 диверсантов, 216 бандитов, около 10 тысяч контрабандистов. 20 февраля 1938 года японские власти незаконно остановили в море пароход «Кузнецкстрой», а 19 июля того же года фашиствующие молодчики в Токио ворвались в здание советского полпредства.

Японские милитаристы перед нападением на территорию СССР у озера Хасан не удержались от обычной для них провокационной акции. Они провели в поселке Хомоку, по ту сторону государственной границы, «демонстрацию». Переодетые в штатские представители особых служб противника «возмущались» придуманным ими же «захватом» чужой территории советскими пограничниками. Гнусный спектакль снимался на киноплёнку специально прибывшими операторами, чтобы потом демонстрировать на экранах метрополии и колоний «справедливое возмездие».

Вообще, надо отметить, что по части подобных провокаций японцы были большими специалистами. Вспомним хотя бы «события», предшествующие оккупации Маньчжурии. В октябре 1931 года неподалеку от самого крупного города Северо-Восточного Китая — Мукдена группа переодетых японцев взорвала железнодорожный путь. «Виноватой» во взрыве была объявлена китайская сторона. «Пришлось» Японии для защиты своих интересов ввести войска в Маньчжурию, то есть оккупировать ее.

Вероятно, именно у милитаристов Японии позаимствовала опыт и гитлеровская Германия, когда группа эсэсовцев инспирировала перед началом второй мировой войны, накануне

1 сентября 1939 года, «нападение польских войск» на радиостанцию в Гляйвице.

15 июля 1938 года японский посол в Москве предъявил Советскому правительству требование об отводе советских войск к западу от озера Хасан. Японская военщина решила попытаться отторгнуть этот район у Советского Союза, захватить в первую очередь сопки Безмянную и Заозерную, расположенные в 10 километрах от побережья Тихого океана, ну и проверить тем самым силу и крепость Советской Армии.

30 и 31 июля 1938 года нападение повторилось крупными силами. Японцам удалось потеснить советские части и углубиться на территорию Советского Союза до четырех километров.

К этому времени командование советских войск на Дальнем Востоке сосредоточило в районе Хасана имевшиеся поблизости силы. Они были значительными. Общая атака позиций, захваченных японцами, намечалась на 2 августа 1938 года. Удар планировалось нанести тремя стрелковыми полками при поддержке танковых батальонов и артиллерийских дивизионов.

Наступление началось. Красноармейцы сражались героически. Молодежные журналы и газеты писали о подвиге танкиста М. И. Баранова. Его танк прорвался к проволочному заграждению противника и стал уничтожать огневые точки, мешавшие продвижению нашей пехоты. Враг встретил танк сильным артиллерийским огнем, но боевая машина продолжала двигаться вперед, уничтожая одну за другой пулеметные точки,

Вдруг танк забуксовал. Осмелев, японские солдаты приблизились к нему, но были встречены сильным пулеметным огнем. По танку Баранова снова начала стрелять артиллерия противника. Несколько снарядов разорвалось в болоте, не причинив вреда машине. Группа японских солдат, подобравшись к танку, подожгла его резиновые катки. Баранов выпрыгнул из танка и, в упор расстреливая из пистолета приблизившихся японских солдат, стал тушить огонь. Помогал ему башенный стрелок. Пламя сбили, и танк снова двинулся на врага. За смелые и решительные действия в бою танкист М. И. Баранов награжден орденом Красного Знамени.

Умело вел бой и экипаж танка под командованием Кутузова. Его машина во время атаки была подбита артиллерией. Пять часов экипаж отражал атаки врага. На выручку пришел сосед. Он помог осажденной машине выйти из боя.

Отважно действовал в бою красноармеец И. З. Гудзь. Он вывел из строя нескольких вражеских солдат и офицеров. Раненый, не ушел с поля боя, продолжал сражаться.

Однако наше наступление 2 августа не принесло успеха. Новый штурм решили начать через несколько дней. Японцы тем временем отрыли на сопках траншеи полного профиля, глубокие щели для снарядов, усилили проволочные заграждения, оборудовали пулеметные гнезда, позиции и наблюдательные пункты соединили ходами сообщения. Даже доты успели поставить.

Штурм начался 6 августа. Бомбили позиции японцев 180 бомбардировщиков. Их прикрыва-

ли 70 истребителей. По тем временам это была невиданная сила. Конечно, авиация подавила огневую мощь укреплений противника в течение нескольких часов, но враг отчаянно сопротивлялся.

Героизм советских солдат и командиров стал на Хасане массовым явлением. В самые решающие минуты наступления на сопку Заозерную тяжело ранило знаменосца. Знамя поднял секретарь партийного бюро полка И. Н. Мошляк. Он и водрузил его на высоте. А когда пуля ранила командира батальона, Мошляк принял командование на себя. И. Н. Мошляку за подвиги на Хасане присвоено высокое звание Героя Советского Союза. И о нем я читал тогда в газетах и журналах... Интересно вспомнить, что 32-й дивизией, атаковавшей японские позиции, командовал полковник Н. Э. Берзарин, будущий комендант Берлина.

9 августа 1938 года после упорных боев советская земля была очищена от японских захватчиков, полностью восстановлена государственная граница. 10 августа от имени своего правительства японский посол в Москве запросил мира. Утром 11 августа частям и соединениям 39-го стрелкового корпуса, участвовавшего в штурме высот, был отдан приказ о прекращении с 12 часов военных действий в целях заключения перемирия с Японией.

Очередная авантюра японской военщины против Советского Союза с позором провалилась.

ВСТРЕЧИ НА ГОРЕ БОГДО-УЛА

На халхингольских событиях надо, думается, остановиться особо. После поражения на Хасане японцы обратили главное внимание на Монгольскую Народную Республику. Впрочем, алчные аппетиты противника в отношении суверенного государства разжигались уже много лет. Вот несколько высказываний руководящих военных деятелей Японии того времени, проливающих свет на стратегические цели захватчиков.

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай».

*Генерал Танаки,
председатель кабинета министров Японии.*

«Япония не желает допускать существования такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей Востоку».

*Генерал Араки,
военный министр Японии.*

«Монголия... является флангом обороны Сибирской железной дороги... Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства любыми средствами, имеющимися в распоряжении...»

*Генерал Итагаки,
начальник штаба Квантунской армии.*

Таким образом, налицо целая программа завоеваний — обдуманная, разработанная, детализированная.

Милитаристская Япония начала проводить ее в жизнь. К 1936 году провокации и диверсии против МНР становятся повседневной практикой.

...Мы ходили с главным егерем Монголии Гонгором по кедровым, пихтовым и еловым рощам Богдо-Улы. Было чисто, тихо, пахло смолой. Шорох шагов глушил толстый ковер побуревшей хвои. Повсюду валялись сухие шишки. Неслышно текли среди зеленого великолепия горные ручейки, прозрачные до того, что неопытный человек может принять их русла за пустые. Над острыми пиками гор беспрерывно кружились орлы. Казалось, что нет здесь знойных степей, песчаных пустынь, страшных жарких бурь и снежных буранов.

Гора Богдо-Ула — родной дом Гонгора. Ее широкие и узкие пади, перевалы, вершины, озера и ручьи, фантастические россыпи камней, кусты дикой малины и смородины, тропы зверей знакомы ему так же хорошо, как городскому жителю интерьер своей квартиры.

Жители гор — олени очень любят своего покровителя. Гонгор угощает их солью, зимой — зеленым ароматным сеном. Когда у оленей плохо с «провизией», витаминный подарок дорог.

Вот и сейчас, когда мы разговариваем, сидя на бревнах, олени обступили нас и доверчиво разглядывают черными влажными глазами. Двое маленьких, присмотревшись ко мне и, вероятно, сообразив, что я не желаю им зла, подходят ближе и, окончательно осмелев, начинают тыкаться своими острыми мордочками в наши спины, чего-то ждут. Гонгор улыбается.

Потом достает из кармана хлеб и кусочек сахара, тщательно сдувает с него крошки и протягивает ближайшему олененку.

— Не шали,— говорит он ласково, как ребенку.

Олененок хрустит сахаром, а другой тем временем засунул мордочку мне в карман пиджака и старается вынуть из него блокнот.

— Болохгуй (нельзя),— сверкая раскосыми глазенками, кричит внучонок Гонгора.

Я успокаиваю маленького человека. Перекладываю блокнот в другой карман. И продолжаю слушать. Гонгор рассказывает, что начал охотиться с двенадцатилетнего возраста, что он объездил верхом на лошади и Гоби, и Хангай, и Восточные степи. Потом обосновался здесь.

Простой и веселый, он становится неузнаваемым, как только ступит на охотничью тропу (здесь немало мест отведено под охотничьи угодья). По известным только ему одному признакам Гонгор определяет погоду на ближайшие дни, по малейшему следу, недоступному пониманию других, читает, когда и куда прошел лесной зверь. Охотник может заночевать в лесу и степи в самые трескучие морозы и найти укромное местечко при обжигающем зное. Ему известно, где обитают волчьи и кабаньи выводки, где водятся глухари, тетерева и рябчики, где растут лекарственные травы.

Еще недавно на месте, где мы сейчас проходим, стояло лишь древнее обо, сложенное на перевалах из жертвенных камней. А теперь здесь появились и новые ориентиры: дома, белые юрты, загоны. Это центральная усадьба звероводческого госхоза, первого в Монголь-

ской Народной Республике. В нем оленеводческая ферма, вольеры с лисами и норками.

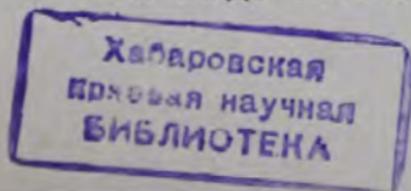
Мой друг кажется добрым волшебником, стерегущим оленей, косуль, зайцев, белок. На энергичном лице Гонгора светится улыбка, седые волосы гладит горный ветерок. И весь его облик удивительно гармонирует с зеленым нарядом Богдо-Улы, поднимающейся за нашими спинами.

Шагдарын Гонгор — полковник запаса — тот самый Гонгор, который еще в 1936 году, будучи командиром взвода пограничников, отбил атаки японских захватчиков на востоке страны и стал первым Героем Монгольской Народной Республики. Он — очень популярный в стране человек. Гонгора знает каждый школьник, о его подвигах написано в хрестоматии для чтения и сложены песни. Шагдарын Гонгор и сам очень хорошо и подробно может об этом рассказать. Напомним, что этого неутомимого человека можно увидеть в Монголии в разном качестве. Он — отменный стрелок из лука, не раз занимал на республиканских соревнованиях по этому виду спорта первое место. Он — один из создателей республиканского общества охотников, инициатор движения за охрану окружающей среды. Он — почетный пионер республики, был начальником одного из первых в Монголии пионерских лагерей.

Когда я жил и работал в Монгольской Народной Республике, мы очень дружили. Любил я слушать его рассказы об обстановке на монгольской границе в начале 1936 года.

Как-то Гонгор вспоминал:

— Мне тогда только исполнилось 23 года.

Был я младшим командиром. Начальник погранзаставы, направляя 29 января в дозор меня и моих товарищей, сказал нам, что, по данным разведки, на наш участок границы готовится нападение японцев.

Гонгор показывает по карте, где это произошло. Потом продолжает свой рассказ.

— Мы скрытно выдвинулись на рубеж. Мороз стоял невыносимый, да к тому же началась сильная вьюга. Замаскировались, лошадей укрыли в ложине. Стемнело. Вдруг впереди в степной круговерти заметили людские силуэты. Впереди шел высокий человек. Он переступил государственную границу. Я прицелился и нажал на спусковой крючок. Человек упал. Это, как оказалось потом, был командир диверсионной группы. Японцы залегли, началась перестрелка. Своих друзей я отправил на заставу с донесениями и за помощью. А сам сделал три чучела и, переползая от одного к другому, вел прицельную стрельбу. А стрелял я очень метко. Часто видел, как после моего выстрела враг падал и больше уже не поднимался. Из десяти нарушителей вывел из строя девять...

На границе было беспокойно. 12 января, то есть за 17 дней до событий, о которых я только что рассказал, мы уже выдержали настоящий бой с японцами, в котором с нашей стороны приняли участие три роты, а у противника была пушка и шесть пулеметов. А всего я участвовал в 13 крупных и мелких сражениях. Повезло — ни разу не был ранен. В 1939 году на Халхин-Голе уже командовал моторизованной бригадой...

Во время Великой Отечественной войны на

Западный фронт к советским солдатам с эшелом подарков ездил Шагдарын Гонгор. Очень гордится легендарный монгольский герой своими встречами с К. Е. Ворошиловым, С. М. Буденным и И. Х. Баграмяном. Климент Ефремович Ворошилов подарил ему револьвер, бинокль и командирское седло.

КОНФЛИКТ ИЛИ ВОЙНА!

Весь 1936 и последующие 1937 и 1938 годы были очень тревожными для Монголии. Provokации со стороны японской военщины продолжались непрерывно. Напряжение достигло апогея в 1939 году.

В это время японские агрессоры при поддержке международного капитала и его ударных отрядов — нацистской Германии и фашистской Италии — решили провести широкое вторжение в Монгольскую Народную Республику, чтобы в дальнейшем начать агрессию против СССР. После войны стало известно, что сведения об этом передала из-за кордона в Советский Союз группа Зорге. Но и из других источников поступали данные о том, что подготовка к нападению на МНР велась полным ходом. Именно тогда, в труднейшие для Монголии дни Советский Союз продемонстрировал всему миру, что он является надежной и верной опорой Монгольской Народной Республики. Подписанный 12 марта 1936 года в Улан-Баторе монголо-советский протокол о взаимной помощи стал документом, который помог защитить МНР от посягательств японских милитаристов. Это соглашение послужило делу укрепления мира на азиатском континенте.

Правительство СССР в соответствии со взятыми на себя обязательствами срочно принимало меры для оказания МНР военной помощи. И. В. Сталин от имени ЦК ВКП(б) и правительства Советского Союза заявил, что в случае, если на МНР будет совершено нападение, мы поможем ей, так же как помогли в 1921 году.

Укрепляла оборону и Монгольская Народная Республика. IX съезд МНРП указал на усиление угрозы со стороны японских милитаристов и на необходимость обеспечения высокой боеспособности вооруженных сил. На пленумах ЦК МНРП в 1936—1938 годах особо обсуждался вопрос об обороноспособности страны.

Исходя из решений пленумов и постановлений партии была проведена работа по увеличению и улучшению технического оснащения и вооружения Народной армии, централизованно военное и политическое руководство, продлен срок военной службы, увеличены расходы на оборону страны.

Правительство Монголии пыталось урегулировать мирным путем спровоцированные японцами пограничные конфликты, но они срывали переговоры и, выдвигая лживые от начала до конца «факты» о якобы имевших место агрессивных действиях со стороны Монголии, продолжали провокации. А 11 мая 1939 года, сконцентрировав крупные военные силы в районе реки Халхин-Гол, противник вторгся в пределы народной Монголии.

Утром 28 мая в районах Номин-Хан и Бурдэн-Обо японцы снова начали наступление, на этот раз широким фронтом. Удар пришелся по

монгольской кавалерийской дивизии под командованием Дугэрийна Нянтайсурэна, 17-му монгольскому кавалерийскому полку и 149-му советскому стрелковому полку.

И хотя силы были далеко неравны, потесненные было советско-монгольские части назавтра перешли в первое наступление и нанесли противнику чувствительный удар.

Боевые действия расширились.

В дни тяжелых испытаний Советская Армия решительно встала на защиту МНР и оказала ей братскую интернациональную помощь. Воины Советской Армии плечом к плечу с цириками Монгольской народной армии мужественно защищали свободу и независимость Монгольской Народной Республики.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал об этом: «Советские войска знали, что наш пролетарский интернациональный долг состоит в том, чтобы не покинуть братский монгольский народ в час тяжелых испытаний».

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил тогда на 3-й сессии Верховного Совета СССР, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между СССР и МНР договора о взаимопомощи, Советский Союз будет защищать так же решительно, как и свою собственную, что обвинения в агрессии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны, что всякому терпению есть предел.

НА МЕСТАХ БОЕВ

Во время работы в Монголии мне удалось несколько раз побывать на местах боев, потрогать полусгоревшие наши и японские танки, дюралевые оплавившиеся куски сбитых самолетов, заросшие травой боевые орудия, увидеть птичье гнездо в каске, постоять у памятников нашим парням, погибшим в этих степях...

Так случилось, что каждый раз приезжал я на Халхин-Гол с известными советскими и монгольскими писателями. Довелось мне там бывать с крупным монгольским писателем Чойжилыном Чимидом. Его уже нет в живых. Был с монгольскими журналистами, приезжал вместе с советскими поэтами Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым, Владимиром Фирсовым и Марком Сергеевым. Потом посчастливилось работать совместно в МНР с такими известными советскими журналистами-правдистами, как Тимур Аркадьевич Гайдар и Олег Константинович Игнатьев.

Много рассказывали мне о событиях на Халхин-Голе заместитель командующего монгольскими войсками в 1939 году генерал-полковник Жамьянгийн Лхагвасурэн, командир кавалерийской дивизии Дугэрийн Нянтайсурэн, полковник Ж. Шарху, тогдашний адъютант Георгия Константиновича Жукова — Михаил Федорович Воротников, летчики Герои Советского Союза Антон Дмитриевич Якименко и Александр Петрович Пьянков. Запомнил я рассказы маршала авиации Владимира Александровича Судеца о подготовке летных кадров накануне битвы, генерала Ивана Ивановича

ча Федюнинского — друга и любимца Жукова, профессора и доктора наук Ильи Иннокентьевича Кузнецова, писателя и общественного деятеля Николая Трофимовича Федоренко. Довелось слушать воспоминания о Халхин-Голе и других участников боев.

Итак, в начале июля 1939 года японцы предприняли новое массированное наступление. С их стороны на линии фронта были сконцентрированы тысячи солдат и офицеров, сотни орудий, пулеметов, танков, самолетов и другой военной техники. Силы монголо-советских войск были втрое меньше. Пришлось тогда отступить.

Японцы в ночь на 3 июля форсировали Халхин-Гол и захватили на этой стороне господствующую высоту Баин-Цаган.

Ветеран Халхин-Гола Георгий Васильевич Сорокин уже в наши дни писал в «Правде» о баин-цаганском сражении:

«Нам вместе с частями монгольской армии пришлось вести тяжелые бои. Противник превосходил нас в живой силе и технике. Верно, это преимущество он имел лишь до тех пор, пока не были подтянуты к району событий наши основные силы. Честно признаюсь, я прошел всю Великую Отечественную войну, начиная с битвы под Москвой и кончая освобождением Праги, но такого напряжения и ужаса, как в боях на Халхин-Голе, не встречал. Может быть, это у меня случилось потому, что в Отечественную я служил в танковых частях и в штыковом бою не участвовал, а в боях с самураями мне пришлось восемь раз идти в штыковые атаки, а это, прямо скажу, дело страшное...»

Недавно мне снова удалось побывать на этой высоте. Впереди внизу петлял Халхин-Гол, слева в синеве виднелись высокие камыши. Хорошо заметны оплывшие окопы. Синее бездонное небо висело над цветущей степью. Посвистывали тарбаганы, в сиреновом марше грациозно танцевали тоненькие антилопы-дзерены. И почудилось мне, что вновь слышу лязг сотен танковых гусениц, глухие крики «банзай». Вспомнились стихи монгольского поэта М. Ширчинсурэна.

Вечерний свет
Тьма ночи поборола,
И расплылась,
Осела тишина.
О чем-то шепчут
Воды Халхин-Гола,
Ласкает берег
Легкая волна.
Здесь сорок лет назад
Могучей ратью
Был путь закрыт
Коварному врагу.
Советские солдаты,
Наши братья,
Спят вечным сном
На этом берегу.

— Наша дивизия, — рассказывал о тех днях Герой МНР Лодонгийн Дандар, — прибыла в район Халхин-Гола 17 мая 1939 года и немедленно приняла бой. Японцы подтянули с тыла пехотный и кавалерийский полки, моторизованный отряд, танки, артиллерию, авиацию и добились в первое время многократного численного превосходства в живой силе. Они намеревались окружить и уничтожить нас до подхода советских войск.

Дандар показывал мне позиции, которые занимали тогда монгольские части.

— Семнадцатый кавалерийский полк, которым я командовал,— говорил он,— держал десятикилометровый участок обороны по реке Хайласт. По обе стороны монгольских частей заняли позиции два взвода 149-го советского полка. Саперная рота того же полка успела навести деревянный мост через Халхин-Гол, что позволило спасти и перевести на левый берег реки артиллерийский и броневой дивизионы, штаб дивизии и пулеметные подразделения. Вражеская кавалерия атаковала непрерывно. Еще до восхода солнца авиация противника бомбардировала наши боевые порядки и тылы. Полк отразил пять вражеских атак и три раза сам переходил в контратаку. Мне удалось лично уничтожить командира японского батальона полковника Азума. На командном пункте полка мы захватили японский план военных действий на 28-е число и карты...

После полного разгрома противника в «Правде» была напечатана статья «Героическая Красная Армия», в которой, в частности, говорилось: «Там, на Халхин-Голе, наши доблестные красные воины показали лучшие образцы подлинной доблести, героизма и беспредельной преданности своей Родине и делу Ленина». А потом два Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении первый раз 31 и второй раз 39 военнослужащим, участникам боев на Халхин-Голе, звания Героя Советского Союза.

Кто же противостоял нам на Хасане и Халхин-Голе? Чтобы ответить на это, надо хоть кратко сказать о таких характерных чертах

жизни японского населения тех лет, как культ войн, воспитание фанатизма, всепроникающий шпионаж и полицейский произвол.

В головы японцев методично вдалбливались одни и те же стереотипы. Вот один из них — для солдат. «Рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Путь воина лишь один — сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, выполнишь свой долг перед владыкой и родителями». «В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас же найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое».

Несколько слов о предвоенном режиме. Вся страна и колонии были разбиты на десятидворки (тонари гуми). Опираясь на них, власти проводили воспитание населения в духе покорности и служения трону, изживали крамольные мысли. Здесь знали все обо всех: кто что говорит, кто чем дышит, сколько зарабатывает, в чем нуждается, кто куда уехал, откуда и с чем приехал, что думает. Поощрялись шпионство, доносы и слежка друг за другом. В общем, в каждой десятидворке шпион, 59 тысяч человек было арестовано в период между 1933 и 1936 годами за «опасные мысли». «Полиция по контролю над мыслями» отправляла людей в тюрьму не только за то, что они говорили не то, что надо, но и даже по подозрению в «крамольных мыслях».

Подготовка к войне с Китаем и СССР препоносилась как стремление не допустить распространения коммунизма. Приводились и такие «доводы»: Япония «перенаселена», а в

СССР и Китае, дескать, есть «пустые земли». Все те же перепевы гитлеровской теории о необходимости «жизненного пространства».

Угар шовинизма поддерживался легендами о божественном происхождении японской нации, о превосходстве японского народа над другими, о прошлых «героических» самурайских походах. Так что «высокий патриотизм» японской нации имел свои слагаемые.

В Японии в предвоенные годы широко пропагандировалась так называемая «паназиатская» доктрина («Азия для азиатов»).

Уже много лет японская военщина, проводя в жизнь эту доктрину, стремилась приблизиться к нашим границам. Она, как уже говорилось, захватила три Северо-Восточные китайские провинции и образовала здесь марионеточное государство Маньчжоу-Го. Во главе «государства» был поставлен последний отпрыск Цинской (Маньчжурской) династии, свергнутой китайской революцией 1911—1912 годов, Пу-и. Квантунская армия воспитывалась в духе ненависти ко всему советскому, русскому.

Вот как характеризуют предвоенную обстановку прогрессивные японские историки Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро и Судзуки Сёси в книге «История современной Японии».

«Японское правительство и военщина продолжали готовиться к войне против Советского Союза, а 29 июля 1938 года японская армия, нарушив в районе озера Хасан советскую границу, атаковала советские части. В результате боев, продолжавшихся до 11 августа, японские войска вынуждены были отступить. «Опыт», полученный японской армией у озера Хасан, заставил японское правительство от-

ложить нападение на Советский Союз... Квантунская армия вторглась в пределы МНР в районе реки Халхин-Гол. Бои в этом районе продолжались с мая по сентябрь 1939 года. Под командованием Жукова советские и монгольские войска разгромили японцев».

ГЕРОИЧЕСКИЙ БАИН-ЦАГАН

С полковником Константином Владимировичем Яковлевым мы летели из Москвы в Монголию, и он под шум турбин «Ту-153» вспоминал Баин-Цаган, ту переправу, которая дала возможность вывести на этот берег наши части.

— Деревянный мост,— рассказывал он,— надо было построить за одну ночь 28 мая. Вышли мы к реке после длительного марша. Быстро организовали подвоз бревен, телеграфных столбов со склада в Тамцак-Булаке и начали заготовку моста. К сборке приступили уже в сумерках. Многим пришлось глубоко заходить в воду, и от сильного охлаждения их знобило, течение валило с ног...

Полковник замолкал, ждал, пока мы запишем то, что он говорит, затем продолжал.

— К рассвету мост был готов. И вдруг слышался гул самолетов. С востока летели вражеские бомбардировщики. Вот первая группа развернулась к нашему мосту, слышались нарастающий свист бомб и взрывы. Одновременно с барханов раздались пулеметные очереди.

Мы бросились переправляться. По мосту это было сделать трудней — он был взят врагом на прицел. Большинству пришлось перебираться вплавь, вброд. На берегу быстро раз-

вернулись к бою. И сразу же встретились с пехотой противника. Начались рукопашные схватки. С трудом защищали мы свой мост. Должен сказать, что нам неожиданно повезло — примкнула группа монгольских солдат с пулеметом. Они оказались из числа отходящих с боями пограничников.

Всю ночь шел жестокий бой — свистели пули, рвались гранаты, вспыхивали осветительные ракеты.

— Да, да,— подтверждал через несколько дней монгольский ветеран боев у Баин-Цагана С. Тугсжаргал,— эти пулеметчики тогда нам здорово помогли... Накануне японцы подожгли степь. Всю ночь солдаты боролись с огнем. Жара и невыносимая духота, бомбежки и беспрерывные атаки японцев вконец измотали нас. Песчаные барханы по обе стороны реки покрылись трупами погибших. Вот тут-то и поддержали нас пулеметы. Их огонь как косой свалил первые шеренги шедшего во весь рост в последнюю, как он предполагал — она действительно оказалась последней для многих японцев,— атаку противника. Воспользовавшись его замешательством, мы поднялись и бросились вперед. В результате заняли более удобные позиции за гребнем сопок.

После этого,— продолжает он,— противник уже не смог нас выбить, хотя и предпринял несколько отчаянных атак. Подпустив японцев поближе, мы забрасывали их гранатами, а пулеметчики с флангов косили наступающие цепи огнем. Кто они были, эти пулеметчики? Из какой части? Так и осталось неизвестным. Живы ли? Погибли ли? Не знаю... А без них мы тогда не выдержали бы...

Сражение у Баин-Цагана продолжалось. И командующий группировкой комкор Георгий Константинович Жуков принимает для того времени неслыханное решение—перебросить за сотни километров в район боев мотомеханизированные и танковые части и направить их в атаку без пехоты.

И вот тут-то случилось невероятное, невиданное доселе. Танковая бригада под командованием Михаила Павловича Яковлева и мотострелковый полк Ивана Ивановича Федюнинского после многосуточного марша с ходу бросаются в атаку. В районе Баин-Цагана разгорелось ожесточенное сражение. Танки шли на танки. С обеих сторон их насчитывалось до четырехсот. В сражении участвовало до трехсот орудий и несколько сот самолетов. За сотню километров была слышна канонада. Ночью над степью стояло громадное зарево...

Не выдержав натиска советско-монгольских войск, противник в беспорядке отступал. Солдаты и офицеры врага бросались прямо в реку Халхин-Гол. Многие тут же тонули. «Произошло страшное замешательство,— писал один японский офицер после в своем дневнике.— Лошади разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались в разные стороны. Весь личный состав упал духом».

Таким образом, ударная группировка японцев, прижатая к реке, 3—5 июля была наголову разгромлена. Враг потерял почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тысяч человек. 8 июля японцы, перегруппировав силы, повторили атаку, но и на этот раз после четырехдневного кровопролитного боя, потеряв более 5 тысяч уби-

тыми и ранеными, вынуждены были отступить.

Поражение японских войск произвело гнетущее впечатление в империи. Вот краткая запись из дневника политического деятеля Японии того времени, советника императора Кидо: «Армия в смятении, все погибло».

...На высоте Баин-Цаган сегодня тихо. В последний раз там мы были с Галиной Михайловной Алюниной, дочерью комбрига Яковлева, Героя Советского Союза, павшего смертью храбрых.

— Отца мы помним добрым и смелым,— говорила она у памятника героям-яковлевцам.— Он был кадровым военным, но всегда казался нам таким мирным, спокойным...

Комбригу Михаилу Павловичу Яковлеву во время боев на Баин-Цагане было 36 лет. В партию Яковлев вступил в 1924 году, в Советскую Армию — семнадцати лет. 11-й танковой бригаде присвоено имя М. П. Яковлева. Навечно занесен он в списки почетных красноармейцев бригады.

Умело действовали командиры и цирики монгольской армии. Артиллеристы метким огнем помогали советским воинам уничтожать врага. Далеко разнеслась слава о Героях МНР кавалеристе Лондонгийн Дандаре, политруке Лувсандоржийне Гэлэгбаторе, командире полка Чойне Дугаржаве, водителе бронемашин Даржагийн Хаянхярве и о многих других.

Не могу не сказать об известном всей республике легендарном герое Халхин-Гола Цэн-

дийне Олзвое. Его портрет сегодня обязательно увидишь в каждой комнате Сухэ-Батора — так называется в монгольских воинских частях красный уголок. Одному из первых Олзвою присвоено звание Героя МНР.

Стоит у Баин-Цагана бетонный еж — поставили монгольские ревсомольцы. До этой черты дошел враг. Дальше его не пропустили. Стоит и танк тех времен. Может быть, Константин Симонов, работающий во фронтовой многотиражке «Героическая красноармейская», именно о нем писал в те годы:

Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь, в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазами пустыми.

Танкисты-яковлевцы проявили чудеса героизма. Вот несколько донесений с поля боя. Экипаж лейтенанта А. А. Мартынова уничтожил пять вражеских орудий. Майор Г. М. Михайлов во главе танкового батальона прорвался глубоко в тыл японцев и, даже раненый, руководил подразделением до полного выполнения задачи. Бессмертный подвиг совершил танковый экипаж политрука Д. П. Викторова, отважные танкисты подбили десять вражеских орудий; даже когда подступившие вплотную японцы подожгли танк, советские воины продолжали сражаться до последнего дыхания.

Не забывают в Монголии высоту Баин-Цаган и ее героев. Сюда, к памятникам, приезжают люди со всех аймаков республики. По местам боевой славы идут ревсомольцы и пионеры. Шумят молодой листвой топольки у памятника, высаженные их руками. Гудит степной ветер у стелы Славы.

...Последний раз осенью я долго бродил вдоль степной реки. Меньше стало комаров. Халхин-Гол обмелел, можно было свободно переходить вброд с одного на другой берег. В его светлой воде молнией проносились крупные рыбы. Здесь, я знал, водятся таймени.

Переходя вброд, на восточный берег реки, я отчетливо представлял себе, как это делал в 1939 году Олзвой со своими бесстрашными друзьями, когда ему поручили привести «языка».

Где ползком, где пригнувшись с темнотой перешли линию фронта смельчаки. Добрались до вражеской батареи, которая была засечена днем. У орудий — часовой с винтовкой, вдали серели силуэты палаток. Вокруг ходили уверенные в себе вооруженные люди.

Решили начать с часового. А местность, как повсюду за Халхин-Голом, совершенно открытая, только в полной темноте можно незаметно к чему-то или к кому-то подобраться.

Но японец как будто сам захотел, чтобы его схватили, приблизился к монгольским разведчикам и почему-то опустил на землю винтовку. Он тут же был скручен по рукам и ногам. «Язык» есть, но хорошо бы еще добыть бинокль. И Олзвой принимает отчаянное решение — надевает каску японца, берет его винтовку и становится «часовым» к вражеским орудиям... Наблюдая неустанно за палатками, достает из кармана сигарету, зажигает ее. Докурив, неслышно подходит к первой палатке. Все спят. Зашел в следующую. Бинокля не было. Из третьей слышался говор — там не спали, но в дверь был совершенно ясно виден висящий офицерский планшет и кожаный фут-

ляр, в котором, конечно же, должен быть бинокль.

Олзвой снова «заступил на пост» у батареи. И когда все стихло вокруг, вошел в палатку, взял планшет, вынул из чехла бинокль, а туда насыпал кизяка.

Неслышно и незаметно группа разведчиков вернулась в свое расположение.

Утром командир полка объявил им благодарность.

— Как вот только японцы теперь в нас стрелять будут без бинокля, не увидят же, попали или не попали в цель? А, Олзвой?

— Ничего, товарищ командир,— ответил под громовой хохот разведчик,— замену я им оставил, обойдутся...

Про Олзвоя рассказывают настоящие легенды. Я слышал, что он, возвращаясь из разведки, вместе со своим верным другом столкнулся с японцами, ехавшими на двух машинах. И вот они вдвоем, приняв неравный бой, многих солдат противника истребили, остальных взяли в плен. В следующий раз Олзвой удерживал высоту, которую штурмовала целая рота вражеских солдат.

Может быть, кое-что и преувеличивали, но то, что Олзвой был выдающимся разведчиком, сомнению не подлежит. На родине Цэндийна Олзвоя в Кобдоском аймаке ему воздвигнут памятник.

Высокое мастерство и самоотверженность во время баинцаганских боев проявили советские и монгольские летчики. В боях с японскими захватчиками Витт Федорович Скобарихин и Александр Федорович Мошин успешно применили воздушный таран. А Михаил Анисимович

Ююкин направил горящий самолет на наземные цели противника. Штурманом Ююкина был Николай Францевич Гастелло. По приказу командира он тогда выпрыгнул из горящего самолета с парашютом, как бы для того, чтобы в 1941 году совершить свой бессмертный подвиг.

Уже после Великой Отечественной войны, беседа с прославленным маршалом и четырежды Героем Советского Союза Г. К. Жуковым, К. М. Симонов заметил, что он не видел воздушных сражений, подобных халхингольскому. Георгий Константинович ответил: «А я, думаете, видел?»

Именно на Халхин-Голе Сергей Грицевец, Яков Смушкевич и Григорий Кравченко стали дважды Героями Советского Союза. Сергей Иванович Грицевец, преследуя вражеские самолеты, увидел, что самолет его командира летчика В. М. Забалуева сбит и командир спускается на парашюте. Грицевец приземлился на вражеской территории, забрал в свой одноступенчатый истребитель Забалуева и прилетел на свой аэродром. Сергей Иванович воевал в Испании. Всего им было сбито 40 вражеских самолетов. Кравченко лично сбил пять самолетов. Под его руководством уничтожено 18 самолетов противника. В одном из боев Кравченко был вынужден совершить посадку вдали от аэродрома и только через три дня добрался до своих.

За успешные бои против ягонских захватчиков в Китае ему впервые было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в 1943 году, будучи командующим военно-воздушными силами 3-й армии. Похоронен у Кремлевской

стены. Яков Владимирович Смушкевич тоже воевал в Испании. Воздушные силы халхингольской группы под его командованием обеспечили господство в воздухе в период наступления.

Первый крупный воздушный бой произошел 22 июня. Почти сто советских истребителей схватились со 120 японскими самолетами. Вторая крупная схватка началась 24 июня, и вновь победили советские летчики. Потом бои в небе продолжались постоянно. Только с 22 по 26 июня японцы потеряли 64 самолета.

— Дня не было,— рассказывал ветеран Халхин-Гола, ныне генерал Иван Алексеевич Лакеев,— чтоб не крутились над нашими позициями японские самолеты. Командующий то и дело говорил: «Руководи боем». А как руководить? Радио тогда только входило в жизнь. «Думай, думай»,— повторял командующий. Придумали. Нарисовали на земле большой круг, а на нем поворотную стрелку. Откуда появится самолет противника, туда показывает стрела. Погода в Монголии чаще всего ясная, летчики с неба хорошо видели наш указатель. Георгий Константинович похвалил: «Молодцы».

— Генералы Кравченко Григорий Пантелеевич и Лакеев Иван Алексеевич,— вспоминал в разговоре со мной летчик-космонавт, начальник Центра подготовки космонавтов, дважды Герой Советского Союза, совершивший 185 боевых вылетов, генерал-лейтенант Георгий Тимофеевич Береговой,— учили нас, молодых летчиков, бить немецких асов, пользуясь уро-

ками Халхин-Гола. Очень даже предметной, скажу, была наука. Здорово нам помогала. И я им до сих пор за нее благодарен...

«В течение июля и августа, — вспоминает Герой Советского Союза Е. Н. Степанов, — продолжались крупные воздушные сражения. Советские летчики прочно удерживали за собой воздушное пространство над нашими наземными войсками, не давая японской бомбардировочной авиации бомбить позиции советско-монгольских войск. В свою очередь японские истребители безуспешно пытались обеспечить работу своих бомбардировщиков. Это приводило к жарким воздушным сражениям с участием крупных сил авиации. Например, 15 сентября 1939 года, в последний день войны, произошел воздушный бой, в котором участвовало 392 самолета обеих сторон. Противник проявлял исключительное сопротивление и упорство, но советская авиация уверенно шла к победе в небе Монголии.

С 22 мая по 19 августа советские летчики уничтожили 355 вражеских самолетов, из которых 320 было сбито в воздушных боях. В последующих боях до окончания военных действий враг потерял еще 290 самолетов, из них в воздушных боях 270.

Японская авиация в ходе своего авантюристического вторжения в пределы МНР потерпела жестокое поражение, потеряв от действий советской авиации 660 боевых самолетов. Советские летчики в трудных испытаниях 1939 года показали свою беспредельную преданность делу социализма и идеям пролетарского интернационализма, проявили неслыхаемое мужество в борьбе с врагом».

С Антоном Дмитриевичем Якименко, генерал-лейтенантом авиации, Героем Советского Союза, впервые я познакомился на праздновании сорокалетия битвы на Халхин-Голе в Улан-Баторе. Он рассказывал журналистам о своем участии в халхингольских боях.

— 11 мая 1939 года наш истребительно-авиационный полк, который находился на территории Советского Союза в Забайкалье, был поднят по тревоге. Событие, вообще-то говоря, неновое, учебные тревоги наш командир объявлял часто, и днем и ночью. На этот раз тревога прозвучала на рассвете. Мгновенно собрались, привели самолеты в боевую готовность, проверили оружие. Сидим, ждем дальнейших приказаний. Будет отбой или нет? И тут в воздух взвились две зеленые ракеты. Это приказ на взлет!

— Вижу хорошо — летим на юг. Пересекаем реку Онон, приближаемся к монгольской границе. Граница — это понятие для каждого из нас особое, мы ведь воспитывались в уважении к нерушимости границ. Неужели, думаю, ошибся командир, на чужую территорию нас ведет? А он крылом покачал — это сигнал условный: «подтянись». Мы подтянулись, и он, словно прощаясь с советской землей и приветствуя монгольскую, сделал красивую воздушную фигуру. Мы повторили... Вскоре приземлились возле города Чойбалсана, тогда он назывался Баян-Тумэн. Собрались в землянке.

— Сегодня японцы напали на Монгольскую Народную Республику, мы прилетели ее защищать, — сказал командир. И добавил: — Я надеюсь, что вы прославите нашу Родину, не по-

срамите чести нашего полка. А сейчас заправить самолеты и быть готовыми к вылету.

Так для нас начались боевые действия. На следующий день мы перебазировались в район Халхин-Гола, и наше звено вылетело на разведку.

Конечно, каждому из нас хотелось увидеть противника. Раньше мы только в учебных, тренировочных боях участвовали. И вот втроем возвращаемся из разведки обратно, идем над озером, и я вижу: навстречу нам летят семнадцать японских истребителей. Глазами их словно сфотографировал и думаю — неужто упустим? А нас предупредили: когда возвращаешься из разведки, в бой не вступай. Надо привезти данные аэрофотосъемки. Это очень важно. Но перед нами противник. Я выскочил вперед, ребята за мной, и мы атаковали эту группу. Наше появление было настолько неожиданным для японцев, что даже после того, как один из вражеских самолетов свалился в воду, никто из них вовремя не заметил нашей атаки. Спихватились, но поздно, мы уже развернулись и уходили к своему аэродрому.

Это был наш первый бой. А я хочу рассказать об особенно памятном дне — 22 июня 1939 года. Такое вот совпадение с первым днем Великой Отечественной... На рассвете мы сидели в самолетах. По сигналу ракеты наше звено взлетает, и я вижу над аэродромом разведывательный самолет противника. Набрав высоту, мы вышли ему в хвост. Самолет сбили, и почти сразу же в стороне увидели большую группу боевых вражеских машин.

Бой длился долго, 3 часа 30 минут. В итоге упало на землю 43 самолета, из них 31 япон-

ский. Как сейчас вижу этот бой: идут бомбардировщики в сопровождении большой группы истребителей. Прикрыты сверху, снизу, с боков — никак не прорваться. А ведь главная цель для истребителей — бомбардировщик с боевым грузом. Пытаюсь подойти сбоку, сверху — невозможно. Сбиваю один истребитель, второй. Горючее у меня кончается, сажусь на аэродром, дозаправляюсь. Поднялся — и снова в атаку. Японцы к концу боя не выдержали, бросились наутек.

Из этого воздушного сражения мы сделали очень важный вывод: противник пытается заставить нас на аэродромах врасплох, когда самолеты еще на земле, и нанести удар с воздуха, чтобы уничтожить авиационную технику и летно-технический состав. Однако бдительность летного состава и наших наблюдательных пунктов срывала этот замысел японцев. И воздушные бои продолжались. Закончились они, как известно, поражением вражеской авиации.

Вскоре после этого воздушного боя к нам приехал маршал Хорлогийн Чойбалсан. Он разговаривал с летчиками, интересовался тактикой действий японцев. Разговор был товарищеский, душевный.

Уезжая, маршал сказал, что мы защищаем небо Монголии, и советовал нам беречь самолеты и, главное, беречь людей, помнить, что мы имеем дело с очень хитрым, вероломным противником.

— Наша эскадрилья вышла из испытаний с честью. Пяти летчикам — Чистякову, Скобарихину, Трубаченко, Гриневу и мне — было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы

хорошо воевали. Умели помочь друг другу, знали свои возможности и возможности противника.

...На этой встрече я читал стихи монгольских поэтов о Халхин-Голе. В них есть какая-то особая прелесть.

Выше сфинксов и пирамид
Обелиски поднялись в небо,
Облака проплывают немо,
Лес негромко листвою шумит,
И вбирает в себя река
Обелиски и облака
И качает их отраженья...
В неоглядном степном просторе
Через реки легла и леса
Пограничная полоса —
Обелиски стоят в дозоре!
Люди, помните тех солдат!

Так написал о Халхин-Голе известный в Монголии поэт Шаравын Сурэнжав.

Итак, под Баин-Цаганом японская авантюра потерпела поражение. Заранее широко разрекламированное перед своими и нацистскими корреспондентами, которые, кстати сказать, тоже прибыли в Хайлар, где находился штаб ударной группировки Квантунской армии, наступление полностью захлебнулось. Вскоре стало известно о готовящемся новом наступлении врага. Г. К. Жуков накануне отдал приказ отойти с первой линии окопов. И на рассвете артиллерийскую обработку японцы повели по пустому месту. А когда пошли в атаку, то встретили такой отпор, что сразу откатились с большими потерями назад. Об этом подробно рассказывал бывший адъютант Жукова Михаил Федорович Воротников.

В это же время фактически был разработан план окружения и полного разгрома японской группировки.

— Очень большое значение,— вспоминал М. Ф. Воротников,— командующий придавал дезинформации противника. У японцев создавалось впечатление, что наши войска готовятся зимовать на Халхин-Голе. Каждый день по телеграфу шли запросы о проволоке и кольях для зимних укреплений, эфир был заполнен переговорами о подготовке санных поездов, зимнем обмундировании. Эти переговоры велись, чтобы создать иллюзию реальности, таким кодом, который, точно было известно, японцы знают. Начали ставить проволочные заграждения. А тем временем в огромном количестве подвозились к линии фронта боеприпасы, техника, горючее, продовольствие.

Командиры советских частей показывались у линии фронта только в форме рядовых красноармейцев, танкисты — в общеармейской форме. Велась усиленная разведка позиций противника. О предстоящем наступлении знал только узкий круг лиц...

И снова вспоминается собрание, участниками которого мы были в большом зале Правительственного дворца в Улан-Баторе, где от имени ветеранов Халхин-Гола участник боев, бывший командир кавалерийской дивизии Д. Нянтайсурэн обращался с наказом к молодежи. Он рассказывал и о своей жизни.

— Я участник двух войн с японскими милитаристами,— говорил Нянтайсурэн.— В 1939 году мне, молодому командиру кавалерийской

дивизии, я только что окончил Тамбовское кавалерийское училище, пришлось сражаться со вторгшимися на территорию МНР японскими агрессорами в районе Халхин-Гола, а спустя несколько лет громить их на территории Китая во время освободительного похода советско-монгольских войск в 1945 году.

До сих пор в моей памяти хранится каждый эпизод наших совместных с советскими друзьями боевых операций, меня волнует радость одержанной победы.

В конце июля кавалерийская дивизия была передана в оперативное подчинение первой армейской группы, которой командовал комкор Г. К. Жуков. В штабе советско-монгольских войск готовилась операция по окружению и уничтожению японских войск, вторгшихся в МНР.

По замыслу Г. К. Жукова предусматривалось, сковав противника действиями с фронта, нанести мощные удары по обоим флангам группировки врага, окружить ее и уничтожить между Халхин-Голом и государственной границей МНР. В соответствии с этим планом были созданы три группы — южная, центральная и северная. Основу центральной составляли пехота и артиллерия, во фланговых — танки, бронемашины, моторизованная пехота и монгольские кавалеристы. Наша кавдивизия входила в состав южной группы.

Утром 20 августа после мощной авиационной и артиллерийской подготовки советско-монгольские войска перешли в наступление. Прорвав оборонительные позиции противника, наша дивизия вместе с другими советскими и монгольскими соединениями, советскими тан-

ковыми частями и артиллерийскими подразделениями, нанося решительные мощные удары противнику, неоднократно отбивая его встречные атаки и стремительно развивая наступление, вышла на государственную границу. Это случилось в ночь на 26 августа.

Одновременно южная группа советско-монгольских войск, ломая бешеное сопротивление врага и сжимая кольцо окружения, полностью блокировала японцев. Вражеские солдаты, оказавшись под сильным огнем, пытались контратаковать, а когда поняли безвыходность положения, начали сдаваться в плен. А ведь их учили не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Значит, допекло.

ЧТОБЫ ПОДВИГ ВОСПЕТЬ

31 августа, окруженная тремя группами советско-монгольских войск, японская группировка была уничтожена и территория МНР полностью очищена от захватчиков.

Велик был патриотический порыв, охвативший советских воинов, идущих в наступление. Вот выдержки из некоторых документов тех времен, которые нельзя читать без волнения.

«В первичную организацию в/ч 6562.

От Федотова Михаила Александровича.

Заявление

Прошу принять меня в ряды ВКП(б). Быть членом ВКП(б) — это великое счастье.

В ответ на японскую агрессию я хочу идти в бой коммунистом и бить врага до полного его разгрома...»

«Мы не пожалеем ни силы, ни крови, если понадобится, и жизни за свою Родину, за свободный советский народ.

Мы знаем, что, защищая границы Монгольской Народной Республики, мы защищаем и свои собственные границы.

*Младший лейтенант Пасаков,
командир отделения Курилов,
красноармеец Попов».*

«Мы навеки братья с великим советским народом. В этой дружбе большая сила. Много раз японцы пытались захватить наши земли и наши стада. Но ни разу им этого не удавалось. Когда приходилось туго, на помощь приходил советский народ. И сейчас он помогает нам своей армией в борьбе с японскими захватчиками на Халхин-Голе...

Наступил час расплаты с заклятым врагом. Много обид монгольскому народу нанесли японцы. За все мы отплатим одним могучим ударом. Цирики научились бить неприятеля. Наши глаза метки, клинки острые.

Мы клянемся своему народу и нашим советским боевым товарищам: в этом решительном бою у нас не дрогнет рука. Мы сметем и уничтожим заклятого врага!

*Участники боев: лейтенант Хорло,
политруки Махацина, Тумурбат, цирики Самбу,
Шарав, Хаянхярва, Сосорбарам».*

«Бойцы, командиры и политработники! Примите наш горячий, революционный привет!

Свободный монгольский народ никогда не забудет героических подвигов отважных танкистов. Ваша победа над японскими самураями

была подарком Монгольской Народной Республике в день ее пятнадцатилетия.

Теснее сплотимся вместе, рука об руку пойдем в решительный бой и разгромим японских разбойников, которых мы ненавидим так же, как ненавидите их и вы. Нанесем японцам такой удар, чтобы на всю жизнь отбить у них охоту нарушать границы Монгольской Народной Республики.

*Цирики Санзай, Дугар, Нанзад,
Цэндху, Аюуш».*

Таких документов — тысячи. Многие из них выставлены в музеях и комнатах боевой славы. Они вместе с боевыми знаменами служат действенным средством патриотического и интернационального воспитания молодежи.

Мне довелось видеть, как в едином порыве встали ревсомольцы улан-баторского гарнизона, собравшиеся на свою конференцию, когда в зал внесли боевые знамена. Впереди — знамя 149-го мотострелкового полка Советской Армии. Вслед за ним — стяги, пронесенные в боях воинами 6-й и 8-й монгольских кавалерийских дивизий. Славная история у каждого из этих алых полотнищ.

Взять, к примеру, первое из них, переданное в дар воинам МНР. Прославленный полк трижды приходил по просьбе правительства народной Монголии на помощь своим братьям. Впервые это произошло в 1921 году. Тогда полк помогал громить белогвардейцев. А когда японская военщина нарушила священные рубежи МНР в районе Халхин-Гола, полк в составе 36-й мотострелковой дивизии встал на защиту монгольской земли. Им командовал тогда майор Иван Михайлович Ремизов.

Названная его именем сопка на Халхин-Голе и сегодня напоминает о жестоких боях с агрессором, о бессмертных подвигах ремизовцев, которые насмерть стояли здесь в 1939 году. В тех боях погиб командир части, удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза.

Позже, в 1945 году, 149-й полк принимал участие в разгроме Квантунской армии милитаристской Японии. Знамя прославленной части как символ воинского содружества и братства двух армий социалистических стран было передано в 1963 году монгольской стороне.

— Знамена как носители героических традиций,— напоминал мне в одно из посещений улан-баторского музея Г. К. Жукова генерал Д. Цэдэв, невысокий седой человек, военный историк,— и сегодня играют важную роль. Они очень и очень нужны нашим воинам, всей монгольской молодежи. Знамена, как вот сейчас, выносятся на ревсомольские конференции, у знамен проводится прием в ревсомол. Присягнув на верность боевым стягам, молодежь отправляется на ударные стройки, в походы по местам славы отцов.

Боевые реликвии, связанные с героическими сражениями у Халхин-Гола, документы тех времен и сегодня напоминают нам, что бои в 1939 году на далекой степной монгольской реке были настоящей войной. Результат их известен всему миру: наглые, зарвавшиеся японские вояки были окружены и разгромлены. За героизм, смелость и храбрость многим воинам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Трое из них стали дважды Героями Советского Союза. Подвиги 12 офицеров и солдат Монгольской народной армии

отмечены присуждением им звания Героя МНР.

Говоря о людях, которые занимаются исследованием документов того времени, никак нельзя не вспомнить, что огромную по своему значению да и по объему работу провел профессор, заведующий кафедрой Иркутского университета, доктор исторических наук Илья Иннокентьевич Кузнецов. Он рассказал о всех Героях Советского Союза, получивших это славное звание на Халхин-Голе. Его интересная и ценная книга «Подвиги героев Халхин-Гола» выдержала несколько изданий. Она переведена на монгольский язык. Откроем любую страницу, например 48-ю. Читаем.

«Воеводин Леонид Михайлович — капитан, командир батареи 185-го артиллерийского полка.

На протяжении всех боев батарея Л. М. Воеводина успешно выполняла наиболее ответственные задачи. Находясь несколько раз под обстрелом, он не останавливал огневой работы батареи, проявляя выдержку и смелость. С 9 по 15 июля при поддержке на восточном берегу реки Халхин-Гол части Слепова он оставался на своем наблюдательном пункте, обеспечивая плановый отход нашей пехоте (баинцаганские бои.— *Прим. А. К.*). Вышел из боя, забрасывая наступавшего противника ручными гранатами. 23 июля был ранен в голову осколком снаряда, но остался на боевом посту.

В период разгрома японцев батарея под командованием Л. М. Воеводина наносила сокрушительные удары по врагу.

Родился в 1911 году в Курске, русский, член партии с 1939 года, в Советской Армии с 1930

года. Участник Великой Отечественной войны, командовал гвардейскими минометными частями Карельского фронта. Награжден многими орденами и медалями Советского Союза. Ныне генерал-лейтенант артиллерии запаса».

И так обо всех 73 Героях Советского Союза — халхингольцах. А всего за мужество и отвагу, проявленные в боях на Халхин-Голе, было награждено орденами и медалями около 17 тысяч бойцов и командиров Советской Армии.

Уже в наши дни газеты и журналы печатали воспоминания участников халхингольских сражений. Десятки писем получала тогда «Правда». Были среди них и совершенно неожиданные. Об одном из таких хочется рассказать. Оно пришло в редакцию после опубликования в «Правде» корреспонденции о славном знамени 149-го мотострелкового полка. Вот оно.

«В «Правде» от 24.VII.81 г. в вашей корреспонденции «Их служба бессрочна» упоминается имя моего брата Ремизова Ивана Михайловича, погибшего на Халхин-Голе.

Убедительно прошу вас, помогите мне связаться со 149-м полком, в котором брат служил. Может быть, тогда я смогу узнать подробности гибели моего брата и что-либо о его семье, о жене и сыне.

Кроме того, я очень хочу посетить могилу моего брата с мужем или с одной из дочерей, так как я уже немолода и здоровье ухудшается с каждым годом. Прошу вашего совета, куда мне обратиться с просьбой о разрешении поехать в дружественную Монголию, где (судя по вашей корреспонденции) о моем брате помнят, чтут имя его и ратный подвиг.

Мой адрес: Демянск Новгородской области,

пер. Молодежный, 2. Савинкова Антонина Михайловна (ранее Ремизова А. М.)».

Письмо Антонины Михайловны я направил с припиской в советское посольство в Улан-Баторе. А через некоторое время на мое имя пришло из Демянска новое сообщение.

«Обращаюсь к Вам с благодарностью и хочу поделиться радостью — я получила письмо из консульского отдела посольства СССР в МНР.

На семейном совете мы решили с мужем и младшей дочерью Ириной, студенткой Новгородского пединститута выпускного курса, выехать в МНР. Поэтому просим, чтобы поездка состоялась во второй половине апреля 1983 года (в мае у дочери начинается сессия, а в июне госэкзамены). А. М. Савинкова».

Антонина Михайловна побывала на Халхин-Голе...

Иван Михайлович Ремизов известен как самоотверженный, храбрый, инициативный и тактически грамотный командир. Его прославленный 149-й полк совместно с монгольскими частями встретил на границе превосходящие почти втрое по численности наступающие части противника. С 28 мая майор Ремизов находился на передовых позициях и лично руководил всеми боевыми операциями. Не раз и не два водил он солдат в штыковые атаки. Было тогда Ивану Михайловичу 38 лет. Перечисляя лучших командиров халхингольского сражения, «наших прекрасных бойцов и командиров, которые выросли, закалились и прославили себя», в том числе Федюнинского, Заиюльева, Ермакова, Абрамова и других, Г. К. Жуков назвал и Ремизова.

Когда наши и монгольские войска, перейдя в генеральное наступление 20 августа, окружили японскую группировку и начали ее уничтожать, наиболее ожесточенные бои шли на высотах Ремизова и Палец. К 30 августа у японцев осталась одна сопка Ремизова. Напомним, именем Ивана Михайловича она была названа потому, что в мае во время начала японской агрессии на этой высоте находился командный пункт Ремизова и части его полка держались здесь крепче всех. Так вот в августе на последних укреплениях японцев разгорелось ожесточенное сражение. На противника обрушился сплошной шквал огня. Японцы, не получая подкрепления, все сдавали и сдавали позиции. И наконец сопка — последняя укрепленная позиция врага — взята.

И сегодня земля на этой высоте насыщена взрывчаткой и металлом, через сорок с лишним лет все еще порой взрываются там мины и снаряды. Находят здесь и самурайские мечи, японские ордена, фляжки, котелки. Часть таких находок мы видели в музее «Ялалт» («Победа») сельскохозяйственного кооператива, расположенного неподалеку от этих мест.

Надо добавить еще, что по отзывам участников халхингольского сражения был Иван Михайлович Ремизов общим любимцем. Майор Ремизов, как никто, умел организовать разведку, отлично знал ее специфику. Учил разведчиков, как захватить «языка», как «просочиться» через линию фронта ночью, сам ходил с разведчиками в расположение противника.

Ремизов всегда находился там, где решался исход боя. Внешне спокойный, даже медлительный в движениях, совершенно невозмути-

мый, Иван Михайлович умел моментально оценить обстановку, дать краткие, абсолютно четкие распоряжения и команды и, как правило, полк выигрывал бой. Г. К. Жуков очень ценил И. М. Ремизова. Частенько заезжал в его полк «чайку попить».

Ремизова хорошо знали и за кордоном. Разведка у противника работала неплохо.

КОМАНДОВАЛ КОМКОР ЖУКОВ

Да, разведка у противника работала неплохо. Однако комкор Г. К. Жуков ее перехитрил, полностью ввел в заблуждение. Японцы поверили в дезинформацию и не ждали августовского наступления.

Георгий Константинович любил Монголию, с большой теплотой говорил о ее людях. «Особенно приятно вспоминать,— писал он много лет спустя,— душевную простоту монгольского народа, его доброту и искреннюю веру в Советский Союз. Где бы я ни был — в юртах или домах, в учреждениях или воинских частях,— везде и всюду я видел на самом почетном месте портрет В. И. Ленина, о котором каждый монгол говорил с искренней теплотой и любовью».

В 1979 году в соответствии с постановлением ЦК МНРП в Улан-Баторе был открыт мемориальный музей Г. К. Жукова. Мне посчастливилось присутствовать на церемонии его открытия. Несмотря на проливной дождь, тысячи людей собрались на улице имени Жукова. Выступали монгольские руководители.

— С великой благодарностью, — говорил Ю. Цеденбал, — вспоминая сегодня о советских

и монгольских героях Халхин-Гола, мы вправе называть первым имя выдающегося сына Коммунистической партии и советского народа, прославленного полководца Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова... В предвоенные годы... пламя войны подошло и к границам Монголии, начались кровопролитные бои в районе реки Халхин-Гол, которые продолжались долгих четыре месяца. Выполняя свой союзнический долг, на помощь монгольскому народу в грозный час опасности пришел его верный друг — Советский Союз. Командующим советскими войсками на Халхин-Голе был назначен комкор Георгий Константинович Жуков, прошедший большую жизненную школу в рядах героической Красной Армии. Мы, монголы, гордимся тем, что на монгольской земле начал раскрываться выдающийся полководческий талант Г. К. Жукова.

Улан-Баторский музей Жукова расположен в том доме, где полководец жил и работал с сентября 1939 по май 1940 года, будучи командующим 1-й армейской группой советских войск, временно, по просьбе монгольского правительства, находящихся в МНР.

5 декабря 1981 года в столице Монголии в торжественной обстановке открыт памятник Георгию Константиновичу Жукову.

...Когда я проходил по залам музея Жукова в Улан-Баторе, то снова и снова останавливался у разорванной осколком снаряда каски, записной книжки бойца, у пробитой пулей фронтовой газеты «Героическая красноармейская», с побуревшими остатками крови. Рассматривал десятки уникальных и известных всему

миру фотографий, отражающих вехи славной жизни маршала и его соратников.

Вот рабочий стол маршала. Он стоит там же, где стоял сорок с лишним лет назад. Его очки, компас, телефонный аппарат, шашка в ножнах. Указ о присвоении звания Героя Советского Союза от 29 августа 1939 года. Грамота об избрании Георгия Константиновича почетным гражданином столицы МНР—Улан-Батора.

В книге отзывов музея сотни записей. Читаю одну из них. «Монгольский народ, его молодое поколение свято чтят память героических сынов монгольского и советского народов, которые, оставаясь беспредельно преданными родине, своему интернациональному долгу, ценой жизни защитили свободу и независимость нашей страны. Мы пришли сюда, чтобы отдать дань глубокого уважения и сыновней благодарности героям Халхин-Гола, поклониться величию их бессмертного подвига.

Студенты Улан-Баторского педагогического института».

Приведены в музее и слова о Г. К. Жукове Маршала Советского Союза А. М. Василевского: «Когда я думаю о своем друге, боевом товарище, то всякий раз прихожу к выводу, что это был человек огромного личного мужества и самообладания. В самые трудные, даже критические моменты я не видел Жукова растерянным или подавленным. Напротив, в такие моменты он был деятелен, как никогда, сосредоточен и целеустремлен. При жизни Георгий Константинович был увенчан высшими знаками отличия, но лучшей наградой для него была всенародная любовь».

1418 дней Великой Отечественной войны находился маршал Г. К. Жуков на главном КП советско-германского фронта, а перед тем 129 дней — на Халхин-Голе.

На Хамар-Дабэ, там, где находился командный пункт Г. К. Жукова, полностью восстановлен и реставрирован его блиндаж. Во время празднования сорокалетия со дня битвы воспоминания героев Халхин-Гола мы, журналисты, слушали в этом блиндаже.

УРОКИ ХАЛХИН-ГОЛА

В дни халхингольских боев МНРП и правительство МНР вели важную работу по обеспечению действующего фронта всем необходимым. Рабочие промышленных предприятий выступили инициаторами патриотического почина трудиться по 12 часов в сутки и постоянно перевыполнять нормы. Предприятия и сельские аилы (административные единицы на селе в то время), а также учреждения устанавливали шефство над воинскими частями, отправляли на фронт посылки, помогали семьям военнослужащих.

Одна из трудностей снабжения армии, как известно, заключалась в том, что материалы и средства, особенно для боевых действий, приходилось перебрасывать на далекие расстояния, до тысячи километров. В этом помог Советский Союз. Для обеспечения августовской наступательной операции, например, из СССР было получено 1250 грузовых автомашин и 375 автоцистерн. По тому времени колоссальные транспортные средства. Автоколонны перевезли 50—60 тысяч тонн боеприпа-

сов, горючего, продовольствия и других грузов на расстояние свыше 650 километров. В дни халхингольских боев были созданы базы снабжения фронта в Ундурхане, Баин-Тумэне и Тамцак-Булаке.

Во время войны четко были распределены функции государственных ведомств МНР. Так, снабжение фронта мясом и продовольствием возлагалось на Центральный кооперативный союз. Восточный, Хэнтэйский и Восточногобийский аймаки обеспечивали сражающиеся соединения и части лошадьми. Фронту потребовалось много юрт, палаток и различного оборудования. Все это он получил. К мерам, которые приняты в то время, следует также отнести расширение и доукомплектование медицинским персоналом больниц в Улан-Баторе, Ундурхане, Баин-Тумэне. Были организованы центральный армейский госпиталь и лазареты воинских частей.

Образцовой и четкой работой во время халхингольских боев отличилась передовая армейская база снабжения в Тамцак-Булаке, которой руководили бывший партизан, участник Народной революции 1921 г. Дамбадаржа и советский инструктор Мальцев. Эта база своевременно и бесперебойно доставляла на фронт поступающие из Советского Союза оружие и технику, боеприпасы, горюче-смазочные материалы. Дамбадаржа и Мальцев часто бывали в частях и подразделениях, точно в срок пополняли их боекомплекты. Они прокладывали и показывали аратам скотоперегонные маршруты. А дело это, вспомним, было отнюдь не легким. Шла война, и работники тыла, скотоводы-перегонщики на своем длинном, часто

совершенно не защищенном пути попадали под воздушные налеты. На перегонщиков нападали диверсионные группы противника. Несмотря на все трудности, тыловики самоотверженно и мужественно выполняли свой долг. Вот лишь один пример. Бойцам тылового подразделения Мижиду, Тавхаю, Магвану, Дамбе и Ендону в дни наиболее жестоких сражений приходилось до семнадцати раз в день вплавь переправляться через реку Халхин-Гол, чтобы доставить воинам боеприпасы и пищу. Это был настоящий подвиг.

События на Халхин-Голе, как уже говорилось, превосходили по своим масштабам любой пограничный конфликт и стали, по сути дела, необъявленной войной. В сражениях участвовали десятки тысяч солдат, сотни танков, самолетов, большое количество артиллерии.

Рассуждая о масштабах битвы на Халхин-Голе, американский историк Дж. Макшерри признает: «Демонстрация советской мощи на Хасане и Халхин-Голе имела свои последствия, она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой».

К аналогичным выводам пришел и английский исследователь М. Макинтош: «Советская победа на реке Халхин-Гол имела важное значение и, пожалуй, во многом повлияла на решение японского правительства не сотрудничать с Германией в ее наступлении на Советский Союз в июне 1941 года».

Значение победы на Халхин-Голе состоит еще и в том, что она пресекла все разгоравшиеся хищнические аппетиты и, по сути дела, положила конец агрессивным планам японского милитаризма — захватить богатства Мон-

голии, закабалить ее народ. Эта славная победа послужила стимулом для роста национально-освободительного движения народов Китая, Кореи и других стран Юго-Восточной Азии, ставших жертвами японской агрессии; она явилась особым вкладом в борьбу этих народов с японскими захватчиками и наглядно показала, что провал замыслов японского милитаризма неизбежен.

Сокрушительным разгромом японских войск был нанесен серьезный удар по мифу, созданному японской пропагандой, о непобедимости императорской армии, об «исключительности японского воинства», в который милитаристская клика заставляла верить не одно поколение своего народа.

Победа на Халхин-Голе впервые показала, что любая агрессия против освободившихся от империалистического гнета народов в условиях, когда в мире существует система социализма, кончается позорным поражением поджигателей войны. Так было в 1939 году в Монголии. Это повторилось в 1953 году во время агрессивной войны США против КНДР. Такие же провалы потерпели позже авантюры империалистов во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и других районах земного шара.

Халхингольская победа продемонстрировала могущество и силу нового общественно-политического строя и преимущества социализма над капитализмом.

Очень важное значение имеют итоги халхингольского сражения для воспитания монгольской молодежи. Ударные вахты на фабриках и заводах, митинги, собрания, встречи, поездки по местам боевой славы, кроссы, автопробеги,

другие мероприятия посвящаются разгрому захватчиков на степной реке.

Свидетелями и участниками одного такого мероприятия довелось быть и нам, советским корреспондентам. Началось оно со встречи с участниками халхингольского сражения. Молодежь столицы бурно приветствовала монгольских и советских ветеранов войны. Она, как лозунг, как боевой призыв, повторяла слова наказа, с которым обращалось к ним старшее поколение: «Будьте беззаветно верны великому учению Маркса — Ленина и идеям пролетарского интернационализма. Будьте активными строителями социализма и коммунизма, борцами за достижение новых рубежей в труде, учебе и выполнении воинского долга. Выработывайте у себя активную жизненную позицию, классовый подход к явлениям общественной жизни, сознательную железную дисциплину и высокую организованность». Потом проходили собрания на заводах, в учреждениях, госхозах и сельскохозяйственных объединениях. Затем через всю страну прошли автомашины и мотоциклы с молодыми участниками пробега Улан-Батор — Халхин-Гол.

Монголо-советская дружба, основы которой заложены В. И. Лениным и Д. Сухэ-Батором, с честью выдержала в боях на Халхин-Голе еще одну проверку и испытание на крепость. Советский народ выполнил свой братский интернациональный долг и показал всему миру, что он слов на ветер не бросает.

Отметим, что многие советские военачальники, офицеры и солдаты приобрели в ходе халхингольской битвы ценный боевой опыт, который очень пригодился им во время Великой

Отечественной войны, особенно в первый ее, самый тяжелый период. Герои Халхин-Гола командовали на Западном фронте армиями, корпусами, дивизиями, полками, батальонами, ротами и эскадрильями. Бои у монгольской степной реки стали для них школой боевой закалки.

Многие из тех, кто воевал на Халхин-Голе, во время Великой Отечественной войны стали известными военачальниками, старшими офицерами. Назовем лишь некоторых из них. Пилотом-старшиной был на Халхин-Голе А. Д. Якименко, к концу Великой Отечественной войны он стал генералом, командующим авиадивизией. Старший лейтенант В. Ф. Скобарихин, лейтенант А. П. Пьянков, участники сражения на Халхин-Голе, в 1945 году имели звания полковников. Л. М. Воеводин был капитаном, стал генерал-лейтенантом. И. И. Федюнинский имел в 1939 г. звание полковника, завершил Отечественную войну генералом армии.

Битва на Халхин-Голе закончилась полной победой советско-монгольских войск 31 августа 1939 года, а 1 сентября началась вторая мировая война — гитлеровская Германия напала на Польшу.

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Захватив почти всю Западную Европу, имея колоссальную военную машину, гитлеровская Германия 22 июня 1941 года вероломно напала на СССР. Почти четыре долгих года длился трудный путь Советского Союза к победе в Великой Отечественной войне.

Но вот фашистская Германия, развязавшая самую ужасную в истории человечества войну, окончательно и полностью разгромлена. В Европе война была завершена. А Япония все еще воевала.

Листаю пожелтевший дневник тех дней. Запись почему-то красными чернилами от 5 июля 1945 года. «Я — артиллерийский разведчик. Такова моя военно-учетная специальность. В то же время я комсорг минометного дивизиона. Сформирован он в основном из иркутян, читинцев, жителей Бурятии. Нам привычны здешний климат, высота над уровнем моря, рельеф. Такие же, вероятно, природные условия и за кордоном в Маньчжурии, оккупированной Японией. Приехали проверяющие. Проводили при них боевые стрельбы. Очень здорово стреляли. Обстановка соответствовала, НП весь в цветах. То там, то здесь вспыхивают облачка взрывов. Каска вот мешает немного: от жары накаляется, и голова, как в печке. Зато какое удовольствие полежать на дне окопа, глядя на бегущие облака. А еще лучше вечером скакать на лошади по степи. Ветер свистит, пахнет жасмином, полынью, чабрецом. А нам по двадцать — двадцать одному году. Кажется, так будет всю жизнь, кажется, где-то рядом ждет тебя счастье... В «Комсомольской правде» печатается «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Ждем не дождемся каждого следующего номера. Читаем коллективно — газета только одна на дивизион, а нас много.

Проводили собрания в батареях. В общем, все как будто спокойно. Спокойно, но тревожно...»

Да, тревожно было в те дни. Рядом, через несколько десятков километров, государственная граница. А за границей миллионная Квантунская армия, укрепрайоны Хайлара, Халунь-Аршана, Хингана, которые, как мы уже догадывались, нам придется штурмовать рано или поздно.

Мы знали, что японцы еще очень сильны. К началу второй мировой войны армия Японии насчитывала 4 миллиона 500 тысяч человек, к концу — больше 7 миллионов. 5 миллионов 500 тысяч составляли резервы. Военскую повинность японское командование распространило и на захваченные территории — Маньчжурию, Корею, остров Тайвань.

Нас, естественно, больше всего интересовали противостоящие силы японцев. Мы знали, что Квантунская армия включала в себя три фронта: 1, 3, 17, 4-ю отдельную полевую армию, 2-ю авиационную армию и Сунгарийскую военно-речную флотилию. Имелись еще войска марионетки Дэвана. Командовал Квантунской армией генерал Отодзо Ямада. Еще в войну с Россией 1904—1905 годов он воевал в качестве командира эскадрона. В Северном Китае, в районе Пекина, располагались две японские армии, которые при необходимости легко могли бы быть передвинуты в Маньчжурию.

«...18 июля. Как все переменялось за последние дни! Сдвинулось с устоявшихся мест и пошло-поехало. Стрельбы нам пришлось «перестреливать». Выполнили это дело снова на «отлично». Приехали в свои палатки, отоспались. И вдруг тревога. Лихорадка сборов. Выезд в 22 часа. Куда? Никто не знает. Ходят

всяческие слухи. Одни говорят, что завтра-послезавтра воевать будем; другие — будто Япония «мирно отдает» Южный Сахалин и купленную за бесценок, а по сути дела захваченную КВЖД. Выдали нам патроны...»

Выехали не в 22, а в 23 часа. Темень. Движемся к границе. То и дело нас обгоняют колонны танков, машин, тягачей, орудий. Движется все только ночью. А днем гремят забайкальские долины от канонады, будто война уже началась. Солдаты учатся.

Настроение у всех боевое. «Наконец-то,— говорят мои товарищи,— мы эту Квантунскую армию разнесем на куски!» Шапкозакидательство? Может быть. Надо поостеречься от такого отношения, война не будет легкой. С японцами, как учит история, шутить не приходится.

Однако следует сказать несколько слов и о предыстории этого ночного похода.

Наш полк был коренным забайкальским. Первая батарея имела вороных коней, вторая — гнедых, третья — рыжих, четвертая — саврасых, пятая — серых, шестая — белых.

Вечерами мы, возвращаясь со стрельб, шли рысью побатарейно и пели:

Конь вороной
С походным вьюком,
Чего ты ржешь,
Кого ты ждешь...

Смотреть на нас выходило все население маленьких забайкальских станций. Традиции красной кавалерии и артиллерии как бы переплелись и переплавились у нас в нечто новое, необходимое, по тем временам очень современное и нужное.

Наш полк сформировался среди одиноких голых каменистых сопок, в неимоверно трудные для страны октябрьские дни 1942 года. Изнемогал Сталинград, часть Кавказа была захвачена фашистами. Не хватало специальных горных и егерских частей. Их начали усиленно формировать. Первыми новобранцами, ставшими потом ядром полка, были мы, сибиряки, рождения 1924 года. И вроде странно, надо сказать, выглядел наш воинский эшелон, который отправили не на Запад, куда непрерывно шли воинские составы, а на Восток, на самую границу с Маньчжурией. Из него в морозные вьюжные дни ноября около маленькой станции и родилась новая часть, воевать которой предстояло в горах. Все больше чувствовалось, что мы необходимы здесь, на восточных рубежах. Впереди нас лежали горные хребты. Они были укреплены по последнему слову военной техники и заняты хорошо вооруженным и тренированным противником.

Полк наш числился в резерве Главного командования, он назывался горно-вьючным минометным. На спины подаренных нам монгольскими аратами маленьких лохматых лошадей молоденькие солдаты пытались надеть седла с надстройками из штырей, винтов, застежек. На седла крепились ствол или плита миномета, лотки с боеприпасами.

Вначале с седлами ничего не получалось. Степные вольнолюбцы тряслись как в лихорадке, увидя необыкновенные металлические конструкции. Их приходилось держать вчетвером-впятером, для того чтобы набросить на спину гроыхающее металлом седло. Да ничего другого и нельзя было ожидать от лошади,

Лето 1939 г. Militarистская Япония напала на дружественную нам Монгольскую Народную Республику и получила мощный отпор.

На снимке: пленные японские солдаты.

«Апофеоз» японской агрессии на Халхин-Голе,
Наглядный урок истории.

Маршал Х. Чойбалсан
с командующим армейской
группой Г. К. Жуковым
на Халхин-Голе.

Начало августа 1945-го.
Накануне...

«Очаг империалистической агрессии на Востоке должен быть ликвидирован...». Беседа политука.

Приказ: объявить войну милитаристской Японии.

Стремительный марш-бросок. Отстали тылы, воды не хватало. И вот первая речка.

С советскими воинами-освободителями китайцы возвращались в родные края.

Трофеи, взятые у Квантунской армии.

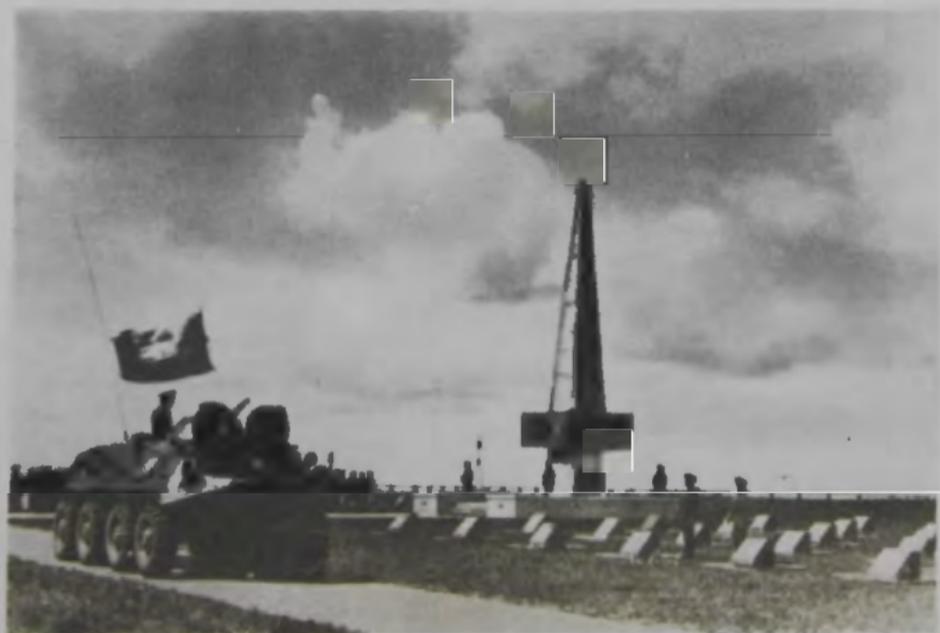

Торжественный парад — война закончена.

Представитель СССР генерал-лейтенант Дервянко подписывает акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Вечная слава героям Халхин-Гола.

Пьедестал бессмертия... В госхозе «Халхин-Гол» имени маршала Жукова.

На страже границ МНР.

только вчера беспечно носящейся в табуне по необозримым просторам Монголии.

Но седло еще, как говорится, полбеды. Лошади не хотели есть овес, пить из ведра или копыт воду. Они привыкли к подножному корму, природным водным источникам и снегам. А ковка! Тот, кто знаком с этим немудрящим делом, знает, что даже обычную крестьянскую лошадь, ту, на которой возят грузы и пашут, подковать нелегко. Нужна немалая сноровка и ловкость, чтобы завести ее в специальный кузнечный станок, очистить копыто, прибить гвоздями подкову.

Монгольские кони, как известно, не подковываются. А в армии есть порядок, устав: тягловая сила должна быть на добротных металлических подковах. И вот связанного по всем четырем ногам степняка приходилось буквально вдесятером втаскивать в кузнечный станок. Даже и в таком состоянии лошадь сопротивлялась, как могла, отбивалась, пыталась кусаться. Но постепенно и к этой процедуре привыкли наши кони.

Эти монгольские лошади имели неоспоримые преимущества, которые проявились в тяжелом маньчжурском походе. Забегая вперед, скажу, когда 9 августа 1945 года наш полк одним из первых перешел границу и включился в войну с Японией, темпы наступления были столь высоки, что и расседлывать лошадей не удавалось. В первые дни к тому же не было воды. Лошади другой породы не вынесли бы столь тяжелых испытаний. А наши монгольские лошадки, хотя похудели, сгорбились, потемнели, тем не менее с честью выдержали все невзгоды, выпавшие на их долю.

В августе и сентябре 1945 года верхом на монгольской лошади по дорогам и без дорог в Северо-Восточном Китае мне пришлось проехать около полутора тысяч километров.

Четвероногие помощники очень много значили тогда для нас. Без них мы были просто солдаты, с ними — горновьючники. И этим мы вскоре стали гордиться. Рядом с нами стояли стрелковые дивизии, танковые бригады, артиллерийские и авиационные соединения, но только мы, горновьючники, могли пройти и перевезти свои крупнокалиберные минометы там, где не смогла бы пройти ни одна артиллерийская или танковая часть.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Итак, наш полк — маленькая частица Советской Армии — стоял на восточных рубежах страны. Его вместе с другими соединениями и частями командованию приходилось держать здесь в то тяжелое для Родины время потому, что в нескольких десятках километров, за рубежомом, изготовившись к прыжку, стояла вооруженная до зубов, обученная и получившая в Китае боевой опыт Квантунская армия. После Хасана и Халхин-Гола японцы как будто взяли курс на нормализацию отношений с Советским Союзом. 13 апреля 1941 года был подписан пакт о нейтралитете между обеими странами.

Однако противостояние двух огромных армий, вооруженных и принявших, как сегодня говорят, «готовность № 1», продолжалось, даже нарастало. Оно длилось год, два, три... Японское правительство, несмотря на заклю-

ченный с Советским Союзом пакт о нейтралитете, усиленно готовилось к «походу на север». Для «разрешения северной проблемы» был разработан специальный план войны против СССР — «Кантокуэн». Этот план предусматривал захват советской территории Дальнего Востока и Забайкалья. Численность Квантунской армии к 1 января 1942 года была доведена до 1 миллиона 100 тысяч человек. Японская военщина затрудняла советское судоходство, производила в нарушение международных норм проверку и досмотр советских судов. Японские власти задержали 178 советских пароходов, а три пиратски потопили. Япония «делилась» с фашистской Германией, воевавшей против СССР, важной разведывательной информацией о Советском Союзе, готовила бактериологическую войну.

«Отряд 731» — так назывался секретный «исследовательский» центр Квантунской армии, действовавший на оккупированной китайской территории в двадцати километрах от Харбина. Этот «отряд» разрабатывал бактериологическое оружие массового уничтожения. Палачи в белых халатах производили опыты на живых людях. За десять с лишним лет существования «отряда» в его лабораториях были уничтожены тысячи китайцев, корейцев, монголов, русских, американцев, англичан.

О деятельности этого «отряда» рассказывают мировой общественности неопровержимые документы и показания свидетелей. Кстати говоря, Соединенные Штаты не передали военному трибуналу большинство руководителей и «специалистов» из «отряда 731» в знак «благодарности» за полученные от них сведения об

эффективности бактериологического оружия, и палачи остались совершенно безнаказанными. Руководил центром генерал-лейтенант Сиро Исии — сын крупного землевладельца из префектуры Тиба. В его распоряжении находился лагерь, занимающий площадь 36 квадратных километров, новейшее оборудование для «опытов» и «исследований», полигон для бомбометания.

После войны преступники жили припеваючи, ни от кого не скрывались. А их было около 3 тысяч, в том числе три генерал-лейтенанта, пять генерал-майоров, 16 полковников, 20 подполковников, сотни так называемых военных врачей. Под свою защиту взяли американцы и генерал-лейтенанта С. Исии.

Вся деятельность «отряда 731» подчинялась одной цели: найти наиболее эффективные пути и способы уничтожения живой силы противника. Для этого, выясняя степень поражения в тех или иных условиях, в толпы беззащитных людей бросали ручные гранаты, живых людей замораживали, а затем переводили в жаркое помещение, чтобы узнать, как это сказывается на организме человека. Людей расчленяли, чтобы увидеть, как протекает та или иная болезнь.

Многочисленные филиалы «отряда № 731» были расположены вдоль всей советско-маньчжурской границы. Они регулярно получали из Харбина ящики с маркировкой «731/Исии Сиро». В ящиках были вирусы и микробы дизентерии, холеры, брюшного тифа, сапа, сибирской язвы.

Такие «центры» и «отряды» имелись и в других местах на оккупированной японцами тер-

ритории. Известны факты о действовавшем во многих районах Китая вплоть до разгрома советскими войсками японских оккупантов сверхсекретном «подразделении 1855», которое разрабатывало методы ведения бактериологической войны и проводило испытания на китайцах. Под вывеской «карантинного отряда по обеспечению водой японской армии» действовало еще одно «подразделение» со штабом в Пекине и филиалами в других крупных китайских городах.

Они тесно координировали свою деятельность с «отрядом 731».

В конце войны, перед тем как взорвать лаборатории и бараки, японцы отравили находившихся там военнопленных, а затем их трупы сожгли.

О том страшном времени напоминают развалины крематория, где уничтожали людей, ставших подопытными кроликами в варварских экспериментах садистов и убийц в белых халатах.

Японская военщина использовала бактериологическое оружие при нападении на Монгольскую Народную Республику, в Маньчжурии и других районах Китая.

«У Квантунской армии нет другого оружия, кроме бактериологического, чтобы победить Советский Союз,— заявил летом 1945 года на секретном совещании командного состава «отряда 731» генерал Исии.— Мы должны вести войну этим оружием».

Когда сегодня перелистываешь страницы хабаровского судебного процесса, который проходил с 25 по 30 декабря 1949 года, рассматриваешь дела главной базы управления по во-

доснабжению и профилактике частей Квантунской армии (так цинично именовался у японцев «отряд 731»), ужас охватывает: неужели можно докатиться до таких варварских действий. А ведь отряд состоял из научно-исследовательских работников и ученых, окончивших высшие медицинские учебные заведения, и официальный их статус именовался вольнонаемные «японской армии» и «ученые специалисты». Командовали отделами или группами отряда генералы.

Одной из заметнейших фигур среди них был Киёси Кавасима — генерал-майор медицинской службы, начальник отдела № 4 по производству бактерий. Вот ответы Кавасимы на вопросы государственного обвинителя Смирнова в Хабаровске.

Вопрос. Вследствие каких причин подготовка бактериологической войны велась в Маньчжурии, а не в Японии?

Ответ. Маньчжурия является страной, соприкасающейся с Советским Союзом, и в случае начала войны оттуда легче и удобнее всего использовать бактериологические средства.

Кроме того, Маньчжурия очень удобна для экспериментов по изучению средств бактериологической войны.

Вопрос. В чем, собственно, заключалось это «удобство» для проведения экспериментов в Маньчжурии?

Ответ. Маньчжурия являлась очень удобной потому, что там было достаточно подопытного материала.

Вопрос. Что значит «подопытного материала»? Людей, которые доставлялись в отряд для опытов?

Ответ. Именно так.

Вопрос. Как условно называли в отряде жертвы экспериментов?

Ответ. Они назывались «бревнами».

Вопрос. Эти люди содержались во внутренней тюрьме под их именами?

Ответ. Нет, они имели номера.

Вопрос. И все эти люди должны были умереть?

Ответ. Именно так.

Вопрос. Как специалист-бактериолог, вы понимали, что распространение смертельных инфекций как средство войны грозит страшными бедствиями?

Ответ. Да, я представлял себе.

Вопрос. Вы понимали, что страшные бедствия, вызванные распространением чумы и других эпидемий, могли обрушиться на нейтральные государства?

Ответ. Да, понимал.

«Бревнами» являлись китайцы, русские, монголы, корейцы, схваченные спецслужбами или жандармерией Квантунской армии, в том числе советские граждане, оказавшиеся на территории Маньчжоу-Го, командиры и бойцы 8-й Народно-освободительной армии Китая, китайские ученые, журналисты, рабочие, студенты, принимавшие участие в антияпонском движении. Вот фамилии некоторых из них. Сунь Чэошань — железнодорожник, У Дяньсин — плотник, Чжу Чжиминь — слесарь, Чжун Миньцы — служащий торговой фирмы в Дальнем, Цю Дэсы — член Компартии Китая, Демченкс — боец Красной Армии. Известно, что красноармеец Демченко под жестокими пытками категорически отказался дать какие-ли-

бо сведения о Советском Союзе. И тогда, как выяснилось на процессе, его отправили в «отряд 731» на верную смерть. Коммуниста Цю Дэсы отправили в «отряд» и зверски умертвили там, потому что, «претерпев пытки в японской жандармерии, он остался до конца верен своему народу и не стал предателем».

Японский писатель Сэйити Моримура рассказывает, что были случаи ареста и отправки в камеры «экспериментаторов» даже жен и детей заключенных, которые приходили узнать в полицию о судьбе своих арестованных мужей и отцов. Схваченные, они становились «материалом», на котором испытывались последствия заражения венерическими болезнями. Моримура пишет далее, что многие врачи, занимавшиеся этим в «отряде 731», сегодня живы и благоденствуют.

По показанию генерал-майора Киёси Кавасима на процессе в Хабаровске, в «отряде» постоянно находилось от 200 до 300 «бревен». Они содержались в отдельных или общих камерах. На процессе зарегистрировано, что с 1940 по 1945 год «отрядом 731» «потреблено» не менее 3 тысяч человек. Людям прививались бактерии чумы, холеры, тифа, дизентерии, спирохеты сифилиса, велись эксперименты «по обмораживанию», газовой гангрене, расстрелы «в опытных целях». У выживших брали кровь и внутренние органы для последующих экспериментов. Практиковались вскрытия живых людей. Индустрия смерти работала на полную мощность. Зараженные умирали в страшных муках. Отсюда никто никогда не возвращался живым.

Один из служащих отряда рассказывал впо-

следствии: «Мы считали, что «бревна» не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших здесь ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь им сочувствовал. Все: и военнослужащие, и вольнонаемные отряда считали, что истребление «бревен» — дело совершенно естественное». Но сами «подопытные» так не считали. С. Моримура в своей книге «Кухня дьявола» рассказывает, что даже в таких жестоких условиях было несколько попыток восстаний заключенных. Об одном подобном случае он сообщает подробности. Вероятно, руководителем восстания был русский, шатен, лет сорока. Он напал в камере на охранника, отобрал у него ключи и выпустил всех заключенных корпуса № 7.

Однако внешняя массивная дверь оказалась закрытой, и выйти из тюрьмы восставшие не смогли. Русский кричал, схватившись за решетку: «Вот вы на нас винтовки навели, а нам все равно не страшно...»

Его застрелили. Писатель приводит слова одного служащего из «отряда 731»: «...Протест этого русского, то, как он до последнего вздоха стоял, широко расправив плечи, произвело на нас сильное впечатление. Мы заставили его замолчать пулей, но он, безоружный и лишенный свободы, несомненно, был сильнее нас. Тогда мы все в душе почувствовали: правда не на нашей стороне. Когда я вспоминаю все, что произошло тогда, я не могу спать по ночам».

Сэйити Моримура утверждает, что и летом 1945 года Квантунская армия считала себя, несмотря на все поражения в войне островной

метрополии, «непобедимой на материке» и готовилась к войне с СССР. Командир «отряда 731» генерал Сиро Исии дал тогда распоряжение... в короткий срок увеличить производство бактерий, блох и крыс». Считалось, что стадия экспериментов закончилась, что начнется бактериологическая война и необходимо в преддверии ее наращивать «производство». Была разработана технология сушки бактерий чумы, выпускался штамм чумы, в 60 раз превосходящий по вирулентности обычную. Дождевое облако и специальная керамическая бомба должны были распыскивать бактерии. Ставилась экстренная задача довести число крыс, которых предстояло заразить и выпустить, до 3 миллионов, число зараженных блох — до миллиарда. Моримура приводит слова одного из бывших сотрудников отряда: «Если бы заразить всех этих блох чумой и разом применить против советских войск, а также обрушить на города — последствия были бы весьма значительными. Это мы все понимали».

Дьявольским планам не суждено было сбыться. Наступление советских войск, развернувшееся 9 августа 1945 года, сорвало их. Чтобы избежать ответственности и сохранить тайну «отряда 731», в ночь с 10 на 11 августа в его филиалы в Хайларе, Линькоу, Сунью, Муданьцзяне послали связных с приказом все материалы и вещественные доказательства уничтожить, подопытных всех до одного ликвидировать, сооружения взорвать и сровнять с землей. На трех эшелонах, загруженных материалами по производству биологического оружия, данными экспериментов и выведен-

ными штаммами бактерий, спецгруппа, которой, кстати говоря, руководили братья генерала Исии, 11 августа отправились со станции Аньда под Харбином. Заключенных уничтожили ядовитым газом. Трупы стащили в ямы, облили бензином и подожгли. Все это делалось в большой спешке.

Однако Моримура подчеркивает, что паника паникой, а кто-то под шумок украл из лаборатории платиновые чашки Петри и эксикаторы, из кассы «отряда» банкноты на сотни тысяч иен перекачали в набедренные пояса сотрудников.

Эшелоны пришли в корейский порт Пусан, а оттуда поредевшая спецгруппа вернулась в Японию. По прибытии все члены «отряда 731» получили приказ: «Всему личному составу без исключения надлежит строго соблюдать следующие три условия: 1) по прибытии на родину скрывать свою службу в армии и факт пребывания в «отряде 731»; 2) не занимать официальных и общественных постов; 3) личному составу отряда строго запрещается всякая связь между собой».

Большинство сотрудников так и поступили — они как в воду канули. Часть их, как выяснилось позже, оказалась в Соединенных Штатах Америки.

Сам Исии в специальном помещении, которое ему в Токио выделили американцы, приводил в порядок вывезенные из Маньчжурии материалы. А в районе бывшей дислокации отряда в Китае в это же время вспыхнула эпидемия чумы. Ее распространили блохи и грызуны, рассеявшиеся во время разрушения сооружений бактериологов-преступников.

США долгое время скрывали от мировой общественности попавшие к ним документы, свидетельствующие об использовании японской военщиной химического оружия во время войны в Китае. Как сообщает агентство Киодо Цусин, к моменту проведения Международного военного трибунала в Токио американская прокуратура располагала документами тогдашней гоминьдановской армии о широком применении японскими войсками с конца 30-х годов отравляющих веществ на территории Китая. Однако они не были предоставлены американской стороной Международному трибуналу.

Данные о массовом применении японской военщиной отравляющих веществ в Китае подтверждают и сверхсекретные японские материалы, обнаруженные в хранилищах американского управления по национальным архивам и официальным документам. Об этом сообщила газета «Асахи». Двум японским ученым удалось разыскать в этих хранилищах изданный в 1942 году академией японской императорской армии сборник, в котором зафиксированы «наиболее показательные» операции с применением химического оружия в Китае. В обнаруженном учеными «сборнике примеров боевого применения химического оружия» имеются описания 56 «образцовых» операций японской армии, в ходе которых сброшены десятки тысяч химических бомб и выстрелено не меньше снарядов со смертельно ядовитыми газами. Так, в боях за город Ичан (провинция Хубэй) было выпущено две с половиной тысячи снарядов, начиненных ипритом и другими ядовитыми газами. «Тактика» японских войск,

свидетельствуют ученые, сводилась к полному уничтожению всего живого. В брошюре приводятся подробные описания применения иприта и других отравляющих веществ в боях по всему фронту военных действий с севера до юга Китая.

С 1937 года химическое оружие применялось японской военщиной в 1312 боевых операциях и крупных сражениях в Китае. По подсчетам специалистов, в результате этих операций погибли десятки тысяч людей.

...Вернемся к событиям 1942—1943 годов. На государственной границе, проходившей по реке Аргунь, не проходило дня без чрезвычайного происшествия. Диверсионные группы врага то и дело просачивались на нашу сторону, убивали часовых, прерывали связь. Японцы без предупреждения стреляли в советских военнослужащих, которые входили в воду Аргуни у нашего берега, хотя граница проходила по середине реки. Сами же плавали по всему руслу реки да еще кричали: «Рюс, бьет тебя герман!»

Безусловно, все это происходило потому, что японцы были в то время на гребне военных удач. Они захватили Северный и Северо-Восточный Китай, разгромили американский флот в Пирл-Харборе. К середине 1942 года Япония оккупировала Бирму, Индонезию, Индокитай, Филиппины, Малайю. Тысячи и тысячи военнопленных, захваченных японской армией, страдающая от голода и болезней, тянули через джунгли, болота и горы дороги. На этой «стрейке» погибло более 100 тысяч англичан, американцев, китайцев, голландцев, бирманцев, индонезийцев, малайцев.

Время было тяжелым. Пятидесятиградусные морозы и ежедневно 10—12 часов боевой подготовки в поле. Стылая и обмерзшая землянка с нарами и одна-две тревоги в ночь. А через день — в наряд. А через неделю — марш на 100 километров. А потом окопы в мерзлой, звенящей, как металл, земле. Их нужно было отрыть для себя, для лошадей, для оружия, для боеприпасов. Не хватало бензина, и, чтобы двигатели были в боевой готовности, мы постоянно подогревали их кострами. Не хватало продовольствия, нового обмундирования...

И так всю зиму. Только и скрашивали жизнь песни. Мы пели «Катюшу», «Бьется в тесной печурке огонь», «Ермака» и «Варяга», пели «Белоруссия родная, Украина золотая» (и Белоруссия, и Украина были тогда оккупированы фашистами). Пели и свои дальневосточные: «На сопках Маньчжурии», «Подружились в Забайкалье офицер и рядовой». Может быть, несколько странно выглядела наша «самодеятельность». Ничего подобного я не видел ни до войны, ни после. Собирались группами, стояли или лежали тесно, один к одному. И пели. Пели истово, сурово, серьезно. Вспоминались далекий дом, родные тропки, лес, друзья. Матери и отцы, подруги. Особый, тревожный колорит песне придавала опасность, которая была где-то здесь, рядом, нависла над каждым из нас, над советским народом, страной. У многих уже погибли отцы, братья. Те, кто призывался из западных областей, ничего не знали о своих семьях. Свидетельства Чрезвычайной комиссии о расследовании зверств фашистов на оккупированной территории, о массовых расстрелах, об издевательствах гитле-

ровцев над нашими людьми читались и перечитывались с тревогой и болью.

Нам было стыдно, что мы в такое тяжелое время не воюем с фашистами. По несколько раз почти каждый из нас писал заявление с просьбой отправить на Запад (так у нас называли советско-германский фронт). Нам отвечали стандартно: «Понадобится — отправят».

Состояние у нас было тревожное. Все чего-то ждали. А на той стороне — как стало известно позднее — командующий Квантунской армией генерал Умедзу интенсивно готовился к «великому наступлению» на Советский Союз. В штабе он организовал пятый отдел, который разрабатывал план этого наступления и установления оккупационного режима на советской территории. Отдел готовил диверсантов, кадры переводчиков русского языка, подразделения для управления захваченными областями. Умедзу планировал переселение японцев в Маньчжурию. Согласно плану, земли у местных жителей или отбирались, или отдавались японцам за мизерную компенсацию. В 1944 году Умедзу назначили начальником генерального штаба и он отбыл в метрополию.

За каждым нашим полком, дивизионом, батальоном, расквартированным на различных приграничных разъездах Забайкальской железной дороги, был закреплен свой участок обороны. Был такой участок и у нас. Он простирался на несколько километров. Здесь в твердой, как цемент, земле мы отрыли глубокие окопы и ходы сообщения, заготовили основные, ложные и запасные наблюдательные пункты и огневые позиции, провели линии связи — словом, обосновались как дома. На-

изусть знали каждый овражек, каждую сопку, каждый бугорок с той и другой стороны. Нет, на ту сторону мы не ходили, но все было сто и двести раз вымерено через оптические приборы и по карте.

Мне почему-то нравилось глядеть через сте-реотрубу на улицы чужого города. Они казались совсем рядом. Вот семенит в черной одежде с коромыслом через плечо китаец, вот выходят из магазинчика, оживленно обсуждая какую-то новость, две хорошо одетые женщины, вероятно жены офицеров, вот отделение японских солдат занимается строевой подготовкой. Поодаль какие-то изможденные люди под конвоем, скорее всего заключенные китайцы, разгружают автомашины. Выбрасывая вверх белые клубы, подползает маленький паровозик. Он тянет несколько вагончиков. Военные эшелоны — вот все, что пропускала сюда тогда КВЖД. Конечным пунктом, куда они следовали из глубинного Китая, была станция Маньчжурия. А от нее до советского Отпора вообще никакого движения — рельсы пожелтели, полотно дороги заросло травой. Только редко-редко, с длительными проверками проталкивались по этому участку один-два вагона. Ехали, вероятно, какие-то дипломаты.

Свое место на границе мы занимали по боевой тревоге. И было это делом обычным. На аллюре мы проносились на своих монгольских лошадках, к тому времени привыкших к седлам, повозкам, овсу и даже освоившим команды, к знакомым окопам, ходам сообщения и забирались на ночь в свои норы. Все было знакомо, привычно и даже по-своему уютно.

Минул трудный 1942 год, начался 1943-й...

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом у нас на границе стало меньше диверсий и провокаций. После Курской битвы «зона» для купания японских солдат в Аргуни сама собой сократилась до узенькой полоски у «своего» берега. Японцы уже больше не стреляли, если кто-нибудь из наших солдат входил в воду.

Шло время. Вот и 1945-й. Война кончается, а мы все сидим в Забайкалье. Сопки осточертели.

На пути с зимней на летнюю квартиру — из казарм на свой участок обороны — 9 мая услышали великую весть. Победа!

«Мы у станции Мациевская,— записал я в те дни в своем дневнике.— Глубокая долина. По колонне передают: «Стой!», «Стройся!» Скачут командир дивизиона и парторг: «Поздравляем вас с успешным завершением Великой Отечественной войны, с победой!» Солдатское «ура» такое, что задрожали сопки. А потом салют из автоматов, пистолетов, винтовок.

Митинг. Запыленные люди выступают не слезая с лошадей. Все внимательно, как никогда, слушают».

Японцы прекратили купаться. Только иногда кто-либо из солдат, оглянувшись, нет ли поблизости офицера, кричал, обращаясь к нам:

— Рюс, германа побил, скоро нас бить будешь?

КОМИССАРЫ

В том, что наш полк хорошо показал себя в действующей армии, что ребята выросли в настоящих солдат, несомненно, немалая заслуга

нашего полкового комиссара, как мы всегда называли его между собой, а официально — заместителя командира полка по политической части Петра Павловича Киричка.

Помню его: высокий, сероглазый, светловолосый. Все сидело на нем очень ладно. Гимнастерка обязательно подтянута в рукавах, без единой складки. Портупею, ремень, пистолет, фуражку — всю офицерскую амуницию Киричек носил так красиво, будто родился в ней. Скакать на коне и исполнять полностью весь набор номеров вольтижировки Петр Павлович мог, как всего лишь несколько человек в полку. Говорили: это потому, что Киричек из кубанских казаков. Но родился и вырос Петр Павлович в Иркутске, в семье служащего и был призван не то в тридцать восьмом, не то в тридцать девятом в армию. Окончил кавалерийское училище. И стал кадровым военным.

Киричек обладал разносторонними способностями. Он, например, умел говорить, как прирожденный оратор: логично, четко, умно, с неожиданными заходами и поворотами. Услышав его, уже нельзя было не дослушать речь до конца. Он вел тебя за собой, учил, убеждал, спорил, доказывал, шутил. Мне казалось, да и не только мне, с его логикой не согласиться невозможно. В такие минуты его большие серые глаза буквально горели. Выразительные жесты, а он жестикулировал довольно щедро, работали на главную мысль.

Петра Павловича уважали все: строевики, технари, штабисты, дежурная служба, интенданты. С ним очень считался «сам», командир полка. Без его совета в части не решался ни

один существенный вопрос. Молодежь очень любила своего комиссара, его задушевные беседы, умение угадать, что у тебя на душе, помочь в трудную минуту.

В порядке отступления хочется сказать, что, когда через много лет я встретил Петра Павловича, уже ушедшего из армии и работавшего заместителем начальника крупного строительного треста в Сибири, и рассказал ему откровенно все это, он искренне удивился.

— Да не могло этого быть,— смущенно повторял Киричек.— Тебе показалось...

И еще. Он умел смотреть вперед сам и незаметно прививал это качество и нам. Петр Павлович воспитал в нашем полку группу отличных политработников. Один из них — замполит первого дивизиона Василий Гаврилович Добудько работал после войны заведующим отделом Иркутского обкома комсомола, затем первым секретарем Качугского и Заларинского райкомов партии. Я уже писал о наших парторге и комсоргах. Десятки других способных людей заметил и выдвинул Киричек, заставил их поверить в свои силы. Это был комиссар по натуре, призванию, зову души. Правда, при нас в армии официально уже не было этого гордого революционного звания, но суть и вся работа замполитов осталась той же, прежней.

На память приходят замечательные строки стихов известного советского поэта Михаила Матусовского:

Хоть сидят давно виски,
Для меня вы еще не стары,
Замполить, политруки,
А по-прежнему — комиссары.

Ваше слово на той войне,
К сердцу путь самый главный выбрав,
Шло с гранатами наравне,
Со снарядами всех калибров.

Об институте комиссаров довелось много думать и размышлять. И всегда на первом месте у меня был наш полковой комиссар Киричек. Считал, таких, как он, немного. Но недавно познакомился с комиссарами нового поколения, сегодняшней армии, точнее, одной из погранчастей и мнение свое изменил.

...Так получилось, что мой сын Александр очень захотел стать пограничником. И не просто пограничником, а политработником этого рода войск. С немалым трудом сдал экзамен в голицинское высшее пограничное училище политсостава и окончил его. Теперь служит на Чукотке заместителем начальника погранза-ставы по политической части.

В небольшую бухту, где находится застава Саши, самолет прилетел из Анадыря утром. Здесь не выйдешь тотчас из салона. Вначале пограничники тщательно проверяют твои документы. Но вот я уже в политотделе, в штабе пограничного отряда. И скажу, очень приятно было мне услышать от его начальника Геннадия Андреевича слова о Саше:

— Стоящий офицер. И буквально на глазах растущий. Заставу вместе с начальником вывели в отличные.

Я прожил на заставе почти неделю. Ходил с нарядами на посты, ездил в дальние боевые дозоры, обедал с солдатами в их столовой, присутствовал на тактических, профессиональных и политических занятиях, на разводах

и инструктажах. Просто разговаривал с солдатами, сержантами, прапорщиками и офицерами. Довелось быть и свидетелем двух боевых тревог.

Эта бухта как бы восточные ворота Арктики. Граница здесь с Соединенными Штатами Америки. Далекая. Морская. В бухте мягкая (по арктическим понятиям) зима и прохладное короткое лето, затяжные осень и весна. Летом полярный длинный день, зимой — полярная ночь. Зимой к тому же неистовые ветры, полярная пурга. Нет деревьев — мхи, лишайники да низенькая трава. Одним словом, тундра.

Здесь впервые в жизни видел с вертолета огромное стадо, голов в 50, китов. Да, смотрятся киты как настоящие корабли с веером чаек над ними и фонтанами воды, то и дело выбрасываемой вверх. Белых медведей не посчастливилось встречать, но, говорят, есть. Видел моржей, множество красной рыбы, стеной идущей на нерест. В тундре водятся песцы, волки, олени, лисы, россомахи.

Чукотка — родина большого советского писателя Юрия Рытхэу. Фотографии его вместе со своим тезкой Юрием Сенкевичем на самой крайней чукотской заставе — Ратманова мне показал в первый же день Саша. Чтут здесь Рытхэу.

А за проливом — Аляска. Самый большой штат США. Крупные площади под тундрой и южнее — под лесами. Многоводные реки и множество озер, безлесные острова, вулканы.

Миссия наших пограничников — пресекать всяческие нарушения советской государственной границы. Наши пограничники, как, впрочем, и

в других районах страны, постоянно на боевом посту, постоянно в боевой готовности.

Особая ответственность за охрану государственных границ СССР возлагается на начальников погранзастав и их заместителей. Офицеры, к примеру, обязаны лично ставить все боевые приказы всем солдатам и сержантам, вступающим в наряд по охране государственной границы. А поскольку наряды меняются через относительно небольшие отрезки времени, значит, необходимо быть начеку практически круглые сутки безо всяких выходных. Плюс к тому паспортные проверки команды и пассажиров приходящих в бухту судов и прилетающих самолетов. Плюс обычные воинские занятия. Плюс... Другими словами, служба на границе нелегкая.

...В Москве семь вечера, а здесь четыре утра следующего дня. Я проснулся. Гляжу в окно. Бухта заполнена судами. Светло. Стучат двигатели катера — в нем пограничный наряд. Размеренно бьет прибой. Днем я снова летал по прибрежной полосе Тихого океана на вертолете. Где-то там, пилот показал мне на юго-восток, Япония. Та самая, с армией которой сорок лет назад, как и тысячам моих сверстников, пришлось воевать... В той стороне, где океан сливается с горизонтом, иногда проползают синие точки — суда рыбаков.

Разговариваю обстоятельно с первым секретарем райкома КПСС Александром Михайловичем Серединым. Он очень высокого мнения о пограничниках. Особо останавливается на политработниках.

— Постоянно помогают нам. Во всем. Читают лекции, организуют агитбригады. На-

чальник политического отдела Леонид Николаевич — член нашего районного комитета партии, активный участник многих мероприятий партийной организации. Вместе занимаемся работой по разъяснению Закона о Государственной границе СССР оленеводам, рыбакам, промысловикам. Повседневную помощь от пограничников ощущаем.

«Честь заставы — твоя честь» — под таким девизом ведется здесь вся политико-воспитательная работа. На пограничной заставе познакомился еще с одним замполитом, другом и тезкой Саши, Курочкиным. Посмотрел, как он разговаривает с солдатами, проводит занятия, инструктирует наряды. С душой делает все эти, казалось бы, такие уж обыденные дела.

А потом полетел на заставу Ратманова.

Думается, что очень немного на земле таких примечательных мест, как остров Ратманова. Посмотришь с него на юго-восток, увидишь Тихий океан, на северо-запад — Северный Ледовитый. Остров — самая восточная территория Советского Союза.

На остров Ратманова прилетели в полдень. Зеленый вертолет, похожий на огромную стрекозу, прорезал стелющиеся облака и приземлился.

Остров Ратманова. Крутые скалы, внизу бьющийся о них океан. На берегу примостилась пограничная заставка Ратманова — самая восточная в СССР. Надпись у входа в погранзаставу: «Охрана Государственной границы СССР является важнейшей неотъемлемой частью защиты социалистического Отечества. Государственная граница СССР неприкосно-

венна. Любые попытки нарушить ее решительно пресекаются». (Из Закона Союза Советских Социалистических Республик «О Государственной границе СССР».)

Хозяева острова — пограничники. Они построили здесь заставу и жилые дома, электростанцию, склады и баню, установили боевые посты и неусыпно день и ночь охраняют государственную границу.

Сурово и коварно северное море. То же можно сказать о тундре. Скалы, потоки ледяной воды, льющиеся с гор, пурга в почти сплошную полярную ночь — такова лишь малая часть характеристики природы крайней Чукотки. И работать в подобных условиях может лишь сильный, опытный и отважный человек. О людях в зеленых фуражках говорят — они именно такие.

— Отметьте, — было одним из первых слов заместителя начальника заставы по политчасти Андрея Рошинского, — что наш боевой коллектив молодежный. И командирам, и подчиненным не больше двадцати трех лет. Лишь двум по двадцать четыре...

— Обратите внимание, — добавил начальник заставы Андрей Папин, — на то, как солдаты и сержанты изучили боевую технику, — с закрытыми глазами в считанные минуты они могут собрать и разобрать автомат, пулемет, узлы двигателей...

Вместо одних суток мне пришлось пробывать на острове Ратманова трое. И, как ни странно, я благодарен дурной погоде, подзадержавшей вертолеты. Настолько интересной, насыщенной оказалась жизнь на этом маленьком участке советской земли.

Знакомство мое с пограничниками началось сразу же после прилета. В сопровождении Андрея Папина и Андрея Рощинского — двух выпускников того же голицинского высшего училища, что окончил Саша, мы обошли помещения заставы — оружейную, связи, дежурные, бытовую комнату, спальню. Потом остановились у столба с указателями: «Москва — 6480 км, Северный Полюс — 2890 км, Анадырь — 720 км, Владивосток — 4240 км, Петропавловск-Камчатский — 2124 км, Аляска США — 4 км 160 м, до ЧССР — 8640 км».

Мы стояли втроем на скале — месте одного из пограничных нарядов. Перед нами совсем близко виднелась территория Аляски.

Капюшон зеленой с камуфляжем куртки, которую надел по совету пограничников, почему-то не держался у меня на голове, под порывами ветра сползал назад. Между тем у моих спутников — старшего лейтенанта Андрея Папина и капитана Сергея Журавлева подобный капюшон казался прямо влитым в воротник. «Вот что значит уметь носить военную форму», — подумал я...

Итак, на указателе написано «до ЧССР — 8640 км».

Но почему же ЧССР? Дело в том, что уже десять лет пограничники самой восточной в Советском Союзе заставы — Ратманова поддерживают тесные дружеские контакты с самой западной пограничной заставой Чехословацкой Социалистической Республики.

Интернациональное воспитание воинов — одна из самых главных обязанностей сегодняшних армейских замполитов — комиссаров.

Впервые пограничные заставы Ратманова и в ЧССР обменялись письмами в 1974 году. В них предлагалось установить между двумя пограничными подразделениями непосредственные братские контакты. С тех пор обмен опытом охраны границ двух стран стал традицией. Письма, которые идут из Ратманова в Чехословакию и из нее в Ратманов, там и здесь обсуждаются на собраниях всего личного состава. Братья по оружию обмениваются дружескими посланиями, рассказывают друг другу о повседневных делах, сообщают о ходе боевой и политической подготовки пограничников, о жизни и быте воинов двух социалистических государств на самой восточной и самой западной пограничных заставах стран социалистического содружества.

Возьмем некоторые из писем. «В деловых связях коллективов наших застав,— писали недавно советские пограничники,— мы видим залог дальнейшего укрепления дружбы молодежи двух социалистических стран, стараемся сделать все для того, чтобы эти отношения благотворно развивались и укреплялись».

Пограничники братской чехословацкой пограничной заставы отвечали: «Друзья, шлем свое послание вам, братьям по оружию. Мы соревновались за звание отличной заставы и добились своей цели. Запевалами соревнования являются члены КПЧ, члены комсомола. Успехи в строительстве социализма невозможно себе представить вне связи с Советским Союзом. Мы хорошо это понимаем».

Много общего есть у ратмановцев и их друзей. У них один общий злобный враг — империализм, НАТО, наиболее агрессивные его

круги, прежде всего США. В США и в ФРГ в последние годы усилились военные приготовления. Становятся более частыми провокации на границах.

Очень похожи друг на друга воины двух застав. И в Советском Союзе и в Чехословакии государственный рубеж охраняют люди, имеющие, как правило, среднее образование, подготовленные к выполнению своей ответственной миссии физически и духовно. Здесь и там налицо заметная прослойка коммунистов, на обеих заставах большинство личного состава — комсомольцы и члены Социалистического Союза молодежи ЧССР. У советских и чехословацких пограничников в их нелегком ратном труде много помощников. Это органы советской и народной власти, рабочие, крестьяне, лесники, комсомольцы и пионеры. В каждом приграничном населенном пункте на Чукотке есть добровольные дружины по охране государственной границы. В свою очередь пограничники активно помогают совхозам и колхозам в решении хозяйственных задач, приходят на помощь в критических погодных ситуациях.

Дружеские связи развиваются по многим направлениям. За успехи в охране государственной границы братская застава награждена значком «Отличник погранвойск I степени». Чехословацкие воины прислали советским друзьям альбомы, рассказывающие о своей повседневной службе. Рассматриваю их. Заставу посетил Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Густав Гусак. Это большое событие зафиксировано на фотографиях. Приезжали на заставу представители

Советской Армии. Тоже фотоснимки, отражающие эту встречу. А вот торжественное построение, собрание пограничников. Его повестка дня: «Все за дружбу с заставой Ратманова». Еще одно фото — часовые на постах.

В гостях у наших друзей побывала делегация пограничников с Ратманова. Это событие также отражено серией фотографий.

Да, расстояние дружбе не помеха. Дальневосточники знают своих чехословацких коллег и друзей по фамилиям и именам. Среди них начальник заставы Мирослав Коутный, его заместитель Роман Крал, сержанты, солдаты. Известно даже, что кличка овчарки на чехословацкой заставе — Лола.

Совсем недавно снова пришло письмо с заставы. «С гордостью мы читали о ваших успехах, дорогие друзья с самой восточной заставы стран социалистического содружества,— пишется в нем.— Не отстаем и мы, пограничники самой западной заставы. В шестой раз завоевали почетное звание отличной пограничной роты. Важнейшим источником революционного оптимизма было и остается для нас тесное интернациональное сотрудничество и братство по оружию. В этом мы видим гарантию того, что авантюристические, агрессивные и милитаристские планы американских империалистов будут сорваны».

Офицеры, прапорщики, сержанты и рядовые заставы Ратманова сейчас готовят ответ своим друзьям. Мыслями о нем поделились со мной два Андрея — Папин и Рошинский, два Вячеслава — прапорщик Попов и ефрейтор Блинков, сержант Алексей Втюрин, рядовые Николай Бубников, Сергей Черепанов и др.

Их предложения сводятся к следующему: надо рассказать товарищам по оружию о том, как растут прямо на глазах молодые парни, как становятся настоящими воинами солдаты нынешнего призыва. Хорошо бы написать, как на партийном и комсомольском собраниях обсуждались вопросы усиления воспитательной работы. Непременно надо упомянуть о том, как мы противодействуем идеологическим диверсиям противника. Стоит, пожалуй, рассказать о повседневных солдатских заботах, например, поделиться умением обращаться с дизельными двигателями. Ратмановцы научились собирать двигатели за два часа. А почему не рассказать, как рядовой Сергей Сыркин умело и проворно распиливает на плиты слежавшийся снег, как виртуозно спускает он эти плиты со скалы на кухню. Работа, скажем прямо, не легкая, особенно при стирке и в банный день. И еще, что запомнилось всем, — встреча Нового года. Самым первым в СССР Дедом Морозом был тогда сержант Владимир Нефедов. Первым потому, что Новый год пришел на заставу на десять часов раньше, чем в Москву.

Обсуждая последнее письмо друзей из ЧССР, ратмановцы полностью согласились с их предложением еще более повысить качество и эффективность охраны государственных границ, постоянно улучшать политическую и профессиональную подготовку и профессиональное мастерство пограничников.

Да, рассказать друг другу есть о чем. Уже пять лет советские пограничные заставы соревнуются за право называться именем Алексея Махалина. Героическая эпопея лейтенан-

та Махалина известна в СССР каждому пограничнику. Мы уже упоминали о ней. Горстка защитников советских государственных рубежей приняла под командованием Алексея Махалина 29 июля 1938 года у озера Хасан неравный бой с японскими агрессорами на сопке Безымянной. Махалину в то время исполнилось 30 лет и он был уже опытным офицером. По его команде бойцы подпустили во много раз превосходящего их противника вплотную и открыли огонь. Японцев было более ста, наших пограничников 11. Но умело расставленные Махалиным пулеметчики и снайперы остановили врага, а когда советских воинов окружили, раненый Алексей Махалин поднял их в атаку. Он героически погиб, но подоспела поддержка, и японские агрессоры вынуждены были отступить. Все 11 советских солдат были награждены тогда орденом Ленина, а Махалин посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Заставе на сопке Безымянной присвоили его имя.

Когда в конце семидесятых годов среди советских пограничников развернулось махалинское движение, к ним на пограничную заставу приехал сын Алексея Махалина Олег и внук Алексей.

Соревнование по примеру махалинцев охватывает весь спектр боевой и политической подготовки. Главный критерий соревнования сводится к следующему: это отличные результаты выполнения служебных и учебных задач, планов боевой и политической подготовки и в конечном итоге высокий уровень боевой готовности частей, в том числе степень владения оружием и боевой техникой, крепкая воинская

дисциплина, всесторонняя физическая закалка. Иными словами, способность каждого воина, подразделения, части успешно выполнить поставленные задачи по охране границы.

Душой этого соревнования, организаторами и запевалами его стали политработники. Именно они добились того, что на каждом занятии господствует дух состязательности. Они организуют и проводят конкурсы на лучшего специалиста, лучший боевой расчет и экипаж, смотры-конкурсы на лучшую базу, городок, казарму.

И еще одна важная обязанность есть у сегодняшних комиссаров — анализ наказов и пожеланий, которые присылают в своих письмах воинам Дальнего Востока родные и близкие.

Идем с Андреем Роцинским в ленинскую комнату. Там на фотоснимке изображена церемония читки таких писем. В ней принимает участие весь личный состав. А письма в самом деле трогательные. Вот некоторые из них: «Желаем ратных успехов в службе. Пусть сыновья служат честно...», «Я как мать желаю своему сыну добросовестно служить, быть внимательным. Желаю всем светлых дней и спокойных ночей. Берегите мир», «Надеемся, что нам не придется краснеть за нашего сына, не будет стыдно за его службу», «При виде воинов в зеленых фуражках мною овладевает внутреннее волнение. Я смотрю на них с доброй завистью и гордостью».

Новая, а впрочем, не такая уж новая, и раньше все это делалось, обязанность политработника — собирать, беречь и прививать молодым боевые традиции части, воспитывать чувство гордости за них у всего личного состава.

Богаты боевые традиции пограничного отряда, сформированного в тяжелом 1941 году. Солдаты его боролись с вражескими десантами под Калинин, Невелем, в Ростове-на-Дону, Геленджике, Кенигсберге, Гродеково, а в 1945 году — под Чаньчунем. После войны отряд был переброшен на Дальний Восток, а позже — на Чукотку.

Воспитание людей в классовом духе — сложный процесс. И на помощь нынешнему политработнику приходят и те же художественные произведения, которыми зачитывались мы, и новые.

Бессрочна служба, например, у книг «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», «Овод» и многих других. Целый ряд отличных кинофильмов стоят в этом же строю.

Так случилось, что во время командировки мне довелось почитать записи «для себя» одного офицера-пограничника и как бы принять участие в его планах и делах. Не буду называть фамилию автора. Скажу только, что таких среди людей в зеленых фуражках много. Начиналась записная книжка словами Н. Островского: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе, и только к победе, никуда иначе. Вот девиз молодежи нашей страны». Дальше шло сугубо личное: «Сколько еще нервных клеток положу я на эти лыжи. Устал». «Но сегодня легче, чем вчера, а завтра будет легче, чем сегодня». Где-то между записями мероприятий: «Опасность вечно на пороге, не каждый час, а каждый миг». И еще одна: «Ничто так не истощает и не разрушает человека, как преждевременное физическое бездействие».

— Ратманова — передовая застава, — ответил на мой вопрос начальник пограничного отряда на Чукотке Геннадий Андреевич.

— Именно она выступила у нас инициатором соревнования в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. Но ничем не хуже ее и другие наши заставы.

Эти заставы соревнуются за право называться отличным боевым коллективом. Многие добились этого права.

Да, на Чукотке несут солдатскую службу образованные, физически и духовно развитые люди. Они свято выполняют свой долг перед Родиной.

Прошел еще один день. Правда, летом в здешних местах трудно определить, когда он заканчивается. Солнце-то ведь не заходит за горизонт. Сменяются наряды, дежурные, а небо остается светлым. И все-таки «вечером» в кабинете начальника заставы идет проработка плана на завтра. Все мероприятия всесторонне и обстоятельно обсуждаются и обговариваются. Главная тема разговора о том, что завтра на заставу придет корабль. Он привезет грузы — стройматериалы, продукты, оборудование. Предстоит общий аврал. Все пойдут на разгрузку. Руководить работами будет замполит.

А море не утихает. Кружатся и кричат неистово тысячи птиц над головой. Рядом — птичьи базары. Туман поднимается вверх — и устанавливается хорошая видимость.

В ленинской комнате бойцы пишут письма домой. Замполит делает обзор последних известий. Все собираются у стенда «Чукотка — тревожный меридиан». Идет разговор о нару-

шениях государственной границы, пресеченных за последнее время. А мне вспоминаются стихи Сергея Смирнова, которые слышал сегодня от солдат:

Над Чукоткой в полярном тумане пролива
Флаг Советов горит на скале горделиво.
Над Аляской, на острове серого цвета,
Флаг чужой, полосатый — Америка это.
Между флагами двух полушарий граница,
А над ней ледяное молчанье хранится.
Здесь рождается утро и с первого шага
Направляется в сторону нашего флага!
А под небом Америки все еще длится
День вчерашний, который бредет до границы.

...Я улетал с острова Ратманова при ясной солнечной погоде. Синело тихое, как в Турзуфе, море. Провожали меня прекрасные люди, и по-иному уже выглядела сама Арктика. Я узнал, что здешние места — это не только жестокий полярный мороз и долгие ночи со сполохами северного сияния. Здесь бывает так же тепло, как в Москве. Тундра в долинах между гор сверкает тогда изумрудной зеленью, местами походит на ковер из розовых и желтых цветов, а с ними соседствуют целые природные плантации северной витаминной ягоды шикши и самых обычных, похожих на подмосковные грибов.

Последний взгляд со скалы в сторону Аляски. Там, как огромный пасхальный кулич, поднимается остров Крузенштерна — территория США. Вершина его белая, туманная. Внизу примостился поселок Елек. До него 4 километра 160 метров. Временами ветер доносил оттуда лай собак. Экскаватор брал грунт, змеилась

его стрела. У поселка стояло судно типа «Нокс», вероятно разведывательное...

Над нашей погранзаставой алел Государственный флаг СССР.

И подумалось мне тогда, да и теперь я постоянно мысленно возвращаюсь к этому: сыны наши, молодое поколение, вступившее в полную силу сегодня, ничем не хуже нас, тогдашних, в 1945 году. Не хуже, а во многих отношениях, пожалуй, лучше. И в воспитание их такими большой вклад вносят политработники — сегодняшние комиссары.

НАКАНУНЕ

...Следующая запись в дневнике 22 июля 1945 года.

«Стоим у деревушки. Мимо снова тянутся пушки, танки, понтоны. Техника с запада. И бойцы, ее обслуживающие, с орденами, медалями... и усами. В Забайкалье эта мода еще не привилась. Веселый, боевой народ. Считают, что пора рассчитаться с японскими милитаристами, а уж потом по домам».

7 августа я отмечал свой день рождения. За один день до начала военных действий против Японии. Вот она, пожелтевшая запись, сделанная накануне — 6 августа 1945 года: «Завтра мне исполняется двадцать один год. Подумать только, целая вечность!»

Мое поколение вступило в жизнь после революции и гражданской войны. Великая Отечественная пришлась на нашу юность. Из нашего класса осталось в живых лишь пятеро мальчишек, а было их двадцать...

«30 июля. Двигаемся не на «свой» пограничный участок — немного восточнее. Неподалеку от границы все зарываются в землю и маскируются. Мы, разведчики, день и ночь не сходим с наблюдательных пунктов. «Солдатское радио» работает четко: все знаем, война начнется на днях...»

До границы — с километр. Вся степь — в бесчисленных бугорках: танки, бронетранспортеры, самоходки, грузовики, пушки — все ушло в землю, замаскировалось зелеными сетками и травой. Было совсем тихо, лишь посвистывали тарбаганы. Ни за что не поверил бы, если бы не знал, что на территории, которую сейчас вижу, находятся тысячи солдат, сотни танков, артиллерия, минометы, «катюши».

Советская Армия подошла к границе, изготовилась к наступлению. Среди сотен тысяч солдат были и мы — бойцы нашего полка.

...Вижу их, своих тогдашних ребят, как сегодня. Помню их в выгоревших гимнастерках и пилотках, помню шинельные скатки, кирзовые сапоги и обязательную самодельную алюминиевую ложку за голенищем. Помню молодых, исхудавших, вспыльчивых, горячих и очень спокойных, стриженных под машинку и с начинающей отрастать шевелюрой. Некоторых видел после войны. Но со многими встретиться больше так и не довелось... И очень об этом жалею.

Кто же они, парни, которые закопались в тот день у границы в землю перед первым и, может быть, последним броском вперед?

Вот они, стоят перед моими глазами.

Дмитрий Траханов, двадцать один год, мой ровесник. До армии — студент первого курса

ветеринарного института в Улан-Удэ. Постоянно читал. И все время нам что-либо рассказывал. Сидим, бывало, в окопе, а он спрашивает: кто такой Энгельгардт? Не знаем — рассказывает. Эндодерма? Эпителий? Эпигонство? (В тот день Дмитрий экзаменовал нас на букву «Э».)

Был Дмитрий прекрасным разведчиком-артиллеристом. Расчеты производил в уме моментально. После войны закончил институт, работал, защитил кандидатскую диссертацию. Потом — докторскую. Сейчас — заведующий лабораторией в Московской ветеринарной академии, профессор, доктор наук. Мы часто встречаемся. О своей науке он рассказывает так увлекательно и образно, что думается, Траханов мог стать хорошим писателем.

Василий Травин. Ему тогда было двадцать пять. Русый, голубоглазый. Лесоруб из Карелии. Честнейший до скрупулезности. Наш скудный хлебный паек раздавать доверяли в основном ему. В полку Василия приняли в комсомол, и вскоре стал он членом бюро. Травин обладал хорошим человеческим качеством: умел, как никто, урегулировать конфликты, ободрить, успокоить. Около него всегда толпились новобранцы. Он учил их мудрому и простому солдатскому житью-бытью. За участие в боях наградили его орденом. После войны услышать о Травине не довелось. С фотографии, пролежавшей сорок лет и немного выцветшей, смотрит он серьезно и строго.

Александр Бизимов. Иркутский. Высокий, загорелый. Из Качугского района, деревни Бирюльки. Мы с ним очень дружили, жили всегда в одной землянке, а летом в одной палатке,

читали одни книги. Где-то в сорок четвергом его перевели старшиной в учебную батарею. Александр Бизимов умел всегда быть там, где нужен. Стрелял без промаха, получал только отличные оценки. Если не ошибаюсь, из всей нашей группы он первым вступил в партию. Сейчас Александр Прокопьевич — прораб в Бельцах, Молдавской ССР. Мы с ним переписываемся.

Семен Слепнев — богатырь. Родом из Бурятии. Крестьянин, кузнец. Один мог справиться с самой норовистой лошадейю.

Аркадий Ларионов из Торжка, Калининской области. Сама деликатность. Никогда никого не обидит. Воевал отлично — все время в передовом охранении. Где сейчас Аркадий, не знаю.

Валентин Никитин, земляк Аркадия. Фантазер и балагур. Человек жизнелюбивый и остроумный. С ним всегда было весело. Любое дело у Валентина спорилось.

Корытов Федор, северобайкалец, высокий, сероглазый, очень рассудительный, несмотря на молодость. Он был хорошим наводчиком, потом связистом. О его послевоенной жизни мне ничего неизвестно.

А разве можно забыть других? Покладистого, обстоятельного Стародубова с Алтая, его друга, кубанского казака Дорохова, киргиза Истенбаева, якута Васильева, бурята Хинхаева. Володю Улаховича — лихого кавалериста из Тайшета, байкальцев Шлыкова и Бутенкова, Юру Глухова, милого нашего радиста, мечтательных украинцев Еременко и Гармаша, очень старательного, неутомимого спорщика белоруса Пилипенко, полкового запева-

лу старшину Колыхалова, затейника и весельчака старшину Письменного и многих, многих других.

Вместе сидели мы в холодных блиндажах, спали в казарме на нарах, дежурили и дневали, делились новостями из дома, мечтали. Занимались комсомольской работой. Я был комсоргом дивизиона, а многие из перечисленных — активистами. Вместе мы несли службу в гарнизоне, вместе пошли в маньчжурский поход, проехали верхом на своих выносливых лошадях тысячи полторы километров.

Мы хорошо стреляли из автоматов, винтовок и минометов, умели чертить схемы и ходить в разведку, знали, как подорвать фугасом дот. И еще мы презирали тех, кто искал легкой жизни, стремился пристроиться на кухне, в бане или подсобном хозяйстве.

У меня не сохранилось записей о комсомольской работе, в то время их по понятным причинам я и не делал. Но в памяти кое-что осталось. Помню первое собрание. Повестка его была краткой и резкой, как выстрел: «Убей фашиста». Выступившие рассказывали о зверствах немецко-фашистских разбойников на оккупированной территории нашей Родины. Помню, как меня принимали в партию. Задали один вопрос: «Что ты сейчас считаешь главной обязанностью армейского коммуниста?» И я сказал: «Драться до тех пор, пока не будет уничтожен последний фашистский солдат, пришедший с оружием в руках на нашу землю, и быть готовым достойно встретить врага здесь».

Задачей комсомола было и всестороннее воспитание молодого человека в военных услови-

ях. К тому времени прошло всего четверть века со дня Октябрьской социалистической революции и состав армии во многом был иной, нежели теперь. У нас в полку, к примеру, большая часть личного состава имела образование два — четыре класса. Нередко встречались малограмотные. Мы учили этих товарищей основам чтения и письма, давали солдатам и сержантам необходимый минимум политических знаний, воспитывали их нравственно.

Воины помогали местному населению убирать урожай, косить сено, вели шефскую работу. И во всем этом помощником партийной организации полка, которую возглавлял старший лейтенант, потом капитан Корж — толковый и обаятельный украинец, были наши комсомольские организации. Не могу не сказать добрых слов в адрес своих первых учителей — комсоров полка — немного педантичного, всегда собранного старшего лейтенанта Аликова, деятельного лейтенанта Шагина. Осенью 1948 года я увидел в Указе Президиума Верховного Совета СССР фамилии обоих. Они были награждены орденами в числе большой группы комсомольских работников в связи с тридцатой годовщиной ВЛКСМ. Где-то они сейчас?

Командир нашего дивизиона — умный и тактичный человек — капитан Мельников живо интересовался комсомольскими делами. По моим тогдашним понятиям, уже не молод был наш капитан. Теперь не могу без улыбки вспоминать об этом: «старику» капитану было тридцать три года.

«...Стоим на плоской, как стол, равнине. Зарылись в землю. Плетем маты из камыша — кто знает, на чем придется переплывать через

Аргунь. Ночью прошел дивизион «катюш». Направление все то же».

Япония отвергла требование союзников о капитуляции. (Оно основывалось на Потсдамской декларации и было сделано Японии от имени США, Англии, Китая. Позже к декларации присоединился и Советский Союз.)

Потсдамскую декларацию газеты опубликовали 26 июля 1945 года. В ней перечислялись окончательные требования союзников: а) безоговорочная капитуляция и устранение «навсегда» от власти и влияния «тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути завоевания мирового господства»; б) оккупация Японии, разоружение и роспуск всех вооруженных сил; в) лишение Японии всей ее территориальной добычи, включая Маньчжурию, Корею и Формозу (Тайвань); г) суровое наказание всех военных преступников и установление демократических свобод, включая свободу мысли, религии и слова; д) уничтожение военной промышленности с обещанием, что в будущем Японии будет предоставлен доступ к мировым запасам сырья и к участию в мировой торговле; е) отвод всех союзных войск тотчас же после создания «мирно настроенного и ответственного правительства» в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

Правящие круги Японии тогда раскололись на два непримиримых лагеря. Премьер-министр, морской министр и министр иностранных дел настаивали на немедленном принятии условий союзников. Военный министр и оба начальника штабов, готовые согласиться на прекращение войны, тем не менее противи-

лись некоторым условиям Потсдамской декларации. Представители армии заявляли о своей решимости оборонять японское побережье. Кое-кто даже предсказывал, что высадка может обойтись американцам так дорого, что они предпочтут смягчить некоторые из мирных условий. У Японии еще оставалось 2800 исправных самолетов, которые предполагалось бросить против наступающего американского «флота вторжения», разделив их на группы «камикадзе» для налетов, повторяющихся каждый час. В бухтах близ Токио были укрыты флотилии маленьких двухместных подводных лодок того типа, которые в 1941 году проникли в Пирл-Харбор.

Всего этого мы тогда не знали. Части и подразделения напряженно готовились к боевым действиям. Получили «Памятку бойцу в наступлении», стреляли по макетам японских танков, провели шестичасовой семинар на тему: «Особенности хайларского оперативного направления». Сделали прививки против чумы и других болезней.

8 августа. Ночной марш. Остановились на рассвете и сразу стали окапываться. Зарылись в землю у самой границы, сделали укрытия для техники, лошадей. А ведь копали-то все малыми лопатами — торопило время.

Очень хочется есть, кухни где-то отстали. Съели потихоньку НЗ. Получили пулеметы, патроны, индивидуальные пакеты для перевязок в случае ранения.

Когда стемнело, собрались на партийное собрание. Это было самое короткое собрание на моей памяти.

Президиум не избирали, докладов не было,

выступающие не снимали с плеч автоматов. Как-то очень торжественно и резко звучали в темноте слова заместителя командира полка по политчасти:

— Ожидается обращение Военного совета фронта... Завтра в четыре часа утра переходим государственную границу...

Нам прочли приказ И. В. Сталина о том, что СССР, верный союзническому долгу и желая сократить сроки окончания войны, объявляет войну Японии. В приказе подробно говорилось об агрессивной политике империалистической Японии в отношении Советской страны.

Выступили несколько человек. Они призывали выполнить солдатский долг до конца. Впрочем, солдаты за последние дни и особенно ночи столько переговорили о жизни и смерти, о войне и победе, о долге и чести, что убедить их в чем-то вряд ли имело смысл.

Каждый понимал: нельзя оставлять на границе сильную Квантунскую армию, надо раз и навсегда покончить с восточным очагом агрессии. Мы знали, что особенно упорные бои ожидаются на нашем участке фронта — у Хайла-ра и на Хинганском хребте.

А вскоре наши радисты принесли записанное ими заявление народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова послу Японии. «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии,— говорилось в нем,— Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — США, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских воору-

женных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву...

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного, Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Говорят, что, получив сообщение об объявлении войны Советским Союзом, премьер Судзуки сказал: «Этого надо было ждать. Наконец пришел конец войне!»

ЗАПЕЛА ТРУБА ГОРНИСТА

9 августа обещало быть ясным. И мы очень жалели об этом. Каждый понимал, что переходить укрепленную границу да еще форсировать с ходу реку, где годами пристреливался и вымерялся каждый метр, гораздо лучше в дождь, в туман, при какой угодно плохой погоде, но не при ясном небе.

Увы, нашим желаниям не суждено было сбыться. Это стало ясно сразу после полуно-

чи: небо засыпали яркие звезды, на траву пала роса.

Никто не спал. Какой сон, если на рассвете, возможно, заснешь навеки. Одни, накрывшись плащ-палатками, писали письма домой, другие собирались группами и о чем-то тихо переговаривались.

Начал сереть рассвет... Тревожно запела труба полкового горниста.

— Вперед!— передали по колонне.

И вот аллюром мы выскакиваем на крутой аргунский берег. Хорошо помню разобранные сараи приграничной деревни, помню сеть связистских проводов под ногами — зеленых, желтых, красных. Помню ту сторону реки — низкие камыши в тумане. И — тишина.

Около четырех утра. Где-то вдалеке щелкнул одиночный выстрел. И снова напряженная тишина.

— И это все?— подумалось мне.— Ведь противнику же отлично видны сосредоточенные на этой стороне войска. Молчат. А может, выжидают, чтобы мы начали переправу?

Вдруг раздается оглушающий рев самолетов. Целая армада их понеслась на Маньчжурию. Силища с нашей стороны шла колоссальная. Потом я узнал, что перед началом войны на маньчжурской границе с советской стороны было сосредоточено одиннадцать общевойсковых и одна танковая армии, свыше 3 тысяч боевых самолетов и боевой флот на Амуре и в Тихом океане. В ударную группировку входило более полутора миллионов солдат и офицеров, около 30 тысяч орудий и минометов, более 5 тысяч танков и самоходных орудий.

Скорее, скорее, скорее. Мост еще не готов.

— Четвертая батарея,— слышу команду,— переправляется первой на пароме... Заводим на паром упирающихся лошадей. Лошади храпят, дичатся, некоторых буквально втаскиваем. Поплыли...

Гребем, ждем снаряда — наш паром отличная мишень. Прошли средину реки, ближе, ближе, к маньчжурскому берегу, и вот желанные камыши. Мы, разведчики, прыгаем первыми, вода по грудь. Продвигаемся, держа кверху автоматы, тянем за собой лошадей. Еще шаг, еще — и мы на берегу. Срочно готовимся к стрельбе, оборудуем НП. Садимся на лошадей и скачем к ближайшей сопке.

И только тут застрочил из засады пулемет.

Пришлось продвигаться ползком.

Впереди послышались взрывы гранат, и пулемет затих. Мы огляделись и встали во весь рост. Никто больше не стрелял. На Аргуни навели понтонный мост, и по нему, как по тонкой ниточке, тянулись и тянулись на маньчжурский берег танки, пушки, машины. Перешли по мосту и другие батареи нашего полка. Они стремительно двинулись на юг. Мы тоже снялись с огневых позиций и присоединились к полку.

В эту ночь на всем фронте от Забайкалья до Владивостока советские войска перешли в наступление. Удар по Квантунской армии был нанесен на суше, с воздуха и со стороны моря.

Военный министр Японии Анами и после вступления в войну СССР не хотел сдавать позиции. «Если мы не сумеем остановить противника,— заявил он,— 100 миллионов японцев предпочтут смерть позорной капитуляции». 10 августа он издал приказ, в котором гово-

рилось: «...довести до конца священную войну в защиту земли богов... Сражаться непоколебимо, даже если придется грызть землю, есть траву и спать на голой земле. В смерти заключена жизнь — этому учит нас дух великого Нанко (герой японской мифологии), который семь раз погибал, но каждый раз возрождался, чтобы служить родине...»

...Солнце поднималось выше и выше, жаркое, пылающее. Сначала мы двигались по солончаковой степи, потом стали попадаться песчаные островки. Трава была серой и колючей. Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать в фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но он был с табличкой: «отравлено». Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары.

Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий...

Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной водный запас батареи. Делили, как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана.

Степь казалась раскаленной сковородой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за 15 минут. Осталась на дне лишь мокрая грязь. Не принесли облегчения и сумерки. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только теперь я

понял по-настоящему, что такое пустыня. Желание напиться досыта перебивало все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать. Одна неотвязная мысль билась в голове: «пить, пить, пить...» А для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого: нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из «централизованного» фонда.

Автомашины не могли регулярно подвозить к фронту нужное количество воды. Везли самое необходимое для разгрома противника: в первую очередь боеприпасы и горючее. Надо было выполнить приказ маршала Малиновского — ударным частям как можно быстрее наступать, чтобы пробиться к рекам и озерам у Хайлара и Хингана. А потом оттуда помочь водой оставшимся. Впереди было еще два безводных дня. Как хорошо, что 9 августа мы об этом не знали...

Двигались всю ночь в направлении на Хайлар. Утром 10 августа слушали последние известия. Диктор Левитан сообщил: «В Забайкалье наши войска, преодолев ожесточенное сопротивление противника, штурмом овладели Маньчжуро-Чжалайнорским укрепленным районом японцев и заняли города и железнодорожные станции Маньчжурию и Чжалайнор...»

9 августа наши войска продвинулись там на 15—20 километров; мы прошли более шестидесяти.

Увидели первых аратов Внутренней Монголии. Одеты в длинные красные и зеленые ха-

латы, они стояли на обочине и смотрели на танки, орудия, автомашины. Наверное, такое зрелище представлялось им впервые. Наш солдат, знающий монгольский язык, спросил, слышали ли они о войне и есть ли поблизости японцы. Араты ответили, что не слышать о войне невозможно. А японцы, добавили они, вчера и сегодня утром на машинах убегали к Хайлару.

Меня вместе с иркутянином Непомнящим и калининцем Сименским назначили в передовой разъезд. Вдвоем мы несли свою караульную службу впереди дивизиона, а третий непрерывно «прочесывал» степь: а вдруг где-нибудь в складке местности спрятался колодец?

Так прошло полдня. Никаких успехов. И вдруг... Что-то есть!— это было понятно по сияющей физиономии Сименского. Мы поскакали на сопку. Там в глубокой ложине воронки от фугасок, а на дне их — вода! Мы пили, поили лошадей...

За спиной загрохотала новая партия «тридцатьчетверок» с десантниками... Каких только чудес не бывает на свете! Вижу: на закоптелом танке серый от пыли, с автоматом на шее сидит мой дядя Сергей. Родной дядя, младший брат отца.

Я узнал его сразу же, хотя и не видел пять лет. Узнал и вспомнил весь его тяжелый жизненный путь. Каким-то немного непривычным выглядел Сергей до войны в своей семье, рядом с братьями: степенными Митрофаном и Кузьмой, бесшабашно веселым Михаилом и заносчивым Егором. Может быть, оттого, шутили некоторые, что он родился здесь, в Сиби-

ри, а старшие братья мальчонками приехали из Полесья. Работал Сергей где-то на сплаве леса, иногда появлялся в деревне, снова исчезал. Затем был призван в армию.

Мы переписывались. Мне было известно, что часть, в которой служил Сергей, стоит где-то неподалеку, в Забайкалье, уж очень быстро приходили от него письма. Но полевая почта адресов не сообщала. Сколько их тогда было номеров этой почты на треугольных конвертах!

Все это пронеслось в голове за несколько секунд. Я стоял на развороченной танками земле, смотрел на Сергея и не мог поверить своим глазам. Такое случается только в детективах! Сотни тысяч солдат, офицеров непрерывным потоком движутся и движутся, ежеминутно меняя свое расположение. Впереди — круговерть боя. Даже сравнение стога и иголки здесь кажется неподходящим. И вот, поди ж ты, встретились. Он, Сергей, собственной персоной, стоит, растерялся, моргает выгоревшими на солнце ресницами, на голове выцветшая пилотка, на плечах погоны с двумя лычками, в руках автомат, обмотки на ногах, сизые от пыли...

У меня слезы брызнули из глаз, и мы бросились навстречу друг другу, обнялись. Потом, напившись холодной, пахнувшей взрывчаткой воды, присели на землю. Я держал на поводу свою исхудавшую до костей Бурю, он поглаживал автомат. Где-то за сопками гремела не утихая канонада.

— Как себя чувствуешь? — тихо сказал Сергей.

— Вот, впервые за два дня воду пью досыта.

— А мы пересекли границу в полдень девятого.

— На Хайлар?

— Да, — ответил он.

— По машинам! — разнеслась команда.

— Ну прощай, Алексей, — вскочил он. — Кто знает, доведется ли когда увидеться, война же...

Мы расцеловались, зарокотали моторы, и танки с десантниками исчезли в облаках пыли. Они пошли туда, где грохотала канонада, — на Хайлар...

Я сел на лошадь, догнал свой разъезд. Японцев не было видно. И мне почему-то вспомнилось описание В. В. Вересаевым Мукденского сражения 1904 года, которое я читал в детстве. Там тоже не было видно японцев, а только рвались и рвались артиллерийские снаряды — шимозы, выкашивая русских солдат. Сражение было проиграно.

Здесь же шимозы не рвались, мы наступали, наступали так стремительно, что у противника, по заявлению начальника штаба Квантунской армии генерала Хата, уже на второй день войны начался хаос...

Трава становилась все выше, и вскоре нам встретилась первая речка-ручеек. Солдаты бросились к ней. Пили до одури, до ломоты в зубах.

Потом двинулись дальше.

Японцев не было видно, а вот с первым в жизни русским эмигрантом мне довелось поговорить тогда. Он сидел грязный, оборванный и рассказывал солдатам о своей судьбе. История его была, впрочем, незамысловатая — забайкалец, казак, в 1931 году, напуганный кула-

ками, бежал в Маньчжурию от коллективизации. Денег не было, вещей тоже, были одни руки — вот эти, что лежали сейчас на коленях, узловатые, черные, с большим желтым от табака пальцем и грязными ногтями. Пробовал по мелочи торговать — прогорел. Стал батраком у богатеев. Косил сено, метал зароды. Ни дома, ни семьи, бобыль...

Впервые подумал я тогда о судьбе человека, оторванного от родины, представил себя на его месте, и мне стало страшно.

Другую часть русской эмиграции составляла белогвардейщина, озлобленная, ожесточившаяся. Японские спецслужбы в Маньчжурии широко использовали белую эмиграцию как ударную антисоветскую силу. Атаманы Семенов, Калмыков, монархист Радзиевский, сотрудничавшие с японской военщиной в 1918—1922 годах, продолжали и после этого свое черное дело. Они организовали так называемый «союз русских фашистов», сами и окружение находились на содержании японцев. Рядовых же эмигрантов японцы считали людьми второго сорта — чинили над ними суд и расправу, ограничивали в приеме на работу, свободе передвижения, выборе места жительства, лишали права на переписку, силой и путем различных провокаций старались завербовать в банды. В 1943—1944 годах прокатилась волна репрессий против русских, особенно тех, кто открыто сочувствовал нашей стране. Постепенно, таким образом, среди русской эмиграции проходило расслоение — значительная часть его, особенно молодежь, рвала отношения с оккупационными властями, обращала свои симпатии к родине.

...Японцев не было видно, а солдаты погибали. Пытаясь найти более удобный путь для проезда полка, часа в два ночи 10 августа я повернул в темный туннель железнодорожного моста. Лошадь захрапела и поднялась на дыбы. Я достал фонарик, включил, и мурашки поползли по спине. В неестественных позах лежали наши пехотинцы. Открытые страшные раны зияли на их телах. Это были совсем молодые парни. Вероятно, погибло целое боевое охранение. Тяжело и жутко было смотреть на своих мертвых сверстников. Мы постояли над ними, сняв фуражки, потом прикрыли тела шинелями и послали донесение в похоронную команду.

Ночью 11 августа подошли к Хайлару, где находился полевой штаб Квантунской армии. В линзах стереотрубы пылал огромный костер. Горели в основном лесные склоны гор, за ними-то и скрывался Хайларский укрепленный район. Сам город растянулся на много километров в глубокой впадине. Здесь жили лавочники и ремесленники, чиновники да еще офицеры и солдаты «великого государства» Маньчжоу-Го.

Ни бомбежки, ни артиллерийский обстрел существенного вреда укрепрайону не нанесли. Танки прошли по долине и взяли направление на Хинган. А пехота блокировала многотысячный гарнизон Хайлара. Японцы, засевшие в многоярусных дотах в пяти скальных районах, соединенных подземными ходами, продолжали сопротивляться. Нужна была тяжелая артиллерия. И нужны были действия разведчиков.

Под утро всю нашу полковую разведку сс-

брали в глубокой ложине. Командир полка тоже был с нами. Дело предстояло весьма серьезное — нужно было узнать, какие из целой шеренги дотов, виднеющихся перед нами в серой дымке, еще не оставлены японцами, действуют. Предстоял так называемый поиск разведчиков. Мы отлично знали, что это такое. На лошадях или спешившись надо идти прямо на доты. Притом идти не прячась, не маскируясь, а, наоборот, как можно больше привлекая к себе внимание, чтобы своим вызывающим поведением разозлить противника, заставить его открыть по тебе огонь и тем самым дать возможность засечь его огневые средства, чтобы потом при наступлении подавить их.

Короче говоря, из поиска разведчиков мало кто возвращался живым.

...На этот раз почти вся наша полковая разведка участвовала в поиске. Ну и мы с Дмитрием Трахановым. Как сейчас, помню, я был на крайнем правом фланге. Метров триста правее меня находился лишь один разведчик. Дмитрий был где-то слева. В центре ехал командир полка.

— Видно, поиск очень важный, — подумалось мне, — раз «сам» участвует...

А потом мысли сосредоточились на одном — прямо передо мной все резче и резче виделся в предрассветной дымке большой дот. Снаряды уже сорвали с него маскировочный дерн, и бетонный колпак, мокрый от ночного дождя, матово лоснился. Мне было отлично известно, с какой точностью бьют из-под такого колпака пулеметы, — все до сантиметра вокруг за многие годы выверено и пристреляно. Прибли-

жаясь к похожему на гигантский гриб доту, мы напряглись до предела: вот пройдет миг, и из бойницы — продолговатой щели, которую я уже различал, — вырвется смертоносный сног огня...

Но выстрелов не последовало, и вот я уже перед самым дотом, в «мертвом» пространстве, а за мной ползет сапер с огромным фугасом. Он подсовывает этот смертоносный «огурец» под стенку дота. Его защитники, видно, ночью ушли отсюда. Помню, еще стучали мы по бетонной стенке лимонкой с невзведенной чекой. Бетон звонко гудел... Потом отбегаем, ныряем в какие-то ямы. Взрыв. И в туче пыли — накренившийся, но так и не поврежденный огромный бетонный колпак. А мы пока живы.

Саперы продолжали подрывать доты. И они, вывернутые из земли, валялись по склонам сопок.

Вырванные с корнем огромные железобетонные доты, груды камней, темные заросшие холмы, а под землей ходы сообщения, узкоколейки, жилье, склады тяжелого оружия. Так выглядели укрепления японцев у Хайлара после капитуляции.

Потом, на обратном пути, после полного разгрома милитаристской Японии все еще невозможно было проехать через Хайлар. Руины казарм, кучи вздыбленной земли, полуистлевшие трупы. Воздух отравлял смрад, в нем носился пепел. Все старались найти объезды. Пленный японец гсворил, что в день начала войны все солдаты считали, что сорок боевых самолетов, прилетевших боибить военные объекты Хайлара, были... американскими.

Ведь долгое время имперская пропаганда вдавливалась им в головы, что у Советского Союза не может быть такой мощной авиации. Но лавина танков «Т-34», силуэты которых им были известны, и самоходных орудий показали, кто победил у Хайлара.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Ночью получили новый приказ: срочно двигаться на Якэши. Там идет бой за город. При полной темноте ловим своих лошадей. Как ухитряемся это сделать, до сих пор не могу понять. Скачем до Якэшей. Что-то около 70 километров. Я всю ночь в боевом охранении. Начинались предгорья Хингана. Буйно цвел на лугах дикий чеснок.

Вот и Якэши. Городок уже взят танковой бригадой. Китайцы встречают нас радушно. Машут флажками. Кричат: «Капитана, капитана, шанго!»— и поднимают вверх большой палец.

Среди встречающих немало было русских эмигрантов. Запомнился один — седой, высокий, в сапогах, он все осенял проходящих солдат крестом.

Прямо на тротуары выставлены бочонки с родниковой водой. Мы, запыленные, уставшие, немного расслабились, проезжая этот городишко.

Это днем, а ночью полк попадает под огонь японских пулеметов. Потеряв несколько человек убитыми, отстреливаясь, наши уходят на юг. Мы — боевое охранение — догоняем их только утром.

Когда уставшие до последней степени сол-

даты потянулись к походным кухням, над полями, засеянными чумизой и гаолянном, снова прозвучали слова Совинформбюро: «В Забайкалье наши войска в результате стремительного удара с боем овладели важным узлом дорог и сильным опорным пунктом противника— городом и железнодорожной станцией Хайлар... За день наши подвижные войска в Забайкалье продвинулись на 170 километров в сторону Большого Хинганского хребта... Наша авиация продолжает наносить удары по основным железнодорожным узлам Маньчжурии».

Забайкальский фронт наступал двумя большими колоннами. Первая шла из восточных районов Монголии, вторая, в составе которой был и наш полк, двигалась на Хингано-Шеньянском (Мукденском) направлении. Наступление развивалось успешно. 6-я гвардейская танковая армия за два дня преодолела обширную пустыню, а на третий день перевалила через Большой Хинган и совершенно неожиданно для противника вышла на Маньчжурскую равнину. Воздушная армия маршала авиации Худякова обеспечивала господство в воздухе.

Войска Первого Дальневосточного фронта наступали в направлении Харбина и Гирина. Они тоже прорвали оборону противника и стремительно продвигались навстречу Забайкальскому, отрезая пути отхода Квантунской армии.

Войска Второго Дальневосточного фронта форсировали Амур, захватили плацдарм на его правом берегу и к 14 августа продвинулись вперед местами до 200 километров. Дерзкий

план операции на огромном пространстве в 4 тысячи километров выполнялся успешно.

Еще, по сути дела, не начинали стремительного наступления морские части у Сахалина и Курил.

Многие стратеги Запада тогда недооценивали, несмотря на блестящие операции, проведенные ею в Европе, силу и мощь Советской Армии. Американский военный обозреватель Хэнсон Болдуин, например, говорил, что на Востоке «такие трудности и расстояния быстро преодолеть невозможно». Его английский коллега генерал-лейтенант Мартин утверждал: «Менее чем за шесть месяцев на серьезный успех Советской Армии рассчитывать не придется». А Уинстон Черчилль, тогдашний премьер-министр Англии, считал, что для разгрома Квантунской армии советскими войсками потребуется не менее года. Все они ошиблись. С Квантунской армией было покончено за две недели.

Что же предопределило ее разгром?

В самом деле, были ли у противника потенциальные возможности для длительных боев? Да, несомненно.

В смысле индустриального развития Маньчжурия приближалась к метрополии. Если Япония выплавляла в 1944 году 2,7 миллиона тонн чугуна, то Маньчжурия — 2,5 миллиона тонн. По стали цифры соответственно составляли 5,9 миллиона и 1,3 миллиона тонн. В Маньчжурии было сосредоточено 55 процентов производства синтетической нефти. Военная промышленность Маньчжурии и Кореи могла обеспечить почти всем необходимым миллионную армию.

Нельзя сказать, что японцы не знали о готовящемся наступлении. Еще в начале июля, то есть когда мы начали продвижение к границе, по всей пограничной зоне они ввели затемнение, резервистам выдали оружие, резко активизировались действия разведки, началась подготовка к разрушению железных и шоссейных дорог.

Готовились японцы к войне и в оперативном отношении. Об этом говорят хотя бы показания на суде бывшего командующего Третьим фронтом в Маньчжурии:

«По плану, разработанному после мая 1945 года, предполагалось дать решающее сражение наступающим частям Красной Армии на линии Чаньчунь, Сыпингай, Мукден... В случае нанесения поражения советским частям в райсне Чаньчуна и Мукдена главные силы фронта преследуют противника вдоль железной дороги (КВЖД) до ст. Карымская...» Ни много ни мало!

Может быть, солдаты противника не умели воевать? Но совсем незадолго перед этим, в феврале 1945 года, японцы удивили мир обороной острова Иводзима. Его гарнизон составлял 23 тысячи человек. Высадившиеся американские части насчитывали 110 тысяч человек. Они имели 100 боевых кораблей, 1500 самолетов. Тем не менее штурм острова продолжался месяц — с 19 февраля по 20 марта. Иводзиму американцы захватили лишь после того, как его гарнизон полностью погиб.

Солдаты Квантунской армии отчаянно сопротивлялись. Но армия была парализована стремительными действиями наших войск, раздроблена, деморализована. Офицеры про-

тивника растерялись, части утратили между собой связь, солдаты остались без командиров.

Думаю, правы те, кто утверждает, что маньчжурская операция своим размахом, дерзостью, оперативным решением является блестящей и непревзойденной в истории войн.

Под ударами советских войск главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада приказал отступать в глубь Маньчжурии, решив дать генеральное сражение на равнине за Хинганом. Паника началась и в самой империи. В Токио на высшем военном совете премьер-министр Судзуки сказал: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

В тот же день вечером к заседавшим присоединился император Хирохито, и к утру правительство Японии решило принять условия Потсдамской декларации.

Однако, несмотря на все это, вооруженные силы Японии не получили приказа о прекращении военных действий: правящие круги страны готовы даже были к оккупации своей территории американскими войсками, лишь бы не допустить вторжения советских армий. Небезызвестный принц Коноэ считал еще в феврале 1945 года необходимым капитулировать перед США и Англией, лишь бы избежать «коммунистической революции».

Группа офицеров — «молодые тигры» — выступила против принятия формулы «безоговорочная капитуляция». Они считали, что войну можно продолжать путем организации

обороны на материке и островах. Выдвигалось требование вовлечь в эту оборону, в «добровольческую гражданскую армию» и отряды «камикадзе» (смертников) всех, кто может носить оружие.

«КАМИКАДЗЕ»

...Наши войска продолжали стремительно наступать. Вот мы уже недалеко от вершины Большого Хинганского хребта. С боями взят Бухэду. Именно здесь японцы особенно яростно бросались в контратаки. Запомнились руины домов и россыпь японских военных орденов на улице. Столько было этих орденов: желтых, красных, белых, с лентами и без лент. Видимо, здесь растрясли какую-то большую канцелярию. Помню разбитую водокачку, из которой продолжали строчить пулеметы, заминированные жилые дома на склоне Хингана.

Команды из китайцев убирали трупы японских солдат. Глядел я на них и почему-то думалось о том, что на далеких островах этих мертвых людей считают еще живыми, что все еще плывут письма через море, как от живых...

Накануне в Японии было объявлено о безоговорочной капитуляции, а между тем продвигаться вперед нашим частям здесь, в Маньчжурии, становилось все труднее. Приходилось то и дело отбивать сильные контратаки.

В бой были брошены спецподразделения японских смертников. Они сидели в круглых лунках по обе стороны Хинганского шоссе, одетые в новенькие желтые мундиры, в чистое белье, обязательно с бутылкой саке и с... миной на бамбуковом шесте.

Смертники... Мы много слышали об этом адском изобретении японской военщины, о фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии», взрывающихся вместе с торпедой и миной. Смертники казались нам чем-то непонятным, бесформенным, нечеловечьим.

Во время войны на все лады пропагандировалась полуполезна о монгольском нашествии на Японию. По ней выходило, что корабли хана Хубилая, внука Чингисхана, у берегов Японии уничтожил «божественный ветер», «камикадзе». Из истории известно, когда хан Хубилай потребовал от Японии, чтобы она признала суверенитет монголов, сегун Хоодзе Токимуне, правитель этой страны, возглавил оборону и казнил монгольских послов. В 1274 году начался первый поход армии Хубилая против японцев. Монгольский флот подошел к западному побережью острова Кюсю. Но разразился ураган — «божественный ветер», к тому же неожиданно умер командующий монголов. Нападение сорвалось. Через семь лет против Японии отправляются уже два монгольских флота. Они должны были соединиться опять-таки у Кюсю. Один из флотов опоздал. Другой попытался высадиться, но японцы не дали ему этого сделать. А сильный тайфун — «божественный ветер», «камикадзе» — снова разметал корабли.

Подвиги фанатиков-смертников прославлялись всеми средствами пропаганды. Их количество увеличивалось год от года. Если Пирл-Харбор штурмовали 15 смертников в начиненных взрывчаткой карликовых подводных лодках и за штурвалами самолетов, то у острова Лейте на Филиппинах в октябре 1944 года их

уже насчитывалось свыше 3 тысяч, а к концу 1945 года намечалось иметь 300 тысяч смертников. Была создана бригада смертников и в Квантунской армии.

И вот они — современные «камикадзе».

Молодые люди, чуть старше нас. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они не очень воинственно. Не зная, что это смертник, ни за что не поверишь. Но мина, большая магнитная мина, которую и мертвый продолжает держать в руках, рассеивает все сомнения.

В 1970 году читал я в газетах о том, что фашиствующий писатель Юкио Мисима, призывая к военно-фашистскому перевороту и желая пробудить в войсках и в народе самурайский дух, распорол себе мечом живот. Вспомнились круглые лунки на склоне Хингана осенью сорок пятого и в каждой из них молодой смертник с миной в руках. К слову сказать, метод борьбы со смертниками нашелся: на танки садились десантники и расстреливали в упор поднимающихся с миной «камикадзе».

В городе Цицикаре попал мне в те дни в руки белогвардейский журнальчик. Перелистывая его, наткнулся на рассказ, прославляющий великий дух «камикадзе», который в специальном самолете-торпедо «бака» взорвал американский линкор. В рассказе содержался призыв к «молодым русским фашистам» и «добровольцам» в Маньчжурии последовать примеру самураев. «Призыв» не нашел отклика в эмигрантских кругах, поэтому японцы не доверяли белогвардейским частям и вскоре расформировали многие из них. Часть «добровольцев» даже расстреляли. Отмечались слу-

чай, когда дети бывших белогвардейцев помогали нашим частям. Я сам был свидетелем нескольких таких фактов.

...Японцы контратаковали отчаянно и безнадежно. Их танки давно сгорели, артиллерийские позиции были подавлены. Поднимая пехоту без прикрытия, командование обрекало ее на истребление. Весь склон Хинганского хребта был усеян трупами вражеских солдат и офицеров.

Действуя исключительно в гуманных целях, главнокомандующий маршал А. М. Василевский передал командующему Квантунской армией радиogramму, в которой предложил прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен...

Еще одна волна атакующих выплеснулась из окопов противника и полегла под пулеметами. Наступило затишье. Потом вдруг склоны забелели флажками. Затем японцы поднимались, бросали в кучу оружие и начинали строиться в колонны. Радио объявило о прекращении сопротивления. Девять горячих дней и бессонных ночей прошли.

Премьер Судзуки, выступая в последний раз по радио, объявил, что его правительство ушло в отставку 16 августа. Он призвал народ соблюдать спокойствие и благоразумие. Главной причиной, приведшей к капитуляции, премьер назвал участие в войне СССР.

Правящая верхушка Японии хотела с помощью США спастись от гнева собственного народа, что, впрочем, и было сделано. В рескрипте императора о прекращении военных действий говорилось, что для Японии сложи-

лась неблагоприятная военная и международная обстановка, что император стремится предотвратить гибель японской нации, но ничего не было сказано о том, кто повинен в этом.

В то время как японский народ испытывал настоящую трагедию — терпел голод, лишения, терял на фронтах миллионы своих сыновей — сказочные прибыли подобно золотому дождю лились в сейфы военных монополий.

Два десятка богатейших семейств и групп много лет командовали экономикой Японии. Среди них четыре семейства держали под контролем перед второй мировой войной и во время ее три четверти капиталов всех японских фирм. Они и были настоящими хозяевами государства. Это Мацуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда.

Пресловутые дзайбацу (дзай — богатство, бацу — клика) срослись с императорским двором. Миллионы и миллиарды нажили компании на производстве вооружения. Они почти полностью контролировали экономику метрополии, грабили оккупированные районы. По требованию дзайбацу власти распустили профсоюзы, а взамен создали «патриотические ассоциации» рабочих и предпринимателей. Правительство объявило, что следует поощрять дух порядка, повиновения старшим и дух сотрудничества между рабочими и капиталистами. Все это умело преподносилось в соответствии с вековыми обычаями и традициями.

ЧЕРЕЗ ГОБИ И ХИНГАН

Много горя и бед принесла Монголии захватническая политика Японии, много жизней

унесли агрессивные действия самураев на границах МНР.

В августе 1945-го наступил час возмездия.

10 августа Монголия объявила войну Японии.

Советско-монгольская конно-механизированная группа под командованием генерал-полковника И. А. Плиева входила в состав Забайкальского фронта. План фронтовой операции предусматривал нанесение мощного стремительного удара главными силами с тамцак-булакского выступа на территории МНР в направлении Чаньчуня и Шеньяна (Мукдена). Группе же предстояло, действуя на правом фланге, прикрыть главные силы фронта от возможных фланговых ударов с юго-востока, в предельно короткие сроки пересечь пустыню Гоби, с боями перевалить через Хинган, отрезать Квантунскую армию от Северного Китая.

Этот дерзкий замысел казался фантастическим. Японское командование не допускало ничего подобного даже в мыслях. «Много лет там не ступала нога человека. И какой полководец осмелится на гибель себе повести через пески армию?»— сказал по этому поводу военный министр Маньчжурии Син Жилян.

Но советские солдаты плечом к плечу с войсками Монгольской Народно-революционной армии совершили почти невозможное.

После перехода границы советско-монгольские войска встретили сопротивление частей марионетки японцев князя Дэвана. Застигнутые врасплох, эти части и подразделения регулярной армии противника были разбиты. Остатки их бежали в Хинганские горы.

Советско-монгольские войска, преследуя их,

вышли к главному хребту. После изнуряющего палящего гобийского солнца, жгучих пустынных ветров, безводья бойцы увидели скалистые вершины, откуда стремительно падали многочисленные потоки воды. Это начавшиеся проливные дожди превратили в потоки ручьи и маленькие горные речки.

Продвижение вперед затруднялось. И все же конно-механизированная группа генерала Плиева двигалась беспрерывно, с короткими остановками.

16 августа советские и монгольские войска взяли город Долоннор и приступили к выполнению новой боевой задачи: нужно было овладеть городом Жэхэ, расположенным у Великой китайской стены.

При подходе к Жэхэ наши передовые части вступили в бой с разрозненными частями противника и уничтожили их. Гарнизон японцев разместился в крепости. С офицерами и автоматчиками один из генералов подъехал к воротам и через переводчика потребовал у японской охраны открыть их. Японцы отказались. Тогда генерал велел переводчику перевести приказ: после артиллерийской подготовки крепость будет взята штурмом. Когда приказ перевели, из ворот вышел командир гарнизона. В штабе Плиева он дал согласие капитулировать.

Работая в Монголии, я близко был знаком с полковником в отставке Шарху. Ему довелось принимать, кстати говоря, вместе с уже известным нам по Халхин-Голу Д. Нянтайсурэном участие в походе через Гоби и Хинган.

— В нашей полсе наступления, — рассказывал Шарху, — были два оперативных на-

правления. Одно — на Жэхэ, через Долоннор. Другое оперативное направление называлось Калганским.

Бригада Д. Нянтайсурэна в оперативном подчинении командира советской 27-й отдельной мотострелковой бригады полковника Дорожинского наступала по второму направлению. Ей предстояло действовать против центрального узла обороны укрепленного района. Он был почти незаметен. Поросшие травой сопки, скалы, потемневшие юрты. А за ними были хорошо замаскированные, оборудованные по последнему слову техники железобетонные доты, связанные между собой подземными ходами. Тысячи китайцев и жителей Внутренней Монголии строили Калганский укрепленный район. Всех их уничтожили и закопали в ими же вырытых рвах. Так пытались сохранить тайну оборонительных рубежей.

Центральный узел укрепрайона занимал участок в 6 километров по фронту и 3 километра в глубину, а с флангов прикрывался огнем соседних узлов.

Приказ о наступлении бригада получила 17 августа. Перед ней ставилась задача — уничтожить оборону противника и захватить город Калган.

Начались боевые действия. В результате ожесточенных боев враг был выбит с первой линии обороны и отброшен на склоны гор. В ночь с 20 на 21 августа мотострелковые части устремились по Калганскому тракту и примерно через 16 часов войска с боем овладели Калганом.

Мужественно действовала бригада, ее бойцы проявили нестигаемую силу духа, волю к

победе. Навсегда вошли в историю имена пулеметчиков Лувсанцэрэнгийна Аюуша, Сангийна Дампила, минометчика Дашийна Данзанванчига, связиста Магсарына Жанчива и других героев, погибших в этих боях.

Боевая задача была выполнена.

КАПИТУЛЯЦИЯ

...Капитулировавшие роты и батальоны японцев все еще сдавали свое оружие (которое, кстати говоря, потом было передано 8-й Народно-освободительной армии Китая). И хотя до смерти хотелось спать, мы все же с интересом глядели на непривычную и даже странную процедуру.

Японцы шли и шли. Я думал, что, возможно, многие из них сейчас вспоминали, как новобранцами впервые «поражали» гранатами и штыками чучела красноармейцев в шлемах, рабочих в кепках и сибирских шапках-ушанках. На груди у таких чучел рисовались красные звезды. Если новобранец не действовал энергично, унтер наказывал его. Затем они пели гимн и под крики «банзай» их на руках несли к вагону. Старшие и соседи напутствовали их советами. Никаких слез. Все размахивали национальными флажками, клялись верно служить «знамени Ямато», не бояться смерти, беспощадно бить врагов.

И вот теперь они складывали оружие. Зеленовато-желтое сукно японских мундиров сливалось в один большой квадрат.

И вдруг в этом квадрате произошло что-то. Низкорослый, довольно хилый унтер-офицер подошел к высокому сутуловатому солдату и,

размахнувшись, ударил его кулаком по лицу. Затем еще и еще. Мы оцепенели. Никто из нас никогда не видел, чтобы один человек так зверски, цинично избивал другого.

Солдат держал руки по швам, морщась от боли. Кровь струйкой текла изо рта. Не знаю, за что избивал его унтер. Но он все более свирепел. Наконец схватил саперную лопатку и наотмашь ударил ею солдата по окровавленному лицу. Солдат упал.

Мы не могли спокойно наблюдать все это.

— Сволочь! — вдруг не своим голосом закричал ефрейтор Сименский. Синие глаза его превратились в щелки. — Я тебе покажу, — дуло автомата Сименского угрожающе поднималось к груди унтера.

Тот как-то сгорбился, затем рухнул ничком и завыл.

— Гад, — Сименский схватил его за воротник и рывком поставил на ноги, — сейчас отпавишься на тот свет...

— Отставить, Сименский! — громко скомандовал пришедший в себя командир взвода. — Отставить! Ты что, ополоумел? Будешь арестован, в трибунал пойдешь.

Ефрейтор оглянулся на командира и медленно опустил автомат.

— Переведите этому подонку, — указывая на унтера, устало проговорил командир взвода переводчику, — что за превышение власти он будет наказан в дисциплинарном порядке.

Рукавом зеленого грубошерстного мундира высокий японец размазывал кровь на лице. Другие японские солдаты удивленно глядели на нас...

Я и раньше заметил, а в тот момент особен-

но это бросилось в глаза, как внимательно пленные следят за взаимоотношениями наших офицеров, сержантов и солдат. Эти взаимоотношения в корне отличались от тех, к которым они привыкли.

Надо отметить, что с самого начала отношение к пленным японцам строго регламентировалось международными концепциями и нормами. Пленные, независимо от звания и служебного положения, обеспечивались продовольственным пайком, а также одеждой, обувью, медицинской помощью. Перед ними всегда был пример гуманизма, самоотверженного труда и выдержки советских людей. И не случайно, что многие из пленных после возвращения на родину вливались в демократическое движение, включались в борьбу за мир. Это не могло понравиться японским реакционерам. С помощью американцев в Японии были созданы карантинные лагеря, где выявляли «поддавшихся пропаганде красных», проверяли их лояльность и заодно собирали разведданные о Советском Союзе.

Мы спускались с Хингана к Цицикару, к Харбину. «Студебеккеры» прижимали нашу колонну к скале. Японские автомашины, низкие, приземистые, с металлическими кузовами, везли пленных. За рулем обычно сидел японец, рядом — наш солдат с автоматом.

В голубом и розовом мареве лежала справа и слева Маньчжурская равнина. Поля гаоляна и чумизы, бахчи, огороды и в полукиллометре одно от другого китайские селения. Фанзы без окон, множество грязных, босых, совсем голых

ребятишек, крестьяне, одетые в соломенные мешки,— таким предстал перед нами Китай. Главные силы японцев были сосредоточены именно здесь, на этой равнине. Теперь они сдавались, шла массовая капитуляция Квантунской армии.

В каждом городе нас встречали с почестями, как освободителей. Десятки тысяч людей выходили на улицы с красными флагами. Иногда приветствуя советские войска, китайцы целыми днями стояли по обе стороны пыльной дороги. Часто собирались митинги, на которых выступали наши солдаты и офицеры. Их речи не всегда переводили. Да и надобности в этом не было — все было понятно без слов. Бесконечные аплодисменты, а потом долго оратора несли на руках.

Довелось мне увидеть тогда и преисподню Маньчжоу-Го — одну из тюрем в городе Цицикаре. Цицикарская тюрьма — это каменный мешок без воздуха и света, скорее, даже не мешок, а система нор. В камере ничего нет, кроме грязных лохмотьев на полу. Зимой здесь холод, летом — жара и духота. Миллионы клопов и блох доводили заключенных до иступления. Пища из гнилых овощей и прокисшей ботвы. Вонь, никаких посещений, никаких передач от родственников. Каждый день — пытки и издевательства...

Итак, капитуляция Японии. И любопытные обстоятельства. Генерал Макартур, верховный главнокомандующий союзными войсками, тогда же заявил, что оккупация метрополии прошла без единого выстрела. А ведь во

время высадки десанта на аэродром Апуги, около Токио, на Японских островах еще была боеспособная армия, в которой находилось 4 миллиона военнослужащих, да немалые вооруженные силы на заморских территориях.

И в то же время сотни людей на дворцовой площади рыдали и бились головой о камни. Фанатики вспарывали животы мечами и ножами. Покончили самоубийством военный министр Анами, один из «молодых тигров» — Хатанака, более тысячи офицеров, не считая сотен военных моряков и гражданских лиц.

Как же это понимать? Может быть, верно то, о чем говорилось в секретном меморандуме, выпущенном в 1945 году союзниками, где поведение японцев характеризовалось так: «Неоднократно наблюдалось, что в непредвиденной или новой обстановке многие японцы проявляют такую неуверенность, какая представляется почти ненормальной большинству европейцев. Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической протрации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта их окружения. Капитуляция представляет именно такую обстановку, в возможность которой на протяжении многих лет японцам внушали ни при каких обстоятельствах не верить».

А вот американский журналист М. Гейм утверждал, что Япония готовилась к капитуляции. Как только ее правители решили прекратить борьбу, они тотчас же пустили в ход отлично отлаженный правительственный аппарат, заранее стараясь найти лазейки для того, чтобы обойти обязательства, которые они да-

вали победителям. Двухнедельный перерыв между провозглашением капитуляции и прибытием первых американских частей они сумели использовать в этих целях. Сжигались документы. Создавались тайные склады ценных материалов — каучука, горючего и т. д. Готовились детальные планы сохранения правительственного аппарата. Реорганизация некоторых запрещенных концернов проходила только на бумаге. Перестройка и подготовка к новым условиям велись по всем линиям. 15 августа 1945 года полицейское управление вызвало президентов семи главных увеселительных компаний в Токио, ведавших ресторанами, кабаре, чайными домиками, публичными домами. Им сказали — нужен амортизатор, хотим, чтобы американцам понравилось здесь и чтобы они стали друзьями, поэтому приказано создать центральную ассоциацию, которая бы об этом и заботилась. 23 августа такая «ассоциация» была создана. Открылись дансинги и увеселительные заведения. На службе в организации с первых же дней состояло 2 тысячи танцовщиц (большинство занималось проституцией) и 350 профессионалок. К 1948 году в Токио уже было 668 публичных домов.

И еще интересные факты. 70 тысяч полицейских в Японии вместо сабель получили дубинки. Портрет императора стали вывешивать в штатской форме вместо прежней военной. Всех офицеров «полиции по контролю над мыслями» было дано указание сместить. Они подали в отставку, но вскоре многие из них, если не сказать все, стали высшими полицейскими чиновниками.

Думаю, здесь уместно привести одно заяв-

ление императора Хирохито, сделанное им уже позднее — в новый 1946 год: «Мы стоим вместе с народом и желаем всегда разделять с ним и радость и горе. Узы, связывающие нас, всегда покоились на обоюдном доверии и привязанности, а не только на легендах, мифах и ложных концепциях о божественности императора и о том, что японская нация поставлена выше всех остальных и ей суждено править миром».

В это же время группа пронципальных дельцов из придворного окружения, из бывших министров создала новый миф о демократическом монархе, заботящемся о благе своего народа. Так «благодетелем» объявлялся самый богатый человек в государстве — император. В начале 1946 года он имел состояние, которое японское правительство оценило в 1 миллиард 700 миллионов иен.

В 1913 году В. И. Ленин в статье «Землеустройство и деревенская беднота» писал о капиталистических порядках: «Капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы...»¹ Империализм монархической Японии проявил себя как империализм военно-феодальный.

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА

...Однако война еще не кончилась. Через два дня советский авиадесант высадился в Шеньяне (Мукдене), самом крупном городе Маньчжурии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 6.

Вот как рассказывал об этой операции генерал Александр Дорофеевич Притула, бывший тогда начальником политотдела Забайкальского фронта.

— В ночь с 18 на 19 августа 1945 года меня вызвал к себе командующий фронтом маршал Малиновский. С Родионом Яковлевичем я знаком еще по 2-му Украинскому фронту. Были мы с ним земляками и находились в дружеских, хотя, конечно, строго уставных отношениях.

В землянке командующего, у расстеленной карты, меня ждали Р. Я. Малиновский, члены Военного совета фронта. Как всегда, кратко и четко маршал объяснил причину вызова.

— Квантунская армия разгромлена,— сказал он,— но, вопреки заявлению императора о капитуляции, продолжает оказывать сопротивление. Возможно оно и в Мукдене. Принимайте командование авиадесантом. Вы летите на Мукден. Там находятся штаб третьего японского фронта, большая группировка противника. Как уполномоченный Военного совета Забайкальского фронта вы должны принудить японское командование издать войскам приказ о полной и безоговорочной капитуляции.

Малиновский подошел ближе, посмотрел мне в глаза.

— Операция нелегкая и ответственная, Александр Дорофеевич. Верховный Главнокомандующий придает ей большое значение. Важно не только пресечь попытки сопротивления противника. В Мукдене — дипломатические миссии, лагеря военнопленных. Действуйте решительно, но с головой, обдуманно...

Через час я уже был на аэродроме. Начи­нало светать. Возле транспортных самолетов выстроился десант — 225 солдат и офицеров. Короткий рапорт, быстрая, но внимательная проверка оружия, снаряжения. Группа транспортных самолетов с прикрытием — истребителями и штурмовиками — поднялась в воздух.

Вот и Мукден. Находим аэродром, разворачиваемся, делаем круг. Приказываю: истребителю проверить, не заминированы ли посадочные полосы. За истребителем садятся транспортные самолеты. Дальнейшее произошло за считанные минуты. Десантники оцепили аэродром, обезоружили охрану и летный состав.

Спешу с несколькими бойцами и переводчиками к зданию аэродрома. На лестнице нас встречает японский генерал.

— Командующий третьим фронтом генерал армии Усироку, — представился он.

— Аэродром занят советскими войсками. Без моего разрешения приказов не отдавать, — заявил я.

Вместе с Усироку мы вошли в просторное помещение. Навстречу испуганно поднялись человек 20. Один остался сидеть. Я сразу по фотографии узнал Пу-и, императора Маньчжоу-Го. Наши автоматчики встали у окон и дверей.

— Советское военное командование, — сказал я, — предлагает вам, господа, капитулировать. Прошу сдать оружие.

Помню напряженную паузу, последовавшую после того, как я огласил текст заявления о капитуляции. Кто-то говорит:

— А если мы откажемся сложить оружие?

— На подходе к Мукдену наши танковые

части,— объясняю я.— Харбин взят, японские войска сдаются по всему фронту. Ваше сопротивление не даст ничего, кроме бессмысленного кровопролития.

В этот момент над крышей штаба с ревом проносятся советские самолеты. Японцы невольно поднимают головы, потом уходят на совещание. Через некоторое время Усироку объявляет, что условия капитуляции приняты.

Один за другим генералы ставят свои подписи под актом. Приказ о безоговорочной и полной капитуляции по радио и через офицеров связи доводится до войск. Начинается сдача оружия...

Памятна и церемония освобождения военнопленных, представителей союзных армий, из лагеря. Тысячи американцев, англичан, французов, голландцев, бельгийцев получили тогда свободу из рук советских воинов. Были среди них и генералы. Американец, командир корпуса, генерал Паркер, от имени всех освобожденных сказал:

— Вы совершили чудо. Бросок через Хинган, столь стремительные темпы наступления — такого еще не знала военная история. От всей души спасибо!

Кстати о императоре Маньчжоу-Го Пу-и. Он был последним богдыханом Китая из династии Цин. После Синьхайской революции 1911—1913 годов Пу-и вынудили оставить трон. Долгое время он оставался не у дел...

Однако в начале тридцатых годов, когда японские милитаристы захватили три провинции Северо-Восточного Китая, они вспомнили

о Пу-и. Японцам нужна была послушная марионетка. Последний из Цинов, издавна связанный с японской разведкой, был подходящей кандидатурой. Его вначале провозгласили «правителем» марионеточного государства Маньчжоу-Го, а затем, в 1934 году, даже императором. Конечно, всеми делами в этом «государстве» ведали и до и после японцы.

С территории Маньчжоу-Го, как уже говорилось, были предприняты неоднократные провокации у озера Хасан в 1938 году и в районе Халхин-Гола в 1939 году. В Маньчжоу-Го размещалась крупнейшая на Дальнем Востоке Квантунская армия.

В 1945 году пришел конец существованию марионеточного государства Маньчжоу-Го. Пу-и предстал как военный преступник перед Международным военным трибуналом в Токио. В 1946 году он был осужден и отправлен в Китай. Там в 1956 году состоялось еще одно судебное разбирательство, во время которого были выявлены новые факты предательства Пу-и, его преступлений против китайского народа.

Спустя три года Пу-и оказался на свободе и даже избирался членом Политического консультативного совета. Я видел в Пекине его снимки в газетах. Пу-и, как писали, занимался выращиванием цветов. Умер он в 1967 году.

«...Наши авиадесантные группы,— сообщало Совинформбюро,— высадившиеся в городах Харбин, Гирин, Чаньчунь, Мукден, доносят, что японские гарнизоны этих городов готовы сдать и ждут подхода наших войск.

Прием капитулирующих частей и соединений Квантунской армии продолжается...»

А конно-механизированная группа, состоящая из советских и монгольских частей, под командованием генерала И. А. Плиева после взятия ряда городов остановилась совсем близко от Пекина...

Большой интерес представляют воспоминания о войне на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского.

— То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года, после окончания Белорусской операции, — рассказывал он в интервью с советским журналистом Василием Морозовым. — А о возможности такой войны был осведомлен в конце 1943 года, когда советская делегация возвратилась с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие на вступление Советского Союза в войну против Японии.

Было хорошо известно, что милитаристская Япония, сосредоточившая огромные военные силы в Маньчжурии, вынашивает агрессивные замыслы в отношении Советского Союза. Суровая необходимость требовала принять действенные меры по обеспечению безопасности дальневосточных рубежей нашей страны. Необходимо иметь в виду, что наши союзники придавали советскому военному содействию на Дальнем Востоке огромное значение.

В ночь на 18 февраля 1945 года после очередного доклада Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин посоветовал мне заранее наметить две-три лучшие армии и предупредил,

что через два-три месяца после капитуляции Германии меня могут послать для руководства боевыми действиями на Дальнем Востоке. Так, собственно, и получилось.

Отвечая на вопрос, в чем состоят особенности Дальневосточной кампании по сравнению с другими кампаниями войны, маршал остановился на следующих моментах.

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что на Дальнем Востоке понятия «война» и «кампания» как бы слились в единое целое. Война (кампания) должна была развернуться на территории площадью около 1,5 миллиона квадратных километров. Со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья планировалось одновременное нанесение главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям. Цель — путем проведения одной стратегической наступательной операции, получившей позднее название Маньчжурской, рассеять и уничтожить по частям основные силы Квантунской армии.

В течение мая — июня план уточнялся в Генеральном штабе вместе с командующими фронтами и членами Военных советов. 28 июня он был одобрен Ставкой...

При подготовке кампании учитывался целый ряд факторов. Не последним из них было наличие у соединений и объединений опыта боевых действий в условиях, хотя бы приблизительно сходных с дальневосточным театром. В этой связи особого внимания заслуживает создание конно-механизированной группы советско-монгольских войск под командованием генерала И. А. Плиева. Эта группа, обеспечи-

вая действия главной ударной группировки Забайкальского фронта с юга, должна была наступать по безводным пустынным степям Гоби и Внутренней Монголии.

Особенностью кампании,— продолжал маршал,— являлась и организация стратегического руководства действиями войск. Как и всегда, руководящая роль принадлежала Ставке. Но учитывая удаленность театра военных действий от центра страны и его протяженность, Государственный Комитет Оборона учредил должность Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, передав ему Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский флот, Краснознаменную Амурскую флотилию. Этот пост 30 июля доверено было занять мне...

Итоги военной кампании Вооруженных Сил на Дальнем Востоке очень значительны. Официально кампания длилась 24 дня. Но по размаху, динамичности, конечным результатам она среди кампаний второй мировой войны занимает одно из важнейших мест. Были наголову разбиты ударные силы врага. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом.

Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от смерти многих американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий, а также предотвратило дальнейшее истребление и ограбление народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

...3 сентября 1945 года мы встретили в Тайлае, маленьком китайском городке. Помню митинг победы. Замполит полка читает обращение И. В. Сталина, принятое по радио, и Указ об установлении праздника Победы.

Перечитываю его в «Правде» в номере за 3 сентября 1945 года. 2 сентября государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие...

Это означает, что наступил конец второй мировой войне...

У нас есть свой особый счет к японским милитаристам.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, вывела из строя несколько русских военных кораблей.

В 1918 году Япония вторглась на Дальний Восток и четыре года терзала и грабила народ.

В 1938 году Япония вторглась на территорию нашей страны в районе озера Хасан...

В 1939 году Япония напала на союзника СССР — Монгольскую Народную Республику около Халхин-Гола...

Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в соз-

нании народа тяжелые воспоминания. Наш народ верил, что наступит день, когда милитаристская Япония будет разбита. И вот этот день наступил.

«Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке.

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!» — так писала «Правда» тогда.

Газета публиковала Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 3 сентября праздником Победы над Японией.

В том же номере «Правда» печатала репортаж с борта линкора «Миссури» о подписании Акта о капитуляции Японии.

И ОТКЛИКУЛОСЬ ВО ВСЕМ МИРЕ...

Вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке и быстрый разгром крупнейшей группировки японских вооруженных сил в Маньчжурии — Квантунской армии не только значительно ускорили окончание второй мировой войны, но и имели неоценимое значение для победы народных революций в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии.

«Советский Союз, — писал по этому поводу Хо Ши Мин, — спас мир от порабощения гитлеровскими варварами и нанес решающий удар основным силам японского империализ-

ма, снискав себе тем самым признательность всех народов, и в особенности народов Востока. Последние с восхищением убедились в том, что империалистические поработители не являются непобедимыми».

В сентябре 1945 года, вскоре после подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии, в Ханое была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам, ставшая первым социалистическим государством в Юго-Восточной Азии. Решающая победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке заметно сказалась и на усилении борьбы китайского народа за свое освобождение. Особенно большое значение имело воссоединение с Китаем освобожденной в августе 1945 года советскими войсками Маньчжурии, где была создана мощная военно-революционная база. Решительное наступление советских войск, в котором приняли участие и монгольские соединения, создало благоприятные условия для активизации боевых действий Народно-освободительной армии Китая. Важное значение для окончательной победы китайской революции имело и то, что Советский Союз своими политическими, дипломатическими и другими действиями сорвал намерения американских империалистических кругов и гоминьдановской реакции подавить революцию. Военно-революционная база в Маньчжурии стала тем решающим плацдармом, с которого Народно-освободительная армия Китая смогла впоследствии перейти в решительное наступление на юг, что в конечном счете и обеспечило в кратчайшие сроки освобождение всей территории страны.

Стратегическое значение Маньчжурии хорошо понимали и союзники. Их военное командование в Китае откровенно предлагало Вашингтону прибрать Маньчжурию к рукам под предлогом установления над ней «опеки четырех держав». В докладе главы американского командования подчеркивалось, что это единственный путь, чтобы «спасти Маньчжурию от коммунистов».

Ясно, что особый интерес американских военных и финансово-экономических кругов к Маньчжурии определялся ее близостью к советскому Дальнему Востоку, огромными природными ресурсами и довольно крупным промышленным потенциалом.

Выдающаяся роль Советского Союза в судьбе китайской революции широко признавалась руководством нового Китая. Так, главнокомандующий НОАК Чжоу Дэ в речи 23 февраля 1950 года говорил: «Китайский народ не забудет никогда, что Советский Союз и Советская Армия — наш друг и союзник, оказавший нам наибольшую помощь в нашей борьбе против империалистов и их прислужников и в борьбе за национальное освобождение». А вот совсем недавняя публикация из газеты «Жэньминь жибао» от 25 июля 1983 года. «Объявление Советским Союзом войны Японии и посылка им войск в Северо-Восточный Китай значительно приблизили окончание войны, сопротивления Японии... 6 августа 1945 года США сбросили на Японию первую атомную бомбу, однако это отнюдь не могло заставить японцев капитулировать. 8 августа СССР объявил Японии войну. 9 августа Советская Армия на Дальнем Востоке численностью

в миллион человек под командованием маршала Василевского, разделившись на три колонны, вступила в Северо-Восточный Китай. Вступление СССР в войну лишило Японию последней базы сопротивления, так что ей ничего не оставалось делать, как пойти на капитуляцию».

«Вступление Советской Армии в Северо-Восточный Китай,— говорится далее в статье,— сразу перевело войну сопротивления Японии, которую вел Китай, в этап генерального контрнаступления на всех фронтах».

Победоносное завершение дальневосточной кампании Советских Вооруженных Сил привело к освобождению 15 августа 1945 года Северной Кореи от 40-летнего колониального гнета. Корейский народ получил возможность самостоятельно решать свою судьбу. Была образована КНДР. Волна национально-освободительного движения, поднятая успешным наступлением советских войск, ликвидировала 350-летнее англо-голландское господство в Индонезии. На политической карте Юго-Восточной Азии появилась республика Индонезия. Началось крушение колониальной системы империализма.

Одним из последствий разгрома японских милитаристов явилось и то, что японский народ стал осознавать крайнюю реакционность установленного в стране фашистско-милитаристского режима, принесшего ему и другим народам столько страданий. В связи с этим упал авторитет монархии, дискредитировали себя в глазах широких народных масс милитаристская идеология, культ военной силы, самурайский кодекс «бусидо», воспевающий сле-

пое повиновение и самопожертвование во имя интересов императора. В целом были созданы условия для демократизации страны, роста ее прогрессивных сил.

Появление социалистических государств, распад колониальной системы и выход на мировую арену ряда молодых национальных государств изменили соотношение сил в Азии в пользу мира и социализма.

РАСПЛАТА

Война закончилась...

В мае 1946 года в Токио состоялось судебное заседание Международного трибунала по рассмотрению дел японских военных преступников. В судебном процессе приняли участие представители СССР, Китая, Монголии, Англии, США, Франции, Канады, Индии, Новой Зеландии, Голландии, Австралии, Филиппин. Судебное заседание рассмотрело преступления бывшего премьер-министра Тодзио, бывшего министра военных дел Араки, бывшего посла в Германии генерала Осима.

— Когда я прибыл в Японию,— рассказывал мне Герой МНР, ветеран войны П. Чогдон,— по делам о совершенных преступлениях перед судом предстали 28 преступников. Меня пригласили на суд как свидетеля, подтверждающего факт неоднократных нападений милитаристской Японии на Монгольскую Народную Республику. Международное судебное заседание состоялось в зале министерства военных дел, в нем приняли участие 2 тысячи человек.

20 февраля 1946 года я дал показания и выступил с речью на судебном заседании. Шеф адвокатов Б. Блэки (США) задавал мне много всяких вопросов и среди них много непонятных. Он спросил, например: «Может быть, не Япония напала на Монголию в районе Халхин-Гола, а Монголия напала на Маньчжурию?» Но все-таки в конце концов председательствующий на международном судебном заседании заявил, что показания свидетеля Монгольской Народной Республики необходимо считать ценным свидетельством по обвинению преступников.

Помню, — продолжал Чогдон, — Герой Советского Союза генерал-майор К. Г. Гребеник на судебном заседании дал показания по событиям у озера Хасан; майор Н. Э. Быков — по Халхин-Голу.

Свидетелями по делу о событиях на озере Хасан на Токийском процессе по рассмотрению дел главных военных преступников Японии проходили также два советских офицера — Гильфан Батаршинов и Иван Чернопятко.

Жизнь у героев сложилась характерно для людей страны социализма. Чернопятко, к примеру, стал начальником заставы, затем окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, участвовал от пограничных войск в церемонии приветствия делегатов XVIII съезда ВКП(б). Сегодня имена обоих пограничников носят два океанских траулера. Порт их приписки — Находка.

Показания Батаршинова и Чернопятко были учтены трибуналом.

Международное судебное заседание вынесло решение: семь японских главных военных

преступников были приговорены к смертной казни.

В Хабаровске состоялся суд над некоторыми японскими военными преступниками, занимавшимися подготовкой бактериологической войны, запрещенной Женевской конвенцией. Подсудимые были приговорены к длительным срокам заключения. Трибуналом судили предателей Семенова, Радзиевского и других. Приговор — смертная казнь.

Демобилизовавшись из армии, работал я в редакции газеты шахтерского сибирского города Черемхово, как-то днем забежал ко мне мой друг Володя Горбунов.

— Идем на вокзал, японские пленные домой уезжают.

И вот мы на вокзале. Несколько эшелонов. Теплушки, вокзал и все площадки забиты мужчинами в ватниках. Это — японцы, в том числе те, которых мы взяли в плен на Хингане и в Хайларе. Они отработали определенный срок на шахтах и стройках и теперь отправлялись на свои далекие острова.

Так же, как и тогда на Хингане, японцы строились повзводно, делали перекличку и садились в теплушки. Теперь они были веселы, оживленны, шутили. Поезда трогались один за другим.

Позднее довелось мне побывать в одном оригинальном сибирском музее — Александровском центре. Только что оттуда отправили домой некоторых досрочно освобожденных военных преступников. Нам показали камеры центра, превращенного в музей.

— В одной из них отбывал положенный срок генерал, больной туберкулезом. За семь лет

выздоровел. Климат Восточной Сибири целебный, сухой, не в пример островному.

Когда прочитали ему распоряжение о досрочном освобождении, благодарил за медицинскую помощь...

Были ли такие, которым не помог этот урок, злобствующие?— спрашиваем сопровождающих.

Оказывается, были. Один, например, после освобождения сказал по-русски, четко, громко и зло: «Два раза я приходил к вам с солдатами, оба раза неудачно. Но уж в третий приду — за все рассчитаюсь». А наш сержант ответил ему: «Два раза довелось унести ноги, третий раз не удастся». Генерал растерялся, замолчал.

И СНОВА МАРШИРУЮТ...

И снова маршируют на Японских островах, снова и снова мы видим на экранах телевизоров танки «сил самообороны», идущие по склону священной горы Фудзи. Марширующую ровными рядами пехоту, боевые отряды фашистских молодчиков, читаем о реконструирующихся военных объектах и базах. Видимо, кое-кому не идут впрок уроки истории.

Реанимация милитаризма начиналась не сразу, а постепенно, исподволь. Окончилась война, и в Японии прошла аграрная реформа. Пусть она была половинчатая — владельцы земли получили за нее выкуп, но все-таки помещичье землевладение реформа подорвала. Значит, были подорваны и основы самурайства. Приняты меры к восстановлению профсоюз-

зов, новой конституции и трудового законодательства.

Однако японские милитаристы не сдавались. Империалистические круги Соединенных Штатов Америки развязали войну в Корее, совершили агрессию против Вьетнама. Япония стала ближайшей тыловой базой США и получила за это миллиарды долларов. С них-то и начался новый экономический бум. В итоге экономика страны стала развиваться быстрыми темпами. Япония продолжает занимать второе место в капиталистическом мире по валовому национальному продукту. Она почти догнала Соединенные Штаты Америки по выплавке стали, обошла их по производству электроники и автомашин. По темпам развития Япония опережает другие капиталистические страны. В последние годы здесь берут курс на производство «думающих» машин — роботов, манипуляторов. И вот что еще примечательно в индустриальном развитии современной Японии. После того как США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, японцы некоторое время страдали от «ядерной аллергии», но это не помешало властям страны активно осуществлять программу строительства атомных электростанций. Япония быстро создала третью среди капиталистических стран мира атомную энергетику после США и Франции. Японскому правительству удалось держать проблему атомной энергии, как и многое другое, в стороне от пристального внимания политиков и нейтрализовать внутреннюю разобщенную оппозицию общественности.

В настоящее время 24 действующих реактора дают более 17 процентов электроэнергии,

производимой в Японии; согласно правительственным оценкам, к 1990 году будет построено примерно 45 реакторов.

Правительство, монополии заинтересованы в расширении строительства атомных электростанций. «Наша конечная цель в том, чтобы экспортировать целые электростанции. Мы проявляем интерес к любому проекту в мире», — заявляет Етаро Иида, вице-президент компании «Мипубиси хэви индастриз».

Статья 9 конституции Японии говорит о том, что японский народ навсегда отказывается от войны как средства разрешения международных споров, не будет никогда впредь создавать сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, как и другие средства ведения войны. Руководители государства объявили о трех безъядерных принципах, которыми будет руководствоваться правительство, — не производить, не иметь и не ввозить ядерное оружие.

Но вот все чаще и чаще раздаются в Японии голоса, требующие пересмотреть эту статью, ввести воинскую повинность, увеличить военный бюджет, создать снова крупные вооруженные силы, «вернуть утраченные в результате войны «северные территории».

Со времени установления дипломатических отношений между СССР и Японией прошло 29 лет. И одним из главных итогов этого периода стали торгово-экономические и другие связи между двумя государствами. Были подписаны документы, регулирующие отношения Советского Союза и Японии по торговле, воздушному и морскому транспорту, рыболовству. С 1966 года между двумя странами стали

закключаться долгосрочные соглашения о товарообороте и платежах. В результате объем торговли между СССР и Японией удваивался каждые пять лет и перевалил за 12 миллиардов рублей. Было начато сотрудничество в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Япония очень нуждается в сырье. Есть договоренность о поставках ей каменного угля из Южной Якутии, а в будущем и сахалинского газа и нефти. Выгодны для нее и крупные советские заказы для промышленности.

Япония имеет не только чисто экономические выгоды от экспорта в СССР, советские заказы ведут к созданию десятков тысяч рабочих мест на длительный период.

Но в последние годы эти связи начали искусственно сдерживаться, а точнее, сводиться на нет японской стороной. Япония, занимавшая в торговле с СССР, среди промышленно развитых капиталистических стран первое и второе места, откатилась уже на пятое место — после ФРГ, Финляндии, Франции и Италии. Она объявила об ограничении политических контактов, уклонилась от подписания уже подготовленного соглашения о культурном сотрудничестве; все чаще проявляются попытки определенных кругов в Японии поставить нормальный ход развития советско-японской торговли и экономического сотрудничества в зависимость от решения надуманных политических проблем.

Вновь поднимают голову те, кто повинен в неисчислимых бедствиях прошлой войны, кто своими имперскими амбициями принес столько горя народам, в том числе и японскому. Все

чаще призывают они к «пересмотру итогов» второй мировой войны, к перевооружению и милитаризации.

По требованию Вашингтона Япония обязалась ускорить выполнение плана развития и укрепления японских «сил самообороны». Японский порт Йокосука под нажимом Пентагона превращен в базу для американских атомных подводных лодок, а на севере страны, в Мисава, будут размещены американские истребители-бомбардировщики с ядерным оружием на борту. Планируется укрепление «сил» путем закупки штурмовиков «для повышения способности нанесения ударов по объектам на суше и море». Ежегодно стали проводиться совместно с США и Южной Кореей военные маневры.

Вопреки японской конституции, которая исключает участие страны в коллективных военных альянсах типа НАТО, премьер-министр Накасонэ на совещании «семерки» в Вильямсберге (1983 г.) подписал декларацию, которая фактически приобщает Японию к участию в стратегии Запада. «Натоизированная» Япония еще раньше взяла на себя обязательство осуществлять военное патрулирование тихоокеанских морских коммуникаций в радиусе 1000 миль от Японии, то есть зоны, в которую входят территории нескольких суверенных государств. Накасонэ безоговорочно поддержал курс администрации Рейгана на размещение новых американских ракет первого удара в Западной Европе.

Милитаристский курс, лежащий сейчас в основе все еще официально принятой «оборонной стратегии» японского правительства, оформля-

ется незаметно, как бы между прочим. До поры до времени. В восьмидесятые годы благодаря усилиям японской реакции в стране произошла резкая активизация реваншистских настроений.

При попустительстве, а затем при прямом соучастии властей в стране развернулась враждебная Советскому Союзу пропаганда. Население Японии запугивают «советской военной угрозой». 7 февраля правительство Японии объявило «Днем северных территорий».

Газета «Нихон Кэйдзай» писала, что премьер-министр принял решение оказать всестороннюю правительственную поддержку экстремистскому движению «за возвращение северных территорий». В связи с этим учреждены «Префектуральные советы за возвращение северных территорий», активизируется пропагандистская деятельность правительственных органов.

Японское правительство ведет широкую обработку общественного мнения в целях превращения Японии в милитаристское государство. Одно из звеньев этой цепи — подготовка к пересмотру конституции, отказу от ее антивоенных положений.

Газета «Асахи» писала: «Наращивание военного потенциала Японии является одним из звеньев в политике Запада в отношении СССР... подготовка и наращивание вооруженной мощи Японии ставят своей целью дополнить антисоветскую стратегию Вашингтона».

Только за последние шесть лет военные расходы страны возросли на 60 процентов. За это время армия и флот получили почти 700 новых

орудий, 120 танков, 20 боевых кораблей, новые истребители-бомбардировщики.

В 1984 году военный бюджет составил 12,7 миллиарда долларов, увеличившись по сравнению с 1983 годом на 6,5 процента. В «силах самообороны» Японии сегодня служит четверть миллиона человек. Но численность их может в любое время вырасти, потому что офицеры и унтер-офицеры составляют около двух третей личного состава «сил». Японские сухопутные войска по численности уже сейчас примерно равны английским. Япония, если сравнить ее со странами НАТО, занимает четвертое место по тоннажу боевых кораблей, пятое — по числу подводных лодок, танков и по мощи артиллерии.

Рост японских вооруженных сил сопровождается расширением их взаимодействия с американской военной машиной в азиатско-тихоокеанском регионе. К этому относится, например, решение Японии предоставить военной машине США специальные «коридоры» на случай возникновения «чрезвычайных обстоятельств».

Японские «силы самообороны» тратят примерно 4 миллиарда долларов в год на закупку военной техники у японских компаний. Из этого около 14 процентов расходуется на вооружение и боеприпасы, около 8 процентов на ракеты, примерно 60 процентов на самолеты и 20 процентов на корабли. Правящая либерально-демократическая партия, бессменно находящаяся у власти с 1955 года, проводит политику, отражающую интересы финансовых и промышленных магнатов. Именно они вскормили либерально-демократическую партию в

послевоенные годы. Они соединены с ее вер-хушкой тысячами финансовых, политических, личных и родственных связей.

Компании, которые во время войны постав-ляли для армии самолеты, сейчас производят ракеты и противолодочные самолеты. Те, что делали авианосцы, выпускают реактивные дви-гатели и эсминцы, оснащенные управляемыми ракетами. Корпорации «Тосиба» и «Мицуби-си электрик» использовали технологию, при-меняемую в производстве военного электро-оборудования, для выпуска ракет. Ком-пания «Ниппон электрик» осуществляет сложные программы развития, создавая со-вершенные радиолокационные датчики, лазер-ные радиолокаторы, электронное оружие и компьютеры.

Перспектива огромных прибылей по-преж-нему продолжает привлекать многие корпора-ции. Эта приманка становится непреодолимой для некоторых компаний, как показал скандал, вызванный тем, что одна японская компания экспортировала «трубы», которые оказались стволами орудий.

В Японии разработана и с 1983 года начала претворяться в жизнь пятилетняя программа роста вооруженных сил. Военно-морской флот получит 43 новых корабля и 14 подводных ло-док. 50 единиц прибавится к имеющимся 200 тактическим ракетам да плюс к этому 500 мо-бильных ракет класса «земля—воздух». Все это показывает, что японские монополии все шире участвуют в гонке вооружений, эффек-тивно разрабатывается новое электронное оборудование системы точного наведения и т. д.

Премьер-министр Ясухиро Накасонэ как-то туманно высказался в том смысле, что в будущем Япония, возможно, будет вынуждена наращивать средства передовой линии, нацеленные на север, выше уровня, предусмотренного программой укрепления национальной обороны.

Считается, если военные расходы будут расти такими темпами, как сейчас, через десять лет Япония станет мощной военной державой, возможно, даже превосходящей ФРГ, Англию, Францию.

Дальнейшее укрепление и развитие японо-американского военно-политического союза, усиление военного присутствия США в Японии и азиатском регионе в целом были главными темами переговоров президента США Рейгана и японского премьер-министра Накасонэ во время визита главы американской администрации в Японию (1984 г.).

По сообщению японской печати, в ходе переговоров американская сторона требовала от Японии форсировать наращивание военных приготовлений, решить вопрос о предоставлении Соединенным Штатам военной технологии, создать новый тренировочный аэродром для истребителей-бомбардировщиков с американского авианосца «Мидуэй», увеличить ассигнования на содержание 46-тысячного американского корпуса, а также военных баз и сооружений, размещенных в Японии.

Правительство Накасонэ «с пониманием» отнеслось к этим требованиям.

Открыто разворачивается и идеологическая подготовка населения к войне. В Ясукуни, токийский храм, перенесены останки 14 военных

преступников, в том числе одного из главных вдохновителей японского милитаризма — Хидэки Тодзио, повешенного по приговору Международного военного трибунала в Токио.

Почести отдают тем, кто погиб за неправомерное дело в Маньчжурии, в джунглях Бирмы, на острове Иводзимо. И в этом храме недавно побывал господин Накасонэ. В годовщину окончания второй мировой войны в сопровождении министров возглавляемого им правительства он почтил память «героев-самураев».

Запугивая население мнимой «угрозой с севера», средства массовой информации Японии и стоящие за ними реакционные политические силы пытаются оправдать укрепление японо-американского военного альянса и проводимый японским правительством курс на активное участие страны в глобальной стратегии Пентагона. В стране нагнетается национализм и реваншизм, шумят о «советской угрозе». Буржуазная пропаганда сеет среди японского населения ядовитые семена вражды к нашему народу.

НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

Последнюю главу хочется начать с одного замечательного исторического факта выражения солидарности рабочего класса двух стран — России и Японии, известного всему миру рукопожатия, которым публично обменялись на VI конгрессе II Интернационала в Амстердаме Георгий Валентинович Плеханов и Сэн Катаяма. Было это в самый разгар русско-японской войны 1904—1905 годов.

Дочь выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, одного из основателей Компартии Японии — Ясу Катаяма много лет работает бессменным заместителем председателя центрального правления общества «Япония — СССР». Несмотря на трудности, вопреки усилившимся проискам реакции организации общества несут людям правду о Советской стране, стремятся углубить взаимопонимание между народами. Несколько активистов общества «Япония — СССР» награждены орденами Дружбы народов. В Японии, в частности на Хоккайдо, действуют Дома японо-советской дружбы. Периодически встречаются между собой под девизом «За дружбу, добрососедство и сотрудничество на Дальнем Востоке» представители Хоккайдо и советского Дальнего Востока. Определенную лепту в общее дело дружбы вносят города-побратимы. Киев поддерживает контакты с Киото, Рига — с Кобе, Ленинград — с Осакой, Улан-Удэ — с Румои, Волгоград — с Хиросимой, Хабаровск — с Ниигата, Братск — с Нанао. Порой эти связи носят очень сердечный характер. Так, например, десять лет назад породнились столица Советской Латвии и японский город Кобе. Недавно члены японской делегации — молодой рабочий сталелитейного завода Ацуси Татэбаяси и его невеста Тосиэ Хаяси решили провести обряд бракосочетания в породненном городе. Искреннее внимание к молодоженам проявили рижане. В свадьбе участвовали юноши и девушки в латышских национальных костюмах с букетами цветов. Они желали молодым счастья, мира и благополучия.

Хотя и нет межправительственного соглашения о культурных связях, обмена в этой области происходят. В Японии проводятся дни советских республик, выставки, нередко выступают прославленные советские художественные коллективы. С большим вниманием и интересом встречают советские люди передовых представителей культуры и искусства Японии. У нас пользуются популярностью их произведения, ставятся совместные фильмы. Радиоккомпания «Эн-эйч-кэй» передает уроки русского языка. Учителя — граждане Советского Союза. Проводятся конкурсы знатоков русского языка, туристский обмен между двумя странами. Поочередно в Москве и Токио проходят симпозиумы ученых. Важное значение на них придается борьбе за мир, против угрозы ядерной войны. Эти же вопросы выносятся на обсуждение встреч журналистов, профсоюзных, женских, молодежных организаций.

Таким образом, стремление определенных кругов «закрыть» Японию для советских людей результатов не приносит.

Японский народ вынес на себе невыносимую тяжесть развязанной правящей кликой войны и заплатил кровью и страданиями за действия преступников, одурманивших нацию. Юрий Вдовин, Геннадий Гавриленко и другие товарищи, работавшие и работающие в Японии, рассказывали мне не только о всплеске реваншистских настроений. Часто, вспоминали они, можно встретить бывших пленных, поющих «Катюшу», повторяющих при встрече с нами: «Рюс хорошо, Сибيريا хорошо...» И многие из тех, кто, бросив оружие, шагал осенью сорок

пятого по пыльным хинганским серпантинам, выступают сегодня против войны.

Все шире становится движение японских сторонников мира. Особенно мощные выступления бывают против подготовки ядерной войны. Выдвигаются требования, чтобы правительство взяло на себя активную инициативу в деле установления мира в Азии путем разоружения и ликвидации ядерного оружия. Антивоенное движение в Японии, как и в других странах, стало важным фактором, сдерживающим наиболее воинственных деятелей, подыгрывающих имперской политике Вашингтона.

Газета «Токио симбун» опубликовала в июне 1984 года результаты опроса общественного мнения о военной политике Японии. 56 процентов его участников отвергли курс на наращивание вооружений, выступают за сохранение «сил самообороны» на нынешнем уровне или сокращение их и в конечном счете роспуск. Более половины участников опроса заявили, что не будут воевать, даже если на территории Японии начнутся боевые действия. И только 13 процентов опрошенных выступили за увеличение военного потенциала.

Журавлик мира на фоне багрового зарева ядерного взрыва — эмблема состоявшегося в Токио народного трибунала, участники которого обвинили правительство Японии в пособничестве агрессивной стратегии Пентагона. Обвинителями на общественном процессе, прошедшем в рамках движения «Нет — войне!» выступили жертвы американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, деятели науки и культуры, представители рабочих и молодежных организаций.

— С приходом к власти в США нынешней администрации в Японии развернулась клетветническая кампания о «советской угрозе», все более опасный характер приобретает японо-американский военный союз,— сказал редактор японской газеты «Сякай симпо» Хироси Нукуи, с которым мне довелось встретиться в мае 1984 года.— Выдвигаются концепции превращения Японии в «непотопляемый авианосец», блокады трех проливов, омывающих берега страны, обороны морских коммуникаций на расстоянии до тысячи миль. Подобно тому как в странах НАТО устанавливаются ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты, так и на Дальнем Востоке, в Азии началось размещение крылатых ракет «Томагавк» на кораблях 7-го американского флота.

В настоящее время на территории Японии Соединенные Штаты имеют свыше 120 баз и 30 складов, в том числе 4 для хранения ядерного оружия. С аэродромов на территории Японии и авианосцев, курсирующих в ее водах, США могут уже сейчас использовать против СССР до 150 самолетов — носителей ядерного оружия. Часть американских кораблей (первый из них — линкор «Нью-Джерси») оснащается крылатыми ракетами большой дальности. В 1985 году на острове Хонсю разместится 48 новейших самолетов — носителей ядерного оружия F-16. Запланировано и размещение там различных видов ракет.

Правительство Накасонэ выражает согласие с размещением американского ядерного оружия под предлогом «советской ракетной угрозы» в Азии. Тем самым оно попирает резолюцию японского парламента о том, что страна

будет придерживаться трех безъядерных принципов.

Япония является первой в мире жертвой ядерного оружия, — заключил Нукуи. — Подавляющее большинство японского народа хотело бы, чтобы этот трагический опыт был не только первым, но и последним на всем земном шаре.

На конференциях по ядерному разоружению, состоящихся ежегодно, звучит резкая критика в адрес политики японского правительства. Так, в «Хиросимском воззвании» 1984 года подчеркивается, что борьба за предотвращение ядерной войны и полное запрещение ядерного оружия — важнейшая задача, от которой зависит, будет ли существовать человечество. Воззвание призывает правительства всех неядерных стран запретить заход в их порты военных кораблей с ядерным оружием, отказать в праве размещать на их территории самолеты — носители такого оружия.

Делегаты Международной конференции (1984 г.) за запрещение ядерного оружия, представители общественности города несколькими колоннами прошли по улицам Хиросимы, потребовав прекращения гонки ядерных вооружений. Эта демонстрация слилась с завершающим этапом всеяпонского «Марша мира». Японские борцы за мир пришли в Хиросиму со всех концов страны — с северного Хоккайдо до южной Окинавы. Родственники «хибакуся» — людей, перенесших атомную бомбардировку, — заложили в пьедестал памятника список с именами 4315 человек, умерших только за 1984 год от болезней, вызванных радиоактивным излучением.

Сейчас, после начала размещения на Дальнем Востоке крылатых ракет «Томагавк» с ядерными боеголовками, задача борьбы за предотвращение ядерной войны, за достижение полного и всеобщего запрещения ядерного оружия стала еще более неотложной, — подчеркнул председатель правления Японского комитета мира Хидзо Фукуяма.

Некоторые местные органы власти принимают собственные меры по закрытию японских портов для кораблей — носителей ядерного оружия. В этих целях антивоенные организации страны намерены распространить по всей Японии пример порта Кобе, муниципальное собрание которого еще в 1975 году приняло резолюцию, чтобы каждый военный корабль, заходящий в порт, давал письменное подтверждение об отсутствии на его борту ядерного оружия. За прошедшие годы Кобе посетили военные корабли Канады и Франции. Они дали соответствующее подтверждение. Четырем английским военно-морским кораблям, которые отказались представить такой документ, заход в порт не был разрешен. За эти же годы ни один американский военный корабль не входил в Кобе. Ясно почему.

Собранием префектуры Канагава принята «Декларация об объявлении Канагавы неядерной зоной». А всего подобные декларации приняли более ста крупных местных органов самоуправления. Безъядерными зонами провозгласили свои населенные пункты муниципальные власти трех токийских пригородов — Му-саси-Мураяма, Кокубундзи и Танаси.

Широкие слои населения стран Азии считают, что происходит бесконтрольное наращива-

ние военной мощи Японии. Многие из них встревожены тем, что нынешний уровень милитаристской деятельности японских правящих кругов, возможно, перейдет в другую фазу, когда Япония снова станет угрожать им в той же степени, как это было в предвоенный период.

Несомненно, что советские люди тоже обеспокоены реваншистскими настроениями, проявляющимися все больше и больше на Японских островах. Они не хотят воевать со своим дальневосточным соседом, хотят с ним жить в мире и согласии. Советское правительство не раз разъясняло, что принятое на себя СССР в одностороннем порядке обязательство не применять ядерное оружие первым и сделанное Советским Союзом в мае 1978 года заявление о том, что СССР никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения ядерного оружия и не имеют его на своей территории, полностью относится к Японии. Оно готово заключить на этот счет специальное соглашение с любым из неядерных государств.

Высший интерес СССР — добиться свертывания гонки вооружений, в первую очередь ядерных. Советский Союз выступает за обогащение политических связей и контактов между нашей страной и Японией, за разработку мер доверия совместно с другими заинтересованными государствами на Дальнем Востоке, за умножение экономических и культурных связей между двумя странами.

СССР выступил с рядом конкретных инициатив, в том числе, учитывая, что японская

сторона пока не готова подписать мирный договор, с предложением заключить договор о добрососедстве и сотрудничестве. Другими инициативами были: начать обсуждение с Японией форм и содержания мер доверия, обмен мнениями по поводу заключения соглашения о неприменении ядерного оружия в том случае, если Япония не будет владеть этим оружием, производить его или размещать на своей территории.

Будь приняты эти и другие подобные предложения, политический климат в советско-японских отношениях и в целом на Дальнем Востоке заметно потеплел бы...

СССР неизменно стремится строить свои отношения с ближайшим соседом на Востоке на принципах добрососедства, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества. Эта линия утверждена XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС. Она соответствует интересам как советского, так и японского народов.

Время скоротечно. С памятных дней войны с Японией прошло сорок лет. И у участников маньчжурского похода уже далеко не комсомольский возраст. У Дмитрия Траханова, как и у меня, побелела голова. Но мы помним и никогда не забудем те жаркие августовские дни боев с японскими самураями, дни, которые стояли нам многих лет, которые стали тогда водоразделом, гранью между жизнью и смертью.

Японский народ — сосед советского на Дальнем Востоке. И мы твердо знаем, большинство его составляют отнюдь не реваншисты и националисты, а люди труда. Основная масса рабочих, крестьян, интеллигенции Японии хо-

мира и обеспеченной жизни, хочет работать, учиться, растить детей, торговать, обмениваться культурными ценностями. Они знают, что Советский Союз ни Японии, ни какой-либо другой стране не угрожает.

Советские люди не хотят, чтобы снова повторилась кровавая трагедия. Они приложат все усилия, чтобы этого никогда не случилось.

1964—1984 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТЕ ПРЕДИСЛОВИЯ	3
О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ВАЛЬС	7
ВСТРЕЧИ НА ГОРЕ БОГДО-УЛА	14
КОНФЛИКТ ИЛИ ВОЙНА?	19
НА МЕСТАХ БОЕВ	22
ГЕРОИЧЕСКИЙ БАИН-ЦАГАН	28
ЧТОБЫ ПОДВИГ ВОСПЕТЬ	44
КОМАНДОВАЛ КОМКОР ЖУКОВ	52
УРОКИ ХАЛХИН-ГОЛА	55
СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА	60
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	66
КОМИССАРЫ	81
НАКАНУНЕ	99
ЗАПЕЛА ТРУБА ГОРНИСТА	108
НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	120
«КАМИКАДЗЕ»	125
ЧЕРЕЗ ГОБИ И ХИНГАН	129
КАПИТУЛЯЦИЯ	133
ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА	139
И ОТКЛИКНУЛОСЬ ВО ВСЕМ МИРЕ...	148
РАСПЛАТА	152
И СНОВА МАРШИРУЮТ...	155
НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ!	164

Кривель А. М.
К82 Это было на Хингане.— М.: Политиздат, 1985.—174 с., ил.

Эта книга о подвиге Советской Армии, которая в 1945 году внесла решающий вклад в разгром милитаристской Японии. Автор, журналист-международник, в своих очерках рассказывает также об агрессии японских милитаристов против Страны Советов и Монгольской Народной Республики, о боях у озера Хасан и реки Халхин-Гол.

В книге разоблачаются действия реакционных сил Японии, которые в наши дни, игнорируя уроки истории, вновь пытаются раздуть милитаристскую истерию.

Издание рассчитано на массового читателя.

К 0505030202--100 143—85
079(02)—85

63.3(2)7
9(С)2

Алексей Митрофанович Кривель
ЭТО БЫЛО НА ХИНГАНЕ

Фотографии: *Я. Рюмкина, Н. Финикова,
В. Темина и автора*

Заведующий редакцией А. В. НИКОЛЬСКИЙ
Редактор Т. Г. КЛИМОВА
Младший редактор Г. С. ПРУЖИНИН
Художник В. М. АНИКЕЕВ
Художественный редактор Е. А. АНДРУСЕНКО
Технический редактор Е. Ф. ЛЕОНОВА

ИБ № 4947

Сдано в набор 26.10.84. Подписано в печать 03.04.85. А 06066.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 6,73. Усл.кр.-отт. 7,46.
Уч.-изд. л. 6,78. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ № 4071.
Цена 35 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография издательства «Горьковская правда». 603006,
г. Горький, ул. Фигнер, 32.

35 к.

